Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

СБОРНИК РАБОТ БАРНАУЛЬСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1971

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

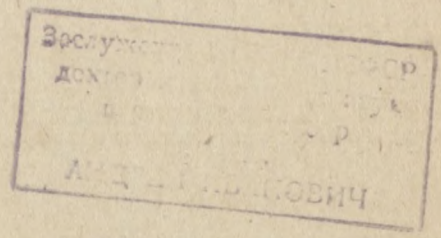
ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 219 1971

Юридический факультет

СБОРНИК РАБОТ БАРНАУЛЬСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

1-864239



ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1971

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Редколлегия: проф. *А. И. Ким,* проф. *А. Л. Ременсон*
и проф. В. Н. Щеглов

Индекс 1-10.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 219 Серия юридическая

К ВОПРОСУ О ТОВАРНОМ ОБРАЩЕНИИ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И КОЛХОЗАМИ

П. М. МИХАЙЛОВ

В историческом процессе построения коммунистического общества важнейшим звеном, наряду с могучей промышленностью, является всесторонне развитое, высокопродуктивное сельское хозяйство.

Создание высокоразвитого сельского хозяйства невозможно без совершенствования общественных отношений в деревне, в частности, товарно-денежных отношений между государством и колхозами. Неслучайно этим вопросам важное место уделено в Программе КПСС. «Политика партии в отношении колхозов, — указывается в Программе партии, — основывается на сочетании общенародных интересов с материальной заинтересованностью колхозов и колхозников в результатах их труда. Государство будет содействовать росту производительных сил колхозного строя, экономическому подъему всех колхозов; в то же время должен возрастать и вклад колхозного крестьянства в строительство коммунистического общества[1].

После Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин, вырабатывая новую экономическую политику, обосновал необходимость использования товарно-денежных отношений в процессе строительства социализма и коммунизма.

В Наказе от Совета Труда и Обороны местным советским учреждениям (1921 г.) Ленин в первую группу вопросов выделил «Товарообмен с крестьянством».

«Это, — писал он, — первый вопрос по важности и злободневности в настоящее время. Во-первых, без полного и правильного снабжения продовольствием армии и городских рабочих государство не может вести хозяйственного строительства вообще, а товарообмен должен стать главным средством сбора продовольствия. Во-вторых, товарообмен есть проверка правильного взаимоотношения промышленности и земледелия, а равно фундамент всей работы по созданию сколько-нибудь правильно действующей денежной системы... На вопрос о товарообмене должно быть обращено теперь главное внимание всех экономистов[2] всех органов хозяйственного строительства»[3].

Без развития товарного обмена нельзя было наладить и укрепить

[1] Материалы XXII съезда КПСС. Госполитиздат, 1961 г., стр. 381.

[2] Автор согласен с теми экономистами, которые считают, что выделять в курсе политэкономии социализма отдельную тему по вопросу «Товарное обращение между государством и колхозами «нет необходимости, так как вопросы товарного обращения между городом и деревней рассматриваются в других темах курса и на наш взгляд правильно включены авторами учебной программы в тему «Товарное обращение».

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 275—276.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

экономическую смычку между социалистической промышленностью и мелкотоварным крестьянским хозяйством. Развитие обмена являлось основным рычагом подъема производительных сил страны. Поэтому и в произведениях В. И. Ленина, и в решениях Коммунистической партии, и в постановлениях Советского правительства в период восстановления народного хозяйства задача развития товарооборота ставилась на первое место.

По организации товарного обмена с деревней В. И. Ленин учил проверять правильность взаимоотношений промышленности и сельского хозяйства, прочность экономического и политического союза рабочих и крестьян в их общей борьбе за построение социализма, а затем и коммунизма[4].

Как видим, исторически проблема использования товарно-денежных отношений была поставлена ходом социалистического строительства прежде всего как проблема экономической связи между городом и деревней, как проблема экономического союза рабочего класса с крестьянством.

Коммунистическая партия использовала товарообмен между городом и деревней в качестве мощного рычага, стимулирующего увеличение производства сельскохозяйственной продукции, повышение жизненного уровня крестьянства и всего советского народа. Конечно, степень использования товарно-денежных отношений для стимулирования роста валовой и товарной сельскохозяйственной продукции определялась конкретными социально-экономическими условиями нашей страны, а также международной обстановкой. Так, например, в период перестройки и становления социалистической системы сельского хозяйства довольно значительное место в экономических связях города с деревней, государством и колхозами занимали натуральные расчеты, налоги и т. д.

В современных условиях товарно-денежные отношения между городом и деревней, государством и колхозами являются одним из важнейших факторов ускоренного развития социалистической экономики, совершенствования производственных отношений, укрепления сотрудничества и взаимопомощи рабочего класса и крестьянства. Чем же вызывается необходимость сохранения товарного обращения между государством и колхозами в период постепенного перехода общества от социализма к коммунизму? На этот вопрос советские экономисты отвечают по-разному.

Одно время в нашей экономической литературе наметилась тенденция к чрезмерному подчеркиванию значения нетоварных форм связи, как якобы наиболее прогрессивных, способствующих ускорению подъема колхозной собственности до уровня общенародной. Ряд экономистов был занят «поисками» путей замены товарно-денежных отношений между государством и колхозами «прямыми», нетоварными отношениями[5].

Ошибка в такой постановке вопроса, на наш взгляд, состоит не в том, что они вообще ставят проблему развития прямых, нетоварных связей между государством и колхозами, а в том, что они допускают «смещение во времени», то есть то, что будет необходимо и целесообразно в будущем, при высоком уровне развития производительных сил в городе и деревне, пытаются перенести в современную действительность.

В Программе КПСС совершенно четко указано, что «в коммунисти-

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 383—385.

[5] Мы имеем в виду попытку обосновать необходимость введения так называемого «продуктообмена», выпячивание «прогрессивности», существовавшего в прошлом натурального обмена результатами хозяйственной деятельности между колхозами и МТС и т. д.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ческом строительстве необходимо полностью использовать товарно-денежные отношения в соответствии с новым содержанием, присущим им в период социализма»[6].

Еще в 1931 году Коммунистическая партия осудила «левацкие теории» об отмирании денег и торговли. В обращении СНК, ЦК ВКП(б) и Центросоюза «О потребительской кооперации» (май 1931 г.) осуждалось ошибочное предложение о том, что «уже назрели условия для непосредственного перехода к прямому продуктообмену»[7].

Несостоятельными оказались и доводы отдельных экономистов, что в период перехода к коммунизму продажа колхозам машин означала бы нежелательное расширение товарно-денежных отношений между государством и колхозами. На самом же деле продажа колхозам машинно-тракторного парка благоприятно отразилась на развитии экономики колхозов, укреплении и расширении товарно-денежных отношений. Товарный обмен между государством и колхозами существенно возрос, что в свою очередь привело к дальнейшему подъему колхозного производства.

Теперь колхозы, будучи основными производителями сельскохозяйственной продукции, стали основными покупателями сельскохозяйственных средств производства, изготовляемых промышленностью. Так, по данным Всесоюзного объединения «Союзсельхозтехника», в 1961 году через торговые конторы этого объединения колхозам было продано 46% всей сельскохозяйственной техники, а в 1962 году — 51%[8].

В составе машинно-тракторного парка колхозов в настоящее время имеется много мощных современных машин и орудий, в том числе комбайны для уборки хлопка, картофеля, сахарной свеклы, льна-долгунца. Такие мощные тракторы, как К-700 в 220 лошадиных сил, универсальные доильные установки, установки для подготовки кормов, мощные экскаваторы и другие машины.

Приводимая ниже таблица 1 дает полное представление о машинно-тракторном парке колхозов нашей страны[9].

Таблица 1

Рост технической оснащенности колхозов
(включая МТС, на конец года, в тыс. штук)

№ п. п.		Годы				
		1935	1940	1950	1960	1968
1.	Тракторов в физических единицах	258	440	484	634	905
2.	Комбайнов зерноуборочных	29	153	173	270	275
3.	Грузовых автомобилей (включая автоцистерны)	44	147	144	482	531

Возросшая техническая оснащенность позволила полностью меха-

[6] Программа Коммунистической партии Советского Союза. Политиздат, 1965, стр. 89.

[7] «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», т. 2, Госполитиздат, 1957, стр. 273.

[8] По отчетным данным Всесоюзного объединения «Союзсельхозтехника».

[9] Источники: «СССР в цифрах в 1967 г.» — Статистический сборник, стр. 38, «Народное хозяйство СССР в 1968 году» — Статистический ежегодник, 1969, стр. 415, «Экономическая газета», 1969, № 40, стр. 19.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

низировать основные наиболее трудоемкие сельскохозяйственные работы — вспашку, культивацию, боронование, посев зерновых и технических культур, уборку хлебов, междурядную обработку пропашных, уборку сахарной свеклы, заготовку кормов и другие процессы в земледелии и животноводстве.

«Сегодня колхозы, — сказал Л. И. Брежнев, — это крупные сельскохозяйственные предприятия, оснащенные современной техникой. Теперь в среднем на колхоз приходится свыше 50 тракторов, десятки грузовых автомобилей, комбайнов, электромоторов и много другой техники»[10].

Из года в год укрепляется материально-техническая база Алтайского края. В крае имеется 307 крупных совхозов и 323 колхоза, которые насчитывают 80.000 тракторов (в пятнадцатисильном исчислении), свыше тридцати тысяч комбайнов, более двадцати тысяч автомобилей и много другой первоклассной сельскохозяйственной техники. По сравнению с предыдущим четырехлетием поставки тракторов в край выросли на 1845, зерновых комбайнов — на 2654 и автомобилей — на 2294 шт.[11]

Подавляющая часть (90—95%) товарной продукции колхозов поступает государству, то есть реализуется в форме государственных закупок[12]. Закупки сельскохозяйственной продукции ведут специальные заготовительные организации. Мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС подчеркнул необходимость последовательно использовать товарно-денежные отношения в колхозной экономике, материально стимулировать колхозы в увеличении производства и продаже государству сельскохозяйственных продуктов[13].

Как велика роль в поставках товарной продукции государству для удовлетворения потребностей общества в продуктах сельского хозяйства, видно из таблицы 2.

Таблица 2[14]

Удельный вес колхозной продукции во всех государственных заготовках и закупках сельскохозяйственной продукции в процентах

№ п. п.		Годы					
		1940	1953	1958	1960	1963	1965
1.	Зерновые культуры	87	86	62	57	59	н. св.
2.	Хлопок-сырец	94	94	87	85	81	80
3.	Сахарная свекла	96	96	96	93	92	91
4.	Подсолнечник	93	94	88	н. св.	87	86
5.	Картофель	61	55	67	51	40	40
6.	Овощи	92	75	66	46	39	36
7.	Молоко	50	52	67	61	57	55
8.	Шерсть	58	75	60	56	48	45
9.	Яйца	4	42	34	34	30	29

[10] Л. И. Брежнев. Речь на Третьем Всесоюзном съезде колхозников. Политиздат, 1969, стр. 11.

[11] «Народное хозяйство Алтайского края за 50 лет Советской власти» (Статистический сборник), 1967, стр. 40—41, «Блокнот агитатора», 1968, № 17, стр. Алтайского крайкома КПСС.

[12] «Политическая экономия социализма». Издательство «Экономика», 196 стр. 445.

[13] Материалы мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС.

[14] Источники: «СССР в цифрах в 1961 г.». Статистический сборник, стр. 21 «СССР в цифрах в 1963 году», стр. 104, «СССР в цифрах в 1965 году», стр. 8

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Из таблицы видно, что проданное в 1963 году колхозами государству зерно составляло 59% всех государственных заготовок зерновых культур. На долю колхозов приходится примерно половина всех продуктов животноводства, заготавливаемых государством, по техническим же культурам доля колхозов в государственных заготовках до середины 50-х годов составляла более 90%.

Государственные заготовки являются основным каналом, по которым товарная продукция колхозов поступает в народнохозяйственный оборот. В 1967 году закупки у колхозов составляли в общей массе государственных закупок по шерсти 44%, скоту и птице — 45%, зерну — 53%, молоку — 54%, хлопку 80%, сахарной свеклы — 90%[15].

Велика роль колхозов в сельскохозяйственном производстве Алтайского края. Они ежегодно продают государству свыше 1 млн. тонн зерна, более 300 тыс. тонн сахарной свеклы, почти 70 тыс. тонн мяса, 270 тыс. тонн молока, 30 млн. штук яиц, около 4 тыс. тонн шерсти.

Объем валовой продукции сельского хозяйства за два года пятилетки увеличился на 12,3 процента. Государству продано сверх плана 99 тыс. тонн сахарной свеклы, 109,5 тыс. тонн мяса, 219,7 тыс. тонн молока, 47,2 млн. штук яиц, 3137 тонн шерсти. Объем товарооборота увеличился на 526,1 млн. рублей[16].

Колхозники ордена Ленина сельхозартели «Россия» Змеиногорского района уже выполнили пятилетнее задание по продаже зерна государству. Колхоз продал государству 375 тысяч центнеров зерна.

Колхоз им. Ленина Бийского района за три года пятилетки продал государству 122 тыс. центнеров зерна вместо 90 тыс. центнеров по плану. В 1969 году колхоз продал 45 тыс. центнеров зерна — в полтора раза больше, чем запланировано[17].

1969 год был трудным и сложным для сельского хозяйства Алтая. Однако колхозы и совхозы Алтайского края в 1969 году продали государству 107 млн. пудов зерна, 450 тыс. тонн сахарной свеклы, 83 тыс. тонн картофеля и много другой продукции[18].

До настоящего времени в экономической литературе нет единой точки зрения по вопросу о необходимости товарно-денежных отношений между государством и колхозами. Долгое время безраздельно господствовала в экономической литературе точка зрения, что необходимость товарного обращения между государством и колхозами вытекает из наличия двух форм социалистической собственности: государственной и кооперативной.

Объяснение существования товарных отношений между государством и колхозами наличием колхозной собственности впервые было выдвинуто академиком К. В. Островитяновым[19].

[15] «Экономическая газета», 1968, № 50, стр. 3.

[16] Доклад первого секретаря крайкома партии А. В. Георгиева на III пленуме Алтайского крайкома КПСС. «Блокнот агитатора», 1968, № 19, стр. 3—4.

[17] Н. Мисюков. В общих интересах. Журнал «Техника в сельском хозяйстве», 1969, № 9.

[18] Победоносное знамя ленинизма. Материалы Алтайского крайкома КПСС для выступлений о тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина», 1970, стр. 21.

[19] Журнал «Вопросы экономики», 1948, № 1, стр. 33. Это положение поддерживали: Н. Спиридонова. «Товарное производство, закон стоимости и деньги при социализме», М., 1956, стр. 7, В. Г. Лопаткин. Советская торговля — один из важнейших участков социалистической экономики». Госкультпросветиздат, 1954 г., стр. 5, В. А. Первушин. «Товарное производство, деньги и закон стоимости при социализме», г. Новосибирск, 1960, стр. 9, Н. Ф. Бадулин. Автореферат на соискание ученой степени кандидата экономических наук. «Экономические основы государственных заготовок сельскохозяйственных продуктов в СССР», Ростов-на-Дону, 1964 г., стр. 6.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Однако некоторые экономисты, борясь с неправильным представлением, признававшим единственной причиной существования товарного обращения между государством и колхозами, наличие двух форм собственности, отрицают это положение.

Я. А. Кронрод утверждает, что «социалистическая собственность не разъединяет, а объединяет», а поэтому наличие двух форм собственности не может служить объяснением товарного обращения[20].

Кроме того, он полагает, что это объяснение исходит из отношений обмена, а не производства, и в конечном счете признает колхозную собственность как дополнительную причину товарных отношений между государством и колхозами[21].

Впоследствии широкое распространение среди экономистов получила другая точка зрения. Они утверждали, что необходимость товарного обращения между государством и колхозами вызвана наличием общественного разделения труда[22].

Каждая из этих концепций имеет соответствующее основание, однако та и другая является односторонней и поэтому не отражает в полной мере истинной причины необходимости товарного обращения между государством и колхозами.

Концепция, выводящая необходимость товарного обращения между государством и колхозами только из наличия двух форм социалистической собственности, логически приводит к неправильному выводу о том, что по мере развития и совершенствования двух форм социалистической собственности должна сужаться сфера товарно-денежных отношений.

С этой точкой зрения нельзя согласиться и по следующим причинам: во-первых, если считать причиной сохранения и использования товарного обращения между государством и колхозами только две формы социалистической собственности, то рамки товарного производства и товарного обращения надо ограничивать колхозным производством и отношениями между двумя секторами социалистического производства.

При такой постановке вопроса продукты народного потребления, которые государство продает населению, а также средства производства, находящиеся в экономическом обороте между государственными предприятиями, не являются товарами.

Во-вторых, здесь формы собственности отрываются от остальных элементов производственных отношений. Этими элементами являются отношения людей в процессе производства и распределения материальных благ.

Далее нельзя забывать, что, кроме двух основных форм социалистической собственности — общенародной (государственной) и кооперативно-колхозной существует собственность общественных организаций, профсоюзов, КПСС, ВЛКСМ, научно-технических обществ, культурно-просветительных и спортивных организаций, Всероссийского общества слепых и ряда других. Кроме того, нельзя забывать и о личной собственности.

Не совсем правильно объяснять необходимость товарного обращения между государством и колхозами наличием разделения труда, так как разделение труда в определенных формах будет иметь место и при коммунизме, а товарного производства и товарного обращения не бу-

---

[20] Журнал «Вопросы экономики», 1957, № 2, стр. 80.

[21] «Закон стоимости и его использование в народном хозяйстве СССР». Госполитиздат, 1959, стр. 143.

[22] А. П. Бычков. Экономические связи колхозов с социалистическим государством и развитие отношений собственности. Изд. Томского университета, 1968, стр. 416.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

дет. Возникает вопрос: может ли быть обмен без разделения труда? Без разделения труда нет обмена. Однако считать общественное разделение труда причиной товарного обмена, на наш взгляд, нельзя. К. Маркс по этому поводу писал: «Оно (общественное разделение труда — **П. М.**) составляет условие существования товарного производства... В древнеиндийской общине труд общественно разделен, но продукты его не становятся товарами»[23].

Нам представляется более правильной такая точка зрения, что необходимость товарного обращения между государством и колхозами вытекает из существования относительно обособленных товаропроизводителей как собственников (с одной стороны, государство в целом, с другой — колхозы) и как владельцев средств производства (государственных предприятий).

Только такое понимание причины товарной формы связи между двумя секторами социалистического производства дает возможность объяснить необходимость товарного обращения между государством и колхозами в период строительства коммунизма.

Наличие относительной обособленности государственных предприятий на основе владения средствами производства внутри государственного сектора и является причиной товарной сущности средств производства. Наличие относительной обособленности предприятий дает возможность объяснить, почему средства производства, обращающиеся внутри госсектора, являются товарами. Оно дает возможность объяснить причину товарно-денежных отношений между государством и колхозами, между государственными предприятиями внутри общенародного сектора.

* * *

В сфере обмена между государством и колхозами товарно-денежный характер отношений выражен наиболее четко и последовательно по сравнению с обменом внутри государственного сектора. Товарный обмен здесь осуществляется в двух формах: продажа колхозам средств производства, государственные закупки колхозной продукции.

Государство вступает в обмен с каждым колхозом как экономически обособленным коллективным собственником. Основная особенность данного вида товарного обращения заключается в том, что в процессе обмена происходит не только обмен товаров в соответствии с их стоимостью, но и происходит смена собственников на обмениваемые товары. «При всяком акте купли и продажи, — писал Маркс, — поскольку вообще происходит обмен, предмет действительно отдается. Собственность на продаваемый предмет каждый раз уступается. Но стоимость при этом не отдается»[24].

Именно так и обстоит дело в обмене между государством и колхозами, где товар переходит из одной формы социалистической собственности в другую: колхозная продукция из групповой собственности переходит в общенародную, а средства производства, проданные государством, становятся собственностью коллективных хозяйств. Это является наиболее существенным моментом, отличающим обмен между государством и колхозами, от обмена государственного сектора, где продукты, обмениваемые между предприятиями, не меняют собственника в процессе обмена.

---

[23] К. Маркс. «Капитал», т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 48 (подчеркнуто мною — **П. М.**).

[24] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 379.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Обмен между государством и колхозами продуктами, как товарами, постоянно выступает как социалистическая форма обмена трудом между двумя различными собственниками — колхозами и государством в целом[25].

Поскольку этот обмен, обусловленный общественным разделением труда, происходит между различными собственниками средств производства, он не только по форме, но и по содержанию должен быть товарным. Однако если рассматривать обмен деятельностью в широком смысле, то в экономических связях государства и колхозов имеется обмен, который не укладывается в рамки товарной формы, т. е. имеются нетоварные отношения. К числу последних относятся, например, государственная подготовка кадров для колхозной деревни, перемещение рабочей силы в государственный сектор, все виды безвозмездной государственной помощи колхозам и некоторые другие формы обмена деятельностью осуществляются между государством и колхозами вне товарной формы, минуя куплю-продажу. Но в сфере обмена продуктов товарно-денежная форма остается господствующей до перехода к коммунизму.

По мере продвижения к коммунизму все больше будут совершенствоваться товарно-денежные отношения между государством и колхозами. Успешному решению этого вопроса во многом будет способствовать новый Примерный Устав колхоза.

---

[25] В экономической литературе встречается утверждение, что труд в колхозе со стороны его непосредственно общественного характера не отличается от труда работников государственных предприятий. Так, по мнению В. М. Батырева, труд в колхозах «непосредственно планомерно включается в социалистическую систему общественного разделения труда». (Проблемы политической экономии социализма. Госполитиздат, 1963, стр. 204). Л. И. Любошиц пишет, что труд колхозников и прямо, и непосредственно (то есть до и независимо от обмена — П. М.), как и труд работников государственных предприятий, существует как составная часть совокупного общественного труда». (Л. И. Любошиц. Общие и специфические экономические законы. Госполитиздат, 1959, стр. 118). Авторы считают, что труд колхозников, как и труд работников государственных предприятий, является «непосредственно общественным в народнохозяйственном масштабе». Это явное преувеличение, вытекающее из недооценки особенностей обобществления труда колхозников.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 219 Серия юридическая

В. И. ЛЕНИН ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

А. И. ОРЕХОВСКИЙ

В общетеоретических исследованиях в последние годы выделен круг вопросов, охватывающих основные предпссылки для верного методологического рассмотрения проблемы ответственности личности в обществе в целом. Можно выделить три методологических аспекта ответственности:

1. Ответственность как автономия воли индивида при выборе.
2. Ответственность как привлечение к ней, как подотчетность.
3. Ответственность как осознание и принятие ее личностью.

В работах В. И. Ленина на различных этапах революционно-преобразовательного движения в России акцентировалось внимание на определенные стороны ответственности человека в обществе.

Прежде всего, необходимо было восстановить основополагающие положения материалистической диалектики, опошленные и извращенные либеральными народниками и «легальными марксистами», по вопросам свободы и ответственности личности в историческом процессе общественного развития. В. И. Ленин сделал это в ранних произведениях, где подверг резкой критике субъективистские воззрения идеолога либерального народничества Николая Михайловского и буржуазного экономиста и философа, главного представителя «легального марксизма» Петра Струве.

В центре полемики стоял вопрос об основаниях человеческого поведения, об отношении к так называемой теории «свободной воли».

Выводить ответственность только из автономии воли индивида при выборе поступка без учета реальных возможностей, представленных личности жизненными обстоятельствами, значит, становиться на ложные позиции, впадать в заблуждение.

В произведениях В. И. Ленина, направленных против либеральных народников и «легальных марксистов», последовательно прсводится материалистический взгляд на понимание свободы и ответственности личности в процессе исторического развития общества.

Значение деятельности индивида и свободу выбсра им поступков В. И. Ленин выводит не из конфликта между детерминизмом и нравственностью, как это делали субъективные идеалисты типа Михайловского, а из диалектической взаимосвязи свободы и необходимости.

В. И. Ленин, критикуя метафизический отрыв свобсды от необходимости, писал: «Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на сво-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

бодную волю. Равным образом и идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся слагается именно из действий личностей...»[1].

Ответственность и свободу личности как автономию ее воли при выборе В. И. Ленин рассматривает с позиции диалектического материализма. Вскрывая сущность исторической необходимости, он показывает, что идея закономерности, получившая научное обоснование в марксизме, дает верный ключ к пониманию соотношения свободы и необходимости личности, хотя историческая необходимость складывается из взаимодействий десятков и сотен миллионов личностей, обладающих стремлениями, сознанием и волей, объективным основанием в этом сложном взаимодействии, по методологии Маркса, являются экономические отношения. И чем полнее осознают свою роль в этих отношениях люди труда, тем полнее — при известной организации и солидарности трудящихся в борьбе за прогресс — проявляются свобода и ответственность личности. Эту высокую ответственность, отражающую конкретно-исторические условия пролетарского движения в России, В. И. Ленин видит в деятельности Коммунистической партии, в самоотверженных подвигах лучших представителей рабочего класса.

Обосновывая организационные принципы марксистской партии, В. И. Ленин разрабатывает стройную систему подотчетности в партийной работе.

Рассматривая такой аспект ответственности как подотчетность, следует отметить, что подотчетность значительно уже понятия ответственности. Подотчетность зависит от типа отношений, в которые вступает субъект: социальная — перед определенной экономической общностью, производственным коллективом, политическая — перед конкретными организациями, партиями, юридическая — перед государством, моральная — перед обществом в целом.

В первые годы Советской власти В. И. Ленин, учитывая особенности переходного периода, когда в экономике существовали различные общественно-экономические уклады, научно развивает в своих теоретических работах и в непосредственных деловых указаниях такие аспекты в диалектике соотношения свободы и ответственности, как строгая **подотчетность** личности законам и установлениям Советской власти, как **проявление** и формирование сознания и чувства ответственности личности через различные методы воздействия и средства социалистического строительства.

Определяя пути развития социалистического общества, В. И. Ленин отмечал необходимость широкого участия трудящихся в определении перспектив развития социалистического государства, но это вовсе не исключает ответственности личности перед различными инстанциями, наоборот, необходимы четкость и определенность в подотчетности. «...Каждый гражданин должен быть поставлен в такие условия, чтобы он мог участвовать и в обсуждении законов государства, и в выборе своих представителей, и в проведении государственных законов в жизнь. Но из этого вовсе не следует, чтобы допустим был малейший хаос или малейший беспорядок насчет того, кто ответствен в каждом отдельном случае за определенные исполнительные функции, за проведение в жизнь определенных распоряжений, за руководство определенным процессом общего труда в известный промежуток времени»[2].

Вопрос о целесообразной подотчетности постоянно был в центре

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 159.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 157.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

внимания В. И. Ленина, ибо от его верной постановки зависели успехи социалистического строительства. В. И. Ленин требовал установления «самой точной **ответственности каждого** из состоящих на любой советской должности лиц за **выполнение определенных,** ясно и недвусмысленно очерченных, заданий и **практических** работ»[3]. По мысли Владимира Ильича, «переход от коллегиального исполнения к личной ответственности составляет задачу дня»[4]. «...Нам необходима единоличная ответственность, — говорил на VII Всероссийском съезде Советов Ильич, — как коллегиальность необходима для обсуждения основных вопросов, так необходима и единоличная ответственность и единоличное распорядительство, чтобы не было волокиты, чтобы нельзя было уклоняться от ответственности»[5].

«Обсуждение — сообща, а ответственность — единолична. От неумения осуществить это начало мы страдаем на каждом шагу»[6], отмечал В. И. Ленин.

Установление рамок подотчетности, устранение организационных факторов безответственного поведения является злободневной проблемой и в наши дни, поскольку еще не изжиты факты беспринципности и безответственности в исполнении и решении неотложных дел. Эта проблема постоянно ставится в нашей периодической и публицистической литературе. Так, например, в книге очерков «Что за словом?» известный советский журналист Илья Зверев ярко вскрывает такие факты, когда на документах, взывающих к безотлагательному решению, плодятся еще безответственные массовые резолюции. Очеркист заклеймил это явление как «спихотехнику». В. И. Ленин в свое время рассматривал подобную «спихотехнику» как волокиту и требовал строго бороться с ней. Это явление нашло гневное осуждение в письме к наркому юстиции Дмитрию Ивановичу Курскому, где Ильич предлагал «добиться ошельмования виновных и в прессе и строгим наказанием»...[7]

К мысли о необходимости борьбы с волокитой и бюрократическим неисполнением служебных обязанностей В. И. Ленин обращается постоянно, ибо в условиях социалистического строительства, подотчетность перед государственными инстанциями — обязательное требование, способствующее общественному развитию.

При частнособственнических отношениях подотчетность ограничивает свободу труженика, имея лишь видимость заботы об общественном прогрессе. Классовые антогонизмы создают объективные возможности для деградации личности.

«Частная собственность сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является **нашим** лишь тогда, когда мы им обладаем... Поэтому на место **всех** физических и духовных чувств стало просто отчуждение **всех** этих чувств — чувство **обладания»**[8].

Провести коренное изменение сложившихся базисных отношений в системе капиталистического способа производства можно лишь на принципиально новой системе подотчетности личности. Поэтому особую заботу В. И. Ленин проявляет к развитию и совершенствованию должных политических отношений в условиях диктатуры пролетариата, при-

---

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 365.
[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 397.
[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 428—429.
[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 165.
[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 165.
[8] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 592.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

званной создать новые общественные связи, новую организацию труда и распределения, новую трудовую дисциплину.

В. И. Ленин научно обосновывает диалектику соотношения коллегиальности и единоначалия, разъяснительных и исполнительных функций в ответственности; вскрывает сущность и роль государственного и общественного контроля в воспитании ответственных руководителей; показывает значение учета, социалистического соревнования и прессы в формировании нравственных качеств нового человека; устанавливает ценность научного управления и организации труда, требует целесообразной разработки и принятия определенных норм для развития и совершенствования социалистических отношений и воспитания личности. В то же время В. И. Ленин отмечает и необходимость диалектического совершенствования регулятивных функций социалистического государства: из попыток регламентации всех взаимоотношений «могло бы получиться чисто бюрократическое творчество»[9], — писал он.

Создание социалистического базиса — длительный и трудный процесс, и в этом процессе, как никогда раньше, велика роль надстройки, механизм четкого функционирования всех звеньев целесообразной подотчетности. Поэтому В. И. Ленин заостряет, подчеркивает, выделяет на первый план вопросы научного управления и руководства общественными процессами, вопросы четкой политической организации, как необходимого условия для творческого преобразования отживших экономических отношений.

Характерно, что намечая тактику решения злободневных задач вскоре после свершения Октябрьской революции, В. И. Ленин, исходя из марксистских положений, считает нецелесообразным подчеркивать примат экономического содержания над юридической формой государственного управления народным хозяйством. Так, в начальной редакции статьи «Очередные задачи Советской власти» (впервые этот вариант был опубликован только в ноябре 1962 года, и это в определенной мере сказалось на развитии и постановке проблемы ответственности в целом), В. И. Ленин акцентировал внимание на общеметодологическом аспекте соотношения политики и экономики. В окончательном же варианте работы он уточняет это положение конкретно-историческим подходом и, исходя из сущности переходного периода, вносит в рукопись соответствующие коррективы. В частности, в публикуемой статье В. И. Ленина отсутствует мысль о том, что «Задача управления государством... представляет еще ту особенность, что речь идет теперь... о таком управлении, когда преимущественное значение приобретает не политика, а экономика... что политические задачи занимают подчиненное место по отношению к задачам экономическим. И теперь... для нас должно быть вполне ясно, что задача управления государством сводится теперь прежде всего и в первую голову к чисто экономической задаче... она сводится к задаче экономической реорганизации»[10].

Нетрудно понять, почему В. И. Ленин снял акцент с этого положения.

Но было бы большой ошибкой не видеть того, что в большинстве статей, выступлений, деловых указаний и замечаний В. И. Ленина в послеоктябрьский период красной нитью проходит мысль о том, что критерием целесообразной подотчетности является практика социалистического строительства. В. И. Ленин ратовал за «уменьшения бумажности, волокиты, большего обдумывания, большей ответственности..., **замены**

[9] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 272.
[10] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 130.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

наскоро напеченных декретов осторожной, длительной, деловой проверкой исполнения и проверкой опыта, установлением личной ответственности...»[11]

Процесс формирования ответственности как внутреннего принятия ее, как сознательного отношения к социальной необходимости прежде всего проявляется в творческой активности личности при выборе ею предоставляющихся возможностей. Индивид сам принимает автономное решение, как поступить в том или ином случае, какими методами и средствами добиться поставленной цели.

В. И. Ленин прозорливо рассмотрел ростки новых нравственных отношений, развивающихся в условиях, созданных Советской властью. Первые коммунистические субботники, в которых проявилось глубокое осознание трудящимися своей моральной ответственности за успехи коммунистического строительства, были для Ильича «нечто более высокое, чем побеждающее капитализм социалистическое общество»[12].

При формировании ответственного отношения личности к обязанностям необходимо реально учитывать процессы взаимодействия, взаимовлияния различных норм, регламентирующих поведение индивида: норм, поддерживаемых государственной властью и обоснованных идеологическими формами,—в том числе и моральными принципами и требованиями, — и обычаев, простых норм нравственности, сложившихся в силу повседневных, ближайших интересов. Эти простые общечеловеческие нормы морали, регулирующие поведение индивида, имеют самую тесную связь с общественной психологией, с той реальной нравственностью, которая возникает объективно, исходя из различных условий жизни и деятельности коллективов.

Общественная психология в отличие от идеологии отражает непосредственно те экономические и социально-политические отношения, которые содержатся в сфере материального и духовного производства. Эти противоречивые отношения могут быть осознанными и неосознанными, влияющими на мотивы поведения людей.

По сравнению с идеологией общественная психология вбирает в себя более полно процесс материальной и духовной практики, как отживающие, так и развивающиеся моменты. Она находится в самой тесной связи с постоянно изменяющимся характером материального и духовного производства. Следовательно, мотивы поведения людей могут определяться как стихийно — самими социальными условиями, — так и целенаправленно — идейно-воспитательной работой.

Огромное преимущество нового общества Ильич видел в том, что при социализме открываются безграничные возможности делать все передовое, ценное достоянием миллионов. Это совершенно немыслимо в странах капитала, где сохраняется коммерческая тайна.

В. И. Ленин выводил нравственность как высоко ответственное поведение из успехов борьбы за социализм. Он боролся за создание такой системы идейно-воспитательной и организаторской работы в коллективах, «чтобы трудящиеся постепенно учились сами понимать и видеть, как и сколько надо работать, как и сколько можно отдыхать...»[13]

В руководстве промышленностью, учил В. И. Ленин, «целесообразнее предоставить сначала практике выработать подходящие формы отношений... разнообразие желательно, полезно, даже необходимо, чтобы точнее изучить, полнее сравнить разные системы взаимоотношений»[14].

[11] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 365.
[12] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 36.
[13] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 192.
[14] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 272.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

При современной хозяйственной реформе это указание В. И. Ленина особенно важно. В нем акцентируется внимание на повышение роли трудящихся масс в определении лучших путей хозяйствования и воспитания. Эту же мысль о пробуждении всенародной инициативы в трудовых свершениях В. И. Ленин дополняет и уточняет, намечая перспективу развития научной организации труда на предприятиях и в государственных учреждениях.

Из материалистического критерия В. И. Ленин исходит и при **оценке** поступка личности, при определении меры ее ответственности в сложном «механизме» общественных взаимодействий. «Не понимая дел, нельзя понять и людей иначе, как... внешне. Т. е. можно понять психологию того или другого участника борьбы, но не **смысл** борьбы, не **значение** ее партийное и политическое»[15].

Раскрывая диалектику абсолютного и относительного моментов в процессе познания объективной истины, В. И. Ленин подчеркивает специфический характер достижения истины в сфере общественной жизни. Необходимо адекватно отразить в познании не просто объект, а объект, **включенный** в общественные отношения, в практику. Этот процесс отражения истины в различных формах общественного сознания осуществляется как диалектическое единство суждений факта и суждений ценностей. При обосновании ответственности личности важны социальные последствия поступка. ...«По каким признакам судить нам о **реальных** «помыслах и чувствах» **реальных** личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: **действия** этих личностей,— а так как речь идет только об общественных «помыслах и чувствах», то следует добавить еще: **общественные действия** личностей, т. е. **социальные факты**»[16].

Особое внимание В. И. Ленин уделял **широкой гласности** в борьбе с правонарушениями. Он рекомендовал выносить случаи правонарушений на публичный суд — «не столько ради строгого наказания (может быть, достаточно будет выговора), но ради публичной огласки и разрушения всеобщего убеждения в ненаказуемости виновных»[17]. Привлечь к юридической ответственности — это еще вовсе не значит достигнуть победы и над теми условиями, которые породили это правонарушение. Необходимо, чтобы сам виновник и тот коллектив, в котором совершилось преступление или правонарушение, глубоко осмыслили и осознали случившееся, чтобы в людях пробудилось нравственное начало — чувство личной моральной ответственности за происходящее вокруг. Правовые требования должны постоянно взаимодействовать с моральными, уточняться последними.

С другой стороны, В. И. Ленин требовал широкой постоянной пропаганды лучших результатов хозяйственной и воспитательной деятельности передовых коллективов в целях перенятия опыта в развитии высокого сознания и чувства ответственности личности на тех предприятиях, которые еще не решили эти задачи. В. И. Ленин учил творческой постановке всей **организационной** работы на любом участке коммунистического строительства.

Наша партия воспитывает у каждого коммуниста высокое чувство моральной ответственности, которое основывается не только на осознании гражданского долга и справедливости в борьбе за общественный прогресс, но и на творческом постоянном участии личности в созидательной деятельности партии, на непримиримой борьбе со всем тем, что мешает коммунистическому строительству.

---

[15] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 221.
[16] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 423—424.
[17] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 71.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

В жизнь советских людей все полнее и глубже входят ленинские идеалы. Прочное единство экономических и морально-политических факторов, которое утверждается в практику социалистического строительства неиссякаемой энергией коммунистов-ленинцев, всех советских людей — вот та удивительная стартовая площадка, с которой впервые шагнул советский человек в космическое пространство. Общенародное государство, фундамент которого был заложен бессмертным гением В. И. Ленина, строится и совершенствуется трудом и разумом миллионов его последователей. Это государство — самый мощный современный космический корабль, успешно овладевающий все новыми и новыми, еще никем не изведанными мирами. И для того, чтобы лучше и надежнее снаряжать этот чудесный корабль, необходимо постоянно советоваться с Владимиром Ильичем, наметившим основные вехи для его успешного полета.

1-864239

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 219 Серия юридическая

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

А. П. ВЛАСОВ

В Советском социалистическом государстве насчитывается более ста десяти наций, народностей и национальных групп [1], сообща и в дружественном сотрудничестве решающих многообразные и сложнейшие задачи коммунистического строительства. В организации и сплочении этих наций, народностей и национальных групп, в утверждении их социально-политической и идейной общности как незыблемой основы советского многонационального государственного строя, наряду с советской федерацией, большую роль играет советская автономия.

Советская автономия представляет собой совокупность государственно-правовых мероприятий, направленных на политическое развитие наций, национальных групп и народностей, путем создания на определенной территории, характеризующейся особым национальным составом, экономической целостностью, культурными, бытовыми и другими особенностями, определенной самостоятельности в решении всех вопросов местного самоуправления, с учетом указанных исторических особенностей [2].

Советская автономия характеризуется многообразием форм, которые исторически сложились в практике государственного строительства в СССР. Хотя в юридической литературе нет достаточного единства по вопросу о формах советской автономии, нам представляется более правильной классификация на политическую и административную, так как здесь подчеркивается целенаправленность советской автономии — политическое развитие наций, национальных групп и народностей.

Одним из видов административной автономии является автономная область, представляющая собой национально-государственное

---

[1] «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (Сводный том)». М., 1962, стр. 184—189.

[2] В работах советских государствоведов даются различные определения советской автономии. См., например, Л. А. Григорян. Понятие и принципы советской автономии. В сб. «Научная конференция ВИЮН». М., 1952, стр. 6; А. И. Денисов. Государственное устройство СССР, союзных и автономных республик. М., 1954, стр. 26; А. В. Радвогин. К вопросу о понятии и принципах советской автономии. В сб. «Ученые записки исторического факультета Киргизского университета». Вып. 3. Фрунзе, 1954, стр. 202; Ш. Ш. Хафизов. К вопросу о содержании советской автономии как одной из государственно-правовых форм разрешения национального вопроса в СССР. В сб. «Ученые записки Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина», т. 119, кн. 3. Казань, 1959. стр. 33; Д. Л. Златопольский. Государственное устройство СССР. М., 1960, стр. 191; А. И. Лепешкин, А. И Ким, Н. Г. Мишин, П. И. Романов. Курс советского государственного права, т. 2, М., 1962, стр. 167.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

образование. Правовое положение автономных областей регламентируется Конституцией СССР, Конституциями союзных республик и отдельными нормативными актами, среди которых особое место занимает постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 29 октября 1928 года «О взаимоотношениях между автономными областями, вошедшими в состав краевых (областных) объединений, и органами краевой (областной) власти»[3].

Основные положения, закрепленные в конституциях и указанном постановлении, касающиеся правового положения автономных областей, уже получили некоторое теоретическое освещение в юридической литературе[4]. Но, в целом, как отмечается в литературе, вопросы правового положения автономных областей еще не получили достаточно широкого теоретического освещения[5].

В современных условиях отчетливо выявилось отставание правового регулирования автономных областей.

В этой связи представляется ошибочным обоснование затянувшегося процесса правового оформления автономии тем «что правовое оформление автономии у нас протекает в совершенно иных условиях, нежели в буржуазных государствах», где «выделившаяся национальность стремится как можно скорее закрепить вырванную ею у центральной власти автономию и узаконить свои права», а «в условиях социализма исключается противоположность прав центральной и автономной власти»[6]. Конечно, отставание в правовом регулировании тех или иных областей общественной жизни у нас имеет место, но надо стремиться не к оправданию этого, а к устранению сложившегося ненормального положения. На нормальное развитие общественных отношений отрицательное влияние оказывают случаи как забегания вперед, так и отставания в принятии тех или иных мер[7]. В таких случаях необходимо исходить из указания Программы партии: «КПСС, как партия научного коммунизма, выдвигает и решает задачи коммунистического строительства в меру подготовки и созревания материальных и духовных предпосылок, руководствуясь тем, что нельзя перепрыгивать через необходимые ступени развития, равно как и задерживаться на

[3] СУ РСФСР, 1928 г. № 137, ст. 889.

[4] В. Власов. О взаимоотношениях автономных областей, входящих в состав краевых объединений, с органами краевой власти. «Административный вестник». 1928, № 2, стр. 19—26; Н. Я. Куприц. Об автономной области как одной из форм советской автономии и ее правовое положение. «Советское государство и право». 1940, № 5—6, стр. 11—23; Д. Л. Златопольский. Государственное устройство СССР, М., 1960, стр. 227—239 и др.
№ 5—6, стр. 11—23; Д. Л. Златопольский. Государственное устройство СССР, М., 1960, стр. 227—239 и др.

[5] И. А. Азовкин, В. М. Иезуитов. Вопросы правового положения автономной области. «Советское государство и право». 1959. № 5, стр. 74; Ю. Г. Судницын. Суверенитет социалистических наций в условиях советского общенародного государства. (Сборник ученых трудов Свердловского юридического института. Вып. 6, Свердловск, 1966, стр. 53); А. В. Радвогин. Киргизская ССР — форма советской национальной государственности. Фрунзе. 1967, стр. 94; С. И. Якубовская. Основные этапы и проблемы историографии национально-государственного строительства в СССР. (Сб. Актуальные проблемы истории национально - государственного строительства, Москва, 1968, вып. I, стр. 31—32; Г. В. Литвинова. Некоторые проблемы создания и развития советской национальной государственности. (Сб. Актуальные проблемы истории национально-государственного строительства. М., 1968, вып. 2, стр. 118—119) и др.

[6] В. Г. Филимонов. Образование и развитие РСФСР. М., 1963, стр. 116.

[7] М. П. Лебедев. Об эффективности воздействия социалистического права на общественные отношения. «Советское государство и право», 1963, № 1, стр. 25.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

достигнутом, сдерживать движение вперед»[8]. Творческая роль социалистического права состоит в том, чтобы стимулировать развитие социалистических общественных отношений в соответствии с конкретными задачами коммунистического строительства. «Будучи надстройкой над уже сложившимися экономическими взаимоотношениями, — говорил М. И. Калинин, — право в свою очередь является фактором, толкающим и дающим определенное направление этим взаимоотношениям. Несомненно, оно имеет свойство как закреплять уже сложившиеся отношения, как и толкать, вызывать, способствовать по крайней мере зарождению тех взаимоотношений, к которым законодатель сознательно стремится. И в этом сущность творческой роли законодательства»[9]. Эффективность воздействия права на общественные отношения обеспечивается прежде всего путем их правового регулирования. Правовое регулирование в соответствии с требованиями экономического базиса направлено на упорядочение и закрепление господствующих отношений, на содействие развитию новых видов общественных отношений, а также на вытеснение из жизни общества чуждых общественных отношений[10].

В то же время было бы известным преувеличением, отходом от жизненной правды утверждать, что у нас решены все вопросы развития и совершенствования законодательства, так как в правовом регулировании некоторых областей общественных отношений имеют место случаи отставания законодательства от конкретных потребностей практики. Возьмем к примеру законодательство об автономных областях. В связи с этим определенный интерес представляет рассмотрение вопроса о совершенствовании законодательства об автономных областях.

Конституция СССР относит к ведению союзных органов государственной власти утверждение образования новых автономных областей в составе союзных республик; перечисляет автономные области, входящие в ту или иную союзную республику; устанавливает количество депутатов, избираемых в Совет Национальностей Верховного Совета СССР — пять депутатов; определяет полномочия Совета Министров союзной республики в отношении решений и распоряжений исполнительных комитетов Советов автономных областей — отменяет их действие; порядок образования областных Советов депутатов трудящихся; исполнительные и распорядительные органы Советов автономных областей и их состав. Закреплением этих основ правового статуса автономных областей Конституция СССР создает базу для республиканского законодательства и способствует унификации законодательства об автономных областях. Этим и объясняется, что союзные республики, в основном, единообразно закрепили правовое положение автономных областей. Конституции РСФСР (ст. 76), Азербайджанской ССР (ст. 85), Таджикской ССР (ст. 64) предоставляют Совету депутатов трудящихся каждой автономной области право представлять на утверждение Верховного Совета союзной республики «Положение об автономной области», учитывающее национальные особенности автономной области, а разработка такого положения, следовательно, отнесена к компетенции областного Совета депутатов трудящихся. Конституция Грузинской ССР в статье 24 устанавливает, что Юго-Осетинская автономная область имеет «Положение об автономной области», утверждаемое Верховным Советом Грузинской ССР, т. е. она, в отличие от других

[8] Программа КПСС. М., 1962, стр. 79—80.
[9] М. И. Калинин. Статьи и речи. Партиздат. 1936, стр. 80.
[10] С. С. Алексеев. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966, стр. 12.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

союзных республик, не предоставляет своей автономной области права самостоятельной разработки такого положения. Положение об автономной области определяет ее правовой статус и включает в себя порядок образования, права и обязанности органов государственной власти и управления. Право на разработку, обсуждение и первоначальное утверждение такого правового акта является важной гарантией осуществления самоуправления населением данной автономной области. Конституция же Грузинской ССР существенно суживает права Юго-Осетинской автономной области, по сравнению со всеми другими автономными областями, что вряд ли является оправданным и целесообразным. В связи с изложенным, представляется целесообразным в Конституции СССР выделить специальную главу об органах государственной власти автономной области, как это сделано в отношении автономных республик, чтобы в главном, существенном правовая регламентация автономных областей была одинаковой. Это нисколько не будет нивелированием национальных особенностей наций и народностей, населяющих ту или иную автономную область. Если бы Конституция СССР содержала в себе такие основы, то ненужного разнообразия правового регулирования в главном, существенном не было бы, и все автономные области были бы уравнены в своих основных правах.

До сих пор ни одна автономная область не воспользовалась предоставленным ей правом и не разработала своего Положения. Анализ такого состояния позволяет сделать предложение о необходимости разработки и утверждения Верховными Советами союзных республик, в состав которых входят автономные области, на основе общих положений об основах правового статуса автономных областей, закрепленных в Конституциях СССР и союзных республик, примерного Положения об автономной области, чтобы на его основе каждая автономная область, с учетом своих экономических, географических, национальных и других особенностей, разработала и утвердила свое Положение, которое явилось бы основным нормативным актом для областного Совета депутатов трудящихся в его практической деятельности. Только отсутствием такого примерного акта и опыта в этих вопросах можно объяснить такое состояние. Ведь разрабатываются же такие примерные положения в других областях общественных отношений. Это предложение касается в первую очередь РСФСР, так как ее Конституция очень сжато определяет правовой статус автономных областей, а Конституции других союзных республик значительно детализируют этот вопрос.

Конституция СССР в статье 35 устанавливает норму представительства каждой автономной области в Совет Национальностей Верховного Совета СССР — пять депутатов. Этим подчеркивается особенность и отличие автономных областей от обычных административных краев и областей и гарантирует нациям и народностям их представительство в высшем органе государственной власти для защиты своих прав и интересов. Конституции союзных республик такой гарантированной нормы представителей автономных областей в своих Верховных Советах не предусматривают и на них распространяется общее положение о выборах в Верховный Совет. В связи с отмеченным обстоятельством было бы целесообразным установить в Конституциях союзных республик (в состав которых входят автономные области) твердое количество депутатов, избираемых в Верховный Совет союзной республики от автономных областей, так как ныне действующее положение не учитывает особенностей автономных областей и уравнивает их с административными краями и областями.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Союзная республика образовывает автономные области, осуществляет руководство ими, определяет их правовое положение, предоставляет областным органам право непосредственного сношения с республиканскими органами, т. е. осуществляет всю практическую работу в отношении автономных областей, а достаточного, гарантированного количества своих представителей в Верховном Совете союзной республики автономная область не имеет. Особенно это относится к РСФСР, где установлена очень большая норма по выборам в Верховный Совет — один депутат от 150 тысяч населения (ст. 25 Конституции РСФСР). В соответствии с этой нормой от Хакасской автономной области избрано в Верховный Совет РСФСР 3 депутата, от Карачаево-Черкесской — 2, Адыгейской — 2, Еврейской — 1, Горно-Алтайской — 1 депутат, т. е. из 884 депутатов Верховного Совета РСФСР, избранного 12 марта 1967 года[11], имеется всего 9 депутатов от всех вместе взятых автономных областей, в то время как в Совете Национальностей Верховного Совета СССР они представлены 25 депутатами.

Такого ненормального положения, очевидно, быть не должно, и поэтому целесообразно для автономных областей (особенно в РСФСР) установить твердое количество депутатов, избираемых в Верховный Совет союзной республики, или же изменять для них норму при выборах Верховного Совета союзной республики.

Программа КПСС предусматривает в период строительства коммунизма «полностью использовать и совершенствовать формы национальной государственности народов СССР»[12]. В связи с этим необходимо сосредоточить главное внимание на вопросах **совершенствования** форм национальной государственности народов СССР. В настоящее время все компактно проживающие на определенной территории нации и народности имеют свою национальную государственность в соответствующих им формах и поэтому следует согласиться с высказанным мнением о том, что с точки зрения общих интересов борьбы всех народов многонационального Советского государства за построение коммунизма представляется нецелесообразной организация в СССР новых автономных образований в современный период[13]. Но можно и нужно говорить о преобразовании одной формы советской национальной государственности в другую, низшей формы автономии в более высокую. Представляется целесообразным определить примерный перечень условий, при которых автономная область может быть преобразована в автономную республику. Конечно, такое преобразование не должно быть чисто механическим, сами по себе эти условия еще ничего не значат. Главное здесь — волеизъявление нации или народности, имя которой носит эта автономная область. В юридической литературе уже неоднократно ставился вопрос об условиях преобразования автономных республик в союзную республику[14] и часть этих положений можно перенести на автономные области, но с учетом их специфики. В таких случаях нужно учитывать все условия экономического, политического, национального и исторического характера вместе взятых. Только такая совокупность ус-

[11] Итоги выборов и состав депутатов Верховных Советов союзных и автономных республик 1967 г. (Статистический сборник). М., 1967, стр. 20.

[12] Программа КПСС, М., 1962, стр. 141.

[13] Э. В. Тадевосян. Дальнейшее сближение социалистических наций в СССР. «Вопросы философии», 1963, № 6, стр. 8—9; А. В. Радвогин. Киргизская ССР — форма советской национальной государственности. Фрунзе, 1967, стр. 108.

[14] Д. Л. Златопольский. Государственное устройство СССР. М., 1960, стр. 151—152. А. М. Лепешкин, А. И. Ким, Н. Г. Мишин, П. И. Романов. Курс советского государственного права, т. 2, М., 1962, стр 130;

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ловий дает возможность постановки вопроса о преобразовании низшей формы национальной государственности в более высокую. Законодательное закрепление возможности преобразования автономной области в автономную республику создаст основу для более интенсивного их развития.

Конституция Азербайджанской ССР 1927 года в ст. 37 предоставляла право председателям исполнительных органов Нахичеванской Советской Социалистической Республики и автономной области Нагорного Карабаха участвовать с правом решающего голоса в заседаниях Совета Народных Комиссаров Азербайджанской ССР. Думается, что целесообразно было бы установить в Конституциях союзных республик правило об участии исполнительных комитетов областей в заседаниях Совета Министров республики с правом решающего голоса, когда рассматривается вопрос об автономной области.

Советская автономия — один из важнейших государственно-правовых институтов, изучение ее, вопросы совершенствования законодательства о советской автономии — важная задача юридической науки.

В юридической литературе выдвигалось предложение о выделении автономных областей из состава края[15]. Возможно, что в будущем действительно это будет целесообразно, но не надо делать на это главный упор, так как вопросы совершенствования национальной государственности, рационализации административно-территориального деления и экономического управления надо решать в комплексе, их нельзя отрывать друг от друга[16]. Можно поставить вопрос и о проведении государственного эксперимента.

За годы Советской власти автономные области добились огромных успехов. В автономных областях воспитано достаточное количество квалифицированных национальных кадров, способных решать все возникающие перед областью вопросы.

Иллюстрацией вывода об этом может служить Горно-Алтайская автономная область. До революции население Горного Алтая пребывало в нищете, было неграмотным, лишено элементарной культуры, обречено на отсталость и невежество. Здесь было 38 церквей и два монастыря, но совсем не было общеобразовательных школ и больниц. Алтайцы не имели своей письменности. Сейчас неграмотность полностью ликвидирована, в школах ежегодно обучается около 40 тысяч учащихся, работают научно-исследовательский институт, педагогический институт и пять специальных средних учебных заведений. На каждые десять тысяч алтайцев приходится 206 студентов, или на 24 больше, чем в самой развитой капиталистической стране — США[17]. Горно-Алтайск справед-

(Окончание. Нач. сноски на 22 стр.).

Д. Л. Златопольский. Основные проблемы Советской Федерации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 1963, стр. 37. З. Г. Еникеева. Автономная республика — Советское социалистическое государство. М., 1964, стр. 20—22; А. В. Радвогин. Киргизская ССР — форма советской национальной государственности. Фрунзе, 1967, стр. 102—111. Д. Л. Златопольский. СССР — Федеративное государство. М., 1967, стр. 251—256.

[15] П. Г. Семенов. Автономия в советском государственном строительстве. «Советское государство и право», 1959, № 3, стр. 38, А. И. Азовкин, В. М. Иезуитов. Назревшие вопросы правового положения автономной области. «Советское государство и право», 1959, № 5, стр. 77.

[16] Ю. Б. Стракач. Многонациональная Сибирь и некоторые проблемы изучения современного развития национальных отношений (сб. «Проблемы изучения национальных отношений в Сибири на современном этапе». Новосибирск, 1967, стр. 7).

[17] «Звезда Алтая», 3 октября 1967, № 198 (8548).

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ливо называют городом студентов, численность которых составляет 12 процентов ко всему населению города[18]. В 1966 году численность учащихся в школах всех видов составляла 41681, с которыми работало 2585 учителей[19]. За годы Советской власти в Горном Алтае выросла народная интеллигенция. Сейчас в области работают около 6,8 тысячи инженеров, техников, специалистов различных отраслей народного хозяйства, в том числе свыше 1300 алтайцев. В институтах и на производстве работают 29 кандидатов наук, из них 7 алтайцев[20]. Народное хозяйство области непрерывно пополняется высококвалифицированными специалистами. Только в 1966 году из выпуска средних и высших учебных заведений страны в область прибыло более 400 специалистов, в том числе около 100 человек коренной национальности. За годы Советской власти произошли коренные изменения в медицинском обслуживании алтайского народа. В настоящее время на каждые 10000 человек населения приходится 94 больничных места, 12 врачей и 59 работников среднего медицинского персонала, тогда как в 1922 году (год образования области) на это же число жителей было 6 больничных мест, 0,6 врача и 2 человека среднего медперсонала[21]. В области имеются отделение Союза советских писателей РСФСР, в котором состоит 11 писателей, отделение Союза журналистов, объединяющее 30 человек[22].

В сентябре 1966 года Совет Министров РСФСР образовал комиссию для всестороннего обследования деятельности облисполкома и оказания помощи области, в которую вошли представители ведущих министерств и ответственные работники отделов Алтайского крайисполкома.

Благодаря большой помощи партии и правительства трудящиеся области добились коренных преобразований в экономике и культуре. Созданы предприятия цветной металлургии, пищевой, легкой, лесной, деревообрабатывающей промышленности, осуществляется строительство жилых домов, школ, больниц, магазинов, культурно-просветительных учреждений и бытовых предприятий. Колхозы и совхозы увеличили производство шерсти, мяса, молока и пантов. Повышается материальный и культурный уровень коренного населения. Выросли национальные кадры. Вместе с этим в работе Горно-Алтайского облисполкома по руководству хозяйственным и культурным строительством имеются недостатки и упущения, особенно в сельском хозяйстве, в организации капитального строительства и обеспечении населения жильем. Совет Министров наметил большие мероприятия по дальнейшему подъему сельскохозяйственного производства — по увеличению производства мяса, молока, шерсти, козьего пуха, пантов, по улучшению использования земель. Намечается в 1967—1970 гг. построить оросительные системы на площади 3 тыс. га, осушить болота на площади 3 тыс. га, обводнить 60 тыс. га пастбищ и провести культурно-технические мероприятия на площади 20 тыс. га. В область завозятся машины и оборудование для работы в горных условиях. Дальнейшее развитие получат предприятия цветной металлургии, лесной, легкой, пищевой, мясо-молочной промышленности, промышленности строительных материалов и других отраслей. Предусмотрено строительство двух новых мясокомбинатов, молочного, пивоваренного, овощеконсервного заводов и других предприятий. Будет построен ряд предприятий бытового обслуживания населения, что позволит значительно расширить и улучшить бытовые услуги населению.

[18] «Под знаменем Октября», Горно-Алтайск, 1967, стр. 24.
[19] «Под знаменем Октября», Горно-Алтайск, 1967, стр. 253.
[20] «Под знаменем Октября», Горно-Алтайск, 1967, стр. 255.
[21] «Под знаменем Октября», Горно-Алтайск, 1967, стр. 27.
[22] «Звезда Алтая», 3 октября 1967, № 198 (8548).

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Дальнейшее развитие получат автомобильный и воздушный транспорт, выделены крупные капиталовложения на жилищное и культурно-бытовое строительство, получат расширение курортно-санаторное дело и туризм.

Плановые органы должны рассмотреть вопрос о дальнейшем развитии производительных сил Горно-Алтайской автономной области и свои предложения представить Совету Министров РСФСР. Плановая комиссия Западно-Сибирского экономического района подготовила предложения о дальнейшем развитии производительных сил области на перспективу до 1980 года. Эти предложения одобрены облисполкомом и направлены в Госплан РСФСР с просьбой о включении их в схему развития производительных сил РСФСР.

Совершенствование законодательства об автономных областях, конкретизация и детализация их правового положения, позволят достичь им еще больших успехов в коммунистическом строительстве.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 219 Серия юридическая

ВЫДВИЖЕНИЕ КАНДИДАТОВ В ДЕПУТАТЫ — ВАЖНЕЙШИЙ ЭТАП ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ПНР

В. В. ТИХОНОВА

В механизме образования состава представительных органов власти выдвижение кандидатов в депутаты является этапом особой важности, так как оно во многом предопределяет политические и практические результаты выборов. В зависимости от того, кому принадлежит это право и как оно реализуется, определяется в значительной мере степень демократизма избирательной системы данного государства. «В условиях всеобщности избирательных прав, — совершенно правильно пишет польский государствовед З. Ярош,— а также при гарантировании других основных принципов избирательного права механизм выдвижения кандидатов (т. е. кто и каким образом их выдвигает, каково участие самих избирателей в этом процессе) имеет решающее значение для результатов выборов»[1].

В социалистических странах порядок выдвижения кандидатов в депутаты имеет целью обеспечить подлинно народный характер представительных органов власти, представить трудящимся полную возможность выдвинуть своих лучших представителей к управлению государством. Поэтому Карл Маркс, говоря о формировании представительных органов, сравнивал всеобщие выборы с подыскиванием народом для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров[2].

В современный период государства, регулируя правовыми нормами общественные отношения, связанные с выдвижением кандидатов в депутаты, установили принцип, согласно которому избирать состав представительных органов государственной власти можно исключительно из числа лиц, кандидатуры которых выдвинуты и зарегистрированы в установленном законом порядке. В Польской Народной Республике, как отмечает З. Ярош, он вытекает косвенно из ст. 86 конституции, устанавливающей круг субъектов, имеющих исключительное право на выставление кандидатов. Он также вытекает из норм действующего текущего избирательного законодательства, постановляющих, что голосование проводится при помощи избирательных бюллетеней с внесенными в них фамилиями зарегистрированных кандидатов, и что «дописание на бюллетене для голосования дополнительных фамилий не влечет за собой правовых последствий»[3]. Одним из немногих исключений является порядок, установленный в некоторых кантонах Швейцарии, где избиратель не связан выставленными кандидатурами и фор-

---

[1] Z. Jarosz. Zgłaszanie kandydatów w systemie wyborczym PRL. Problemy Rad Narodowych». Warszawa, 1965, № 4, s. 45.

[2] К. Маркс. Соч., т. 17, стр. 344.

[3] Ст. 48 п. 1 и ст. 60 п. 2 Положения о выборах в Сейм 1956 г., ст. 48 п. 1 и ст. 61 п. 2 Положения о выборах в Народные Советы 1957 года.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

мально может голосовать за любое лицо, обладающее правом быть избранным[4].

Проблема выдвижения кандидатов тесно связана с вопросом о пассивной избирательной правосубъектности граждан, под которой в теории социалистического избирательного права понимается способность (возможность) граждан иметь и осуществлять право быть избранными в органы государственной власти[5]. Из идеи представительной демократии, а также из принципа равенства политических прав граждан вытекает требование, чтобы право представлять сограждан в представительных органах было так же всеобщим, как и право голосования.

В социалистических странах на современном этапе их развития специфические условия пассивной избирательной правосубъектности исчерпываются возрастным цензом. В Польской Народной Республике конституция 1952 г. и Положения о выборах[6], формулируя принцип всеобщности права быть избранным, устанавливают, что каждый гражданин может быть избран в Народный Совет по достижении 18 лет, а в Сейм — по достижении 21 года. Они определяют допустимые исключения в отношении умалишенных и лиц, лишенных публичных прав по решению суда.

Своеобразно решен в избирательном законодательстве ПНР вопрос о значении гражданства при использовании избирательных прав. Нормами п. 3 ст. I Положений о выборах установлено правило, согласно которому «право избирать принадлежит также лицам, польское гражданство которым не предоставлено, если они постоянно живут в Польше и не являются гражданами другого государства». Исходя из общего принципа, закрепленного в ст. 3 Положений о выборах и гласящего, что «избранным может быть каждый, кому принадлежит право избирать», З. Ярош считает, что этим лицам принадлежит и право быть избранными[7]. Противоположное мнение высказано советским государствоведом А. Х. Махненко[8]. Мы присоединяемся к точке зрения З. Яроша, так как она соответствует принципу единства активного и пассивного избирательного права, свойственного социалистическому государственному строю.

Итак, согласно избирательному законодательству ПНР, каждый избиратель может свободно реализовать не только активную, но и пассивную избирательную правосубъектность.

Однако это не означает, что каждый избиратель достоин быть депутатом; возможность стать депутатом нельзя отождествлять с его избранием, так как не каждый избиратель по своим личным и деловым качествам может быть удостоен чести быть избранным. Для реализации гражданином пассивной избирательной правосубъектности решающее значение имеют личные и деловые качества избирателя, как факторы, не являющиеся предметом правового регулирования[9]. В социали-

[4] Z. Jarosz. Там же, стр. 43.

[5] А. И. Ким. Советское избирательное право. Изд-во «Юридическая литература», 1965, стр. 82.

[6] Применяя выражение «Положения о выборах» без более точного определения, мы имеем в виду действующее Положение о выборах в Сейм 1956 г. и Положение о выборах в Народные Советы 1957 г. с учетом изменений, произведенных Законом от 22/XII-1960 года «О дополнении и изменении некоторых предписаний избирательного права».

[7] Z. Jarosz. Там же, стр. 51.

[8] А. Х. Махненко. Представительные органы государственной власти Польской Народной Республики. М., Гос. изд-во юридической литературы, 1962, стр. 28.

[9] А. И. Ким. Указ. работа, стр. 170.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

стических странах особо высокие требования предъявляются к лицам, избираемым в представительные органы в современный период, в связи с повышением роли последних задач, стоящих перед социалистическим обществом. Избрание в Советы людей добросовестных, хозяйственных и умеющих работать, преданных народной власти и имеющих опыт общественной деятельности, еще более углубит фактическое народовластие и социалистическую демократию.

Избирательное законодательство социалистических стран определяет круг субъектов, имеющих право выдвигать кандидатов в депутаты. Общей тенденцией, проявляющейся в ходе развития социалистического избирательного права, является все большая передача права выдвижения кандидатов организованным коллективам избирателей — партийным и общественным организациям, коллективам предприятий и т. п., в то время как первоначально это право предоставлялось также группам избирателей. Так, в Польше Положение о выборах в Законодательный Сейм 1946 года предусматривало, чтобы каждый окружной список был подписан не менее чем 100 избирателями соответствующего округа, а общегосударственные списки — не менее чем 500 избирателями в двух избирательных округах и не менее чем 250 избирателями в каждом округе. Ст. 86 конституции ПНР установила, что кандидатов в депутаты выставляют политические и общественные организации, объединяющие трудящихся города и деревни. Положения о выборах, конкретизируя эту конституционную норму, определили, что правом выдвижения кандидатов пользуются политические, профессиональные, кооперативные и другие массовые организации трудящегося народа[11]. В отличие от ряда других народных республик (НРБ, НРА) польское избирательное законодательство более подробной регламентации этого вопроса не дает.

Польские государствоведы, отмечая, что в избирательных законах и в других правовых предписаниях не содержится указания, какие общественные организации следует считать массовыми, предпринимают попытки установления признаков, их характеризующих. По мнению З. Яроша, одним из таких признаков является деятельность организации в общегосударственном масштабе, а также всеобщая доступность. Другим признаком, характеризующим массовую организацию, является определенное организационное единство, находящее выражение в наличии центральных и местных руководящих органов. Это вытекает, в частности, из содержания ст. 36 п. I Положения о выборах в Сейм, которая гласит, что право выставления кандидатов в депутаты могут осуществлять как высшие, так и местные органы управомоченных организаций. З. Ярош отрицательно относится к попыткам определить критерий «массовости» в численном составе членов данной организации и установлению только с этой точки зрения границы между массовой и немассовой организациями[12].

Действующее избирательное законодательство ПНР подчеркивает общественно-политический характер организаций, выставляющих кандидатов, определяя их массовыми организациями трудящегося народа. Конституция ПНР закрепила право объединения граждан в организа-

---

[11] Ст. 34 Положения о выборах в Сейм и ст. 38 Положения о выборах в Народные Советы.

[12] Z. Jarosz. Там же, стр. 60. См. также S. Zebert. Prawo wyborcze po nowelizacji z 1960 r. «Panstwo i prawo». 1961, № 3, s 492.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ции, которое должно служить развитию политической, общественной и культурной активности трудящихся. Одновременно она запрещает создание организаций и участие в них, цель и деятельность которых направлены против общественно-политического строя и правопорядка ПНР. Таким образом, конституция дает как позитивное, так и негативное определение организаций, которые могут развивать свободную деятельность как организации трудящегося народа.

Законодательное определение организаций, имеющих право на выдвижение кандидатов в депутаты, является непосредственным выражением классового характера избирательной системы ПНР.

По польскому избирательному законодательству право выставления кандидатов может быть реализовано только определенными инстанциями политических и общественных организаций, в то время как в других социалистических странах оно закреплено также за собраниями граждан. Так, советское избирательное законодательство устанавливает возможность осуществления права выдвижения кандидатов центральными органами общественных организаций и обществ, их республиканскими, краевыми, областными, районными органами, равно как общими собраниями рабочих и служащих по предприятиям и учреждениям, военнослужащих — по воинским частям, общими собраниями крестьян по колхозам и селам и т. п. Как показала многолетняя практика проведения выборов, в СССР утвердился порядок, при котором наиболее целесообразной формой выдвижения кандидатов стали собрания избирателей по месту их работы, учебы или службы, а в сельской местности — собрания избирателей по месту их жительства. Общественные организации и общества трудящихся в лице их выборных органов ни в центре, ни на местах, хотя и наделены правомочием по выдвижению кандидатов, его не осуществляют[13].

Избирательное законодательство ПНР предусматривает право выставления кандидатов как каждой организацией самостоятельно, так и путем выдвижения общего списка. Однако на практике, начиная с первых после вступления в силу конституции ПНР выборов в Сейм 1952 г., партии и общественные организации народной Польши, как и в других социалистических странах, осуществляют его через единые списки, вносимые в избирательные комиссии комитетами Фронта единства нации. При этом политические партии и общественные организации предварительно согласовывают вопрос о пропорции их представительства, а также о порядке перечисления кандидатов в списке.

Такой порядок выдвижения кандидатов обусловлен характером многопартийной системы, сложившейся в Польской Народной Республике: там нет антагонистических партий, представляющих интересы противостоящих друг другу классов и общественных групп. Все три партии, существующие ныне в ПНР, представляют интересы трудящихся масс — рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции; политические и общественные цели их едины, что является выражением единства интересов представляемых ими классов и общественных групп. Взаимоотношения между партиями складываются на принципе постоянного сотрудничества и взаимопомощи при признании руководящей роли Польской объединенной рабочей партии.

Общность основных политических целей влечет за собой выступление всех партий и организаций, сплоченных в Народном фронте, с единой избирательной программой, а это в свою очередь делает возможным и даже требует выступления с единым списком кандидатов. Составле-

---

[13] А. И. Ким. Там же, стр. 178—179.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ние общих избирательных списков стало возможно благодаря тому, что все политические и общественные силы, сосредоточенные во Фронте единства нации, установили и приняли общую избирательную платформу. Главной предпосылкой общих избирательных списков является единство основных целей и единство деятельности Польской объединенной рабочей партии, Объединенной крестьянской партии и Демократической партии.

Если учесть, что Фронт единства нации — политическая форма с перспективой, рассчитанной на весь период развития Польши по пути социализма, то, как совершенно правильно утверждает З. Ярош, взаимодействие партий и общественных организаций в выборах следует рассматривать как закономерное явление для политической жизни ПНР[15]. Поэтому можно считать, что выставление общих списков кандидатов является постоянным элементом избирательной системы ПНР.

В то же время следует отметить, что выставление совместных списков от имени Народного фронта не нашло закрепления в нормах польского избирательного права. Более того, конституция ПНР вообще не упоминает о Фронте единства нации как о форме объединения политических и общественных сил страны. Она отнесла урегулирование способа выставления кандидатов текущему законодательству; однако и в нем фактическая роль, которую выполняет Народный фронт и его органы в механизме выборов, не отражена до сего времени.

В большинстве других зарубежных социалистических стран сами конституции (ст. 6 конст. ЧССР, ст. 56 конст. ВНР и др.) закрепили существование организаций, являющихся выражением объединения всех прогрессивных сил общества, а избирательные законы назвали Народный фронт в числе организаций, управомоченных на выдвижение кандидатов. Более того, в некоторых странах предусмотрена законодательством либо монополия Народного фронта в выставлении кандидатов[16], либо допускается возможность выставления кандидатов отдельными организациями за пределами Фронта, хотя и в этом случае ему отводится особая, преобладающая роль (в НРБ, ГДР).

Таким образом, в ПНР выставление кандидатов в общих списках Фронта единства нации не является правовым принципом, составляя фактически единственную форму реализации права выставления кандидатов, предусмотренного в законе для политических партий и массовых общественных организаций. Здесь мы имеем дело с типичным случаем конституционного обычая.

В условиях выставления общего списка кандидатов в каждом избирательном округе вопрос о способе его формирования приобретает особое значение, ибо этим в значительной степени предопределяется состав избираемого представительного органа. В связи с тем, что ни конституция, ни действующие избирательные законы не определяют конкретный порядок процесса выставления кандидатов, механизм формирования списков остается целиком за пределами правовых норм и является проблемой внутреннего порядка деятельности политических и общественных организаций. Правовые нормы создают только общие рамки решения этого вопроса.

Первые положения о выборах, принятые после вступления в силу конституции 1952 г., содержали указания на определенные различия

---

[15] Z. Jarosz. Там же, стр. 69.

[16] § 27 Закона от 26/I-1964 г. о выборах в Национальное Собрание ЧССР и в Национальные Советы, раздел IV Положения о выборах в Государственное Собрание ВНР от 28/IX-1958 г.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

между **выставлением списка** кандидатов, осуществляемого правомочными организациями, и **выдвижением кандидатур.** Ст. 36 Положения о выборах в Сейм 1952 года и ст. 43 Положения о выборах в Народные Советы 1954 года гласили, что организации **выставляют** кандидатов как по собственной инициативе, так и из числа лиц, **выдвинутых** на громадских собраниях, на собраниях трудящихся по месту работы, на собраниях членов сельскохозяйственных кооперативов, работников государственных сельских хозяйств и военнослужащих в войсковых частях. При этом акт выдвижения кандидатур на собраниях избирателей не влек за собой правовых последствий; они порождались лишь выставлением списков кандидатов общественными организациями. В этом наблюдается отличие от советского избирательного законодательства, по которому права массовых собраний граждан в акте выдвижения кандидатов равны правам политических и общественных организаций.

В период первых выборов в Сейм (1952 г.) и в Народные Советы (1954 г.) большую роль в установлении списков кандидатов играли комитеты Народного фронта: они предварительно определяли кандидатуры, принимали решения о числе представителей от отдельных политических и общественных организаций в общем списке. Но решающая роль в этом процессе принадлежала самим избирателям, так как они определяли состав комитетов Народного фронта и выдвигали кандидатов в депутаты. На предвыборных собраниях, созванных комитетами, избиратели обсуждали кандидатуры, предложенные политическими и общественными организациями, предварительно согласованные в комитетах фронта, а также выдвигали своих кандидатов. Так, например, в выборах 1954 г. в громадские Народные Советы число кандидатов, не получивших одобрения избирателей на собраниях, составило 27 тысяч лиц; комитеты НФ в большинстве случаев учли замечания избирателей при составлении окончательных списков — 2/3 кандидатов, выдвинутых дополнительно на собраниях, было включено в списки[17].

В ходе избирательной кампании 1957—1958 гг. сложившиеся формы установления списков кандидатов были дополнены некоторыми новыми моментами, заключающимися в том, что центр тяжести фактического определения кандидатур был перенесен из комитетов Народного фронта в соответствующие инстанции партийных организаций и согласительные комиссии политических организаций. Они предварительно устанавливали кандидатуры, которые представлялись затем на собрания избирателей; они фактически решали вопрос о пропорциях, в которых будут представлены в общем списке представители отдельных партий, и об окончательном составе списка кандидатов. Инструкция Секретариата ЦК ПОРП (декабрь 1957 г.) предписывала, что кандидатуры, выдвинутые управомоченными организациями, а также предложенные избирателями на предвыборных собраниях, должны рассматриваться согласительными комиссиями, которые «окончательно устанавливают список кандидатов и знакомят с ним комитет Фронта единства нации»[18]. Таким образом, была подчеркнута решающая роль политических партий в выдвижении кандидатов.

Для последующих избирательных кампаний характерно установление более демократической процедуры определения кандидатов партийными организациями. С 1961 года выдвижение кандидатов в депутаты Сейма от имени ПОРП осуществляется на специально созываемых пар-

---

[17] B. Bierut. Zadania Partii w walce o umocnienie codziennej wiezi z masami pracujacymi. Warszawa, 1955, s. 17.

[18] Uchwaey KC PZPR od II do III Zjazdu. Warszawa, 1959, s. 527.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

тийных конференциях в отдельных избирательных округах. Делегатов на конференции выбирают все первичные партийные организации по соответствующим нормам представительства. Предложения по вопросу о кандидатурах вносят воеводские комитеты ПОРП. Участники конференции могут не поддержать отдельные предложения, а также выдвинуть новые кандидатуры. О внесении в список кандидатов в кандидаты окончательно решают открытым голосованием сами делегаты. Затем путем тайного голосования производится выбор кандидатов; избранным считается лицо, получившее абсолютное большинство голосов. Установленные таким образом кандидатуры подлежали утверждению ЦК партии и вносились в соответствующие комитеты Фронта единства нации как кандидаты от Польской объединенной рабочей партии.

В аналогичном порядке происходит определение кандидатур в Народные Советы на уездных, городских или районных конференциях ПОРП; в общинах (громадах) и поселках кандидатуры определяются или на расширенных заседаниях громадских партийных комитетов с участием партийного актива громады или же прямо на собраниях первичных партийных организаций. Участники конференций получали информацию о беспартийных кандидатурах, в отношении которых они могли сделать замечания или оговорки.

Подобные формы процесса определения своих кандидатов существуют и в Объединенной крестьянской партии. Иначе вопрос о кандидатах решается в Демократической партии: в соответствии с ее Уставом кандидатов в депутаты утверждают на расширенных заседаниях ее органы соответствующего звена, а кандидатов в депутаты Сейма — воеводские комитеты.

Рассматривая избрание кандидатов на партийных конференциях как существенный шаг в развитии внутрипартийной демократии и важный фактор демократизации избирательной системы, можно отметить, что в отличие от прошлых выборов кандидатуры не только обсуждались политическим и общественным активом и широким кругом избирателей, но о них принимались решения путем тайного голосования членами партии либо непосредственно, либо через специально избранных с этой целью делегатов. Так, в предвыборной кампании 1965 г. на 80 конференциях, проводившихся ПОРП в избирательных округах, с участием 30.972 делегатов, из 440 предложенных кандидатур кандидатами в депутаты Сейма было избрано 255 человек, которые и были включены в список кандидатов от ПОРП.

Эта новая практика, введенная с 1961 года, не исключила принципа обсуждения предложенных кандидатур с избирателями: на предвыборных собраниях избирателей каждый гражданин, обладающий избирательной правосубъектностью, имеет право высказаться о намеченных кандидатурах, сделать оговорки или предложить свои кандидатуры.

В связи со сказанным подвергалась определенным изменениям фактическая роль комитетов Фронта единства нации: теперь в отношении кандидатов в депутаты от партий окончательные решения принимаются за их пределами, хотя они играют по-прежнему большую роль в определении кандидатов, не представляющих никаких партий. Тем не менее именно комитеты ФЕН являются теми органами, которые совершают официальный акт выставления списка кандидатов, влекущего непосредственно правовые последствия; они являются субъектами всех дальнейших правомочий, связанных с выставлением списка, включая право обжаловать решения избирательной комиссии о недействительности списка, внесение предложений о производстве изменений в списке после его регистрации и т. п.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

В большинстве социалистических государств избирательные законы не фиксируют числа кандидатов, которое может быть выставлено управомоченными организациями. Однако на практике почти во всех странах число выдвигаемых кандидатов соответствует числу мест в представительных органах государственной власти. Избирательное законодательство ПНР имеет весьма существенные особенности в этом вопросе. По избирательным законам, принятым в 1952 и 1954 гг., число кандидатов в списке не могло превышать числа депутатов, избираемых в данном округе. Положение о выборах в Сейм 1956 г. (ст. 39) и вслед за ним Положение о выборах в Народные Советы 1957 г. (ст. 40) решили иначе этот вопрос. Директивы VIII Пленума ЦК ПОРП, состоявшегося в 1956 году, предписывали, чтобы избиратели могли высказать свое мнение и принять решения не только относительно одобрения избирательной программы и списка кандидатов Фронта единства нации, но и могли иметь возможность выбора между кандидатами, определения того, кто и как будет реализовывать эту программу[21]. Сообразно с этим новое избирательное законодательство установило, что число кандидатов в списке должно превышать число мандатов от данного округа не более чем на 2/3 при выборах в Сейм и не более чем на 1/2 при выборах в Народные Советы. Избирательный закон «О дополнении и изменении некоторых предписаний избирательного права», принятый 22 декабря 1960 года, сохранив обязательное выставление при выборах в Советы большего числа кандидатов, чем число мандатов, установил, что при выборах в Сейм число кандидатов **может**, а следовательно, **не обязательно должно** быть больше не более чем на половину количества избираемых по округу депутатов.

По справедливому мнению советского государствоведа А. И. Ким, ныне действующее избирательное право ПНР представляет собой более удачное решение порядка выдвижения кандидатов в депутаты, поскольку установления 1956 г., будучи безусловным расширением прав избирателей в области выдвижения кандидатов, все же ограничивали их обязанностью доведения числа кандидатов до определенного превышения[22]. Между тем, возможны случаи, когда сами избиратели по своей воле решили бы обойтись без такого превышения по тем или иным избирательным округам; в этом случае принуждение их доводить число кандидатов до нормы превышения было бы равносильно ограничению прав и свобод избирателей.

В социалистических странах избирательные законы запрещают кандидатам баллотироваться более чем в одном избирательном округе по выборам данного представительного органа власти. В ПНР ст. 38 п. 1 Положения о выборах в Сейм и ст. 41 п. 1 Положения о выборах в Народные Советы установлены правила, разрешающие баллотироваться одновременно в один и тот же орган власти только в одном округе и только в одном списке; в то же время допускается баллотировка одновременно в представительные органы разных ступеней и даже в различные Народные Советы одной и той же ступени. Этим обеспечиваются равные выборы, которые нарушались в прошлом не только избирательным законодательством буржуазной Польши, но и в известном смысле избирательным законом 1946 года, допускавшим возможность выдвижения одного и того же кандидата в трех избирательных округах и одновременно по государственному списку.

---

[21] Z. Jarosz. Там же, стр. 78.

[22] А. И. Ким. Теория советского избирательного права и применение избирательного законодательства при формировании представительных органов власти в СССР. Докторская диссертация. Томск, 1965, стр. 669.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Польские государствоведы, анализируя указанные выше нормы Положения о выборах в Народные Советы, предоставляющие полную свободу одновременного баллотирования в разные Советы, справедливо считают, что если в определенных случаях может оказаться полезным параллельное представительство в двух органах власти разных инстанций, то сосредоточение двух или более мандатов члена Народного Совета одной и той же ступени было бы нецелесообразно с общественно-политической точки зрения и должно быть полностью исключено законом[23].

Польское избирательное право не знает никаких ограничений в возможности повторного баллотирования и повторного выбора в один и тот же орган власти. Однако на практике всегда обеспечивается обновление состава представительного органа. Об этом убедительно свидетельствуют результаты выборов; так, например, из 450 депутатов Сейма предыдущего созыва в состав Сейма нового созыва в 1961 году были избраны вновь лишь 216 человек[24].

Списки кандидатов в депутаты, выставленные управомоченными организациями с соблюдением избирательного законодательства, подлежат регистрации. В ПНР, как и в других социалистических странах, ее производят окружные избирательные комиссии или территориальные, выполняющие функции окружных. При обнаружении каких-либо неправильностей в списках кандидатов, избирательные комиссии могут вернуть их соответствующим организациям для исправления; если такие исправления не будут сделаны в течение двух дней, список не подлежит регистрации в целом или регистрируется в объеме, к которому не относятся замечания, если оставшееся число кандидатов превышает число подлежащих избранию депутатов. В случае отказа в регистрации организации, выдвинувшие список, имеют право обжаловать это решение в вышестоящую избирательную комиссию, решение которой окончательно.

Польское избирательное законодательство до 1957 года исключало возможность замены кандидата в зарегистрированном списке в случае его выбытия до выборов. В ходе избирательной кампании 1957 года имели место немногочисленные случаи выведения некоторыми комитетами Фронта единства нации отдельных кандидатов после регистрации списка еще до выборов. Ст. 47 Положения о выборах в Народные Советы 1957 г. закрепила возможность замены таких кандидатов как исключение из общего правила: в отдельных случаях, подробно мотивированных в предложении организации, представившей список кандидатов, избирательная комиссия, зарегистрировавшая список, может не позднее 10 дней до выборов изменить очередность кандидатов в списке, исключить кандидата из списка и включить на его место другого. В настоящее время в соответствии с законом от 22 декабря 1960 года ст. 46 Положения о выборах в Сейм также содержит аналогичное правило. Во всех случаях избиратели должны быть ознакомлены с изменениями, внесенными в списки кандидатов в депутаты.

Итак, все рассмотренные нами вопросы свидетельствуют о подлинном демократизме порядка выдвижения кандидатов в депутаты представительных органов государственной власти Польской Народной Республики: кандидаты в депутаты выдвигаются самими трудящимися и их организациями под руководством Польской объединенной рабочей

---

[23] Z. Jarosz. Там же, стр. 97.
[24] Z. Jarosz. Там же, стр. 98.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

партии; она обеспечивает выдвижение кандидатами таких людей, которые действительно достойны доверия трудового народа.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 219 Серия юридическая

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ДОГОВОР — ОСОБЫЙ ВИД ГРАЖДАНСКОПРАВОВОГО ДОГОВОРА

И. В. ФЕДОРОВ

В последние годы у нас много говорится и пишется о хозяйственных договорах. Под хозяйственными понимаются договоры, опосредствующие имущественные взаимосвязи несоподчиненных социалистических организаций. Без преувеличения можно сказать, что термин «хозяйственный договор» получил права гражданства в социально-политической литературе. Этот термин употребляется также в решениях партии и правительства, в нормативных и иных актах органов государственной власти и управления[1].

Что же собой представляет хозяйственный договор? Действующее советское право не содержит легального определения этого договора. Более того, такие важнейшие законодательные акты, как Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и Гражданские кодексы, совсем не упоминают о хозяйственном договоре, хотя они и включают в себя наиболее важные, принципиальные нормы, регламентирующие основные виды договорных взаимоотношений социалистических организаций в сфере хозяйствования.

Сущность понятия «хозяйственный договор» должна выявить наука советского права. Необходимо выяснить, является ли данный договор особой правовой категорией. Если да, то какова его юридическая природа. Советские ученые-правоведы потратили много усилий на исследование этих вопросов. Высказано немало ценных теоретических положений. Однако единства мнений здесь до сего времени не достигнуто. Поставленные вопросы остаются дискуссионными.

Коммунистическая партия и Советское правительство в связи с проведением экономической реформы выдвинули в качестве неотложной задачи требование повысить роль хозяйственных договоров в экономике СССР. Следовательно, необходимость в дальнейшем исследовании проблем хозяйственного договора в настоящее время возросла.

[1] См. постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 октября 1965 года, № 729 «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» (СП СССР, 1965, № 19—20, ст. 153); постановление Совета Министров СССР от 27 октября 1967 года, № 988 «О материальной ответственности предприятий и организаций за невыполнение заданий и обязательств» (СП СССР, 1967, № 26, ст. 186); Положение о Государственном Комитете Совета Министров СССР по материально-техническому снабжению (Госснабе СССР), утв. пост. Совета Министров СССР от 15 мая 1969 года, № 352 (СП СССР, 1969, № 13, ст. 69); Инструктивное письмо Государственного арбитража при Совете Министров СССР от 23 декабря 1961 года, № 1—43 («Инструктивные указания Государственного арбитража при Совете Министров СССР (систематизированный сборник)», М., «Юридическая литература», 1964, стр. 98—99).

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Нет надобности доказывать, что без теоретического обоснования сущности хозяйственного договора невозможно успешно решить практические вопросы повышения его роли в коммунистическом строительстве.

Обращает на себя внимание то положение, что в советской юридической науке нередко ставится под сомнение даже сама возможность определения правового понятия хозяйственного договора. Некоторые ученые считают, что такой правовой категории вообще не существует, что договоры, используемые в имущественном обороте СССР (в том числе и между социалистическими организациями), — это одинаковые по своему характеру гражданскоправовые договоры; они должны рассматриваться как однопорядковые разновидности единого гражданскоправового договора[2]. По мнению Д. М. Генкина, понятие «хозяйственного договора», используемое в законодательстве и литературе социалистических стран, охватывает самые разнообразные виды договоров, поэтому само оно «...не является особым видом договора, а представляет собою организационно-экономическое понятие, определяющее лишь некоторые общие предпосылки и условия заключения и исполнения различных по своей юридической природе договоров»[3]. Е. А. Флейшиц, отрицая существование хозяйственного договора, заявила, что «это не юридическое понятие и невозможно дать юридического определения хозяйственного договора»[4].

Однако большинство правоведов, занимающихся вопросами договорного права, признают хозяйственный договор как особую договорную разновидность. Они используют термин «хозяйственный договор» в качестве юридического понятия, выражающего существенные признаки определенной группы договоров, заключаемых социалистическими организациями между собой[5]. На наш взгляд, исходные позиции этих ученых являются правильными.

Вряд ли можно согласиться с авторами, отрицающими возможность сформулировать юридическое понятие хозяйственного договора. Мы считаем необоснованным вывод о том, что договоры, входящие в круг хозяйственных, не имеют общих для них и свойственных только им юридических признаков, позволяющих отграничить их от других граж-

---

[2] См.: Р. О. Халфина. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 3.

[3] Д. М. Генкин. В кн.: «Гражданское право стран народной демократии». Коллектив авторов. М., Внешторгиздат, 1958, стр. 39.

[4] См. «Ученые записки ВНИИСЗ». Вып. 7, М., 1966, стр. 25—26.

[5] См.: С. Н. Братусь. О некоторых чертах истории советского гражданского права. «Советское государство и право», 1957, № 11, стр. 95; В. Н. Можейко. Хозяйственный договор в СССР. М., Госюриздат, 1962, стр. 54; А. С. Приблуда. Понятие и особенности хозяйственного договора. Сб. «Вопросы правового регулирования народного хозяйства». М., Госюриздат, 1962, стр. 46; О. С. Иоффе. В кн.: «Договоры в социалистическом хозяйстве». Коллектив авторов. М., «Юридическая литература», 1964, стр. 11; Е. Д. Шешенин. К вопросу о понятии хозяйственного договора и его соотношении с договором хозяйственных услуг. «Сборник ученых трудов» Свердловского юридического института. Вып. 4. Свердловск, 1964, стр. 230; В. Г. Вердников. Хозяйственные договоры. Учебное пособие. М., 1965, стр. 3—7; В. С. Шелестов. Хозяйственные договоры (понятие, виды). Конспект лекции. Харьков, 1965, стр. 4; М. И. Брагинский. Общее учение о хозяйственных договорах. Минск, 1967, стр. 10, 15—21.

Выражение «договорная разновидность» используется в литературе в том смысле, что хозяйственный договор соотносится с гражданскоправовым договором, как видовое понятие с родовым. По нашему мнению, все же точнее было бы называть хозяйственный договор видом гражданскоправового договора, поскольку между ними не стоит иного видового подразделения, в состав которого бы входил хозяйственный договор в качестве разновидности.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

данскоправовых договоров и выделить в особый вид. Представляется неправильным сам подход к решению проблемы хозяйственного договора. Нельзя на основе анализа только внешних юридических признаков некоторой совокупности правовых форм делать вывод о существовании или отсутствии определенно правового явления. По нашему мнению, эта сложная проблема требует иного подхода.

При анализе договорных форм следует иметь в виду, что договор — это своеобразный юридический инструмент, посредством которого оказывается воздействие на конкретные общественные отношения. Причем инструмент этот конструируется с учетом характерных особенностей предмета его воздействия. Иначе говоря, внутренние сущностные признаки договора предопределяются в конечном счете характером закрепляемых им отношений. Отсюда вытекает, что одинаковые по природе, но различные по характеру отношения регулируются разными по сущности договорами. Стало быть, в процессе исследования договоров, возникающих между социалистическими организациями в сфере их хозяйствования, нужно выявлять не только их внешние юридические черты, но и те внутренние признаки и свойства, которые обусловлены предметом регулирования.

Если взять гражданскоправовой договор в целом как юридическую категорию, то можно видеть, что его наиболее существенные признаки (взаимное выражение воли сторон, их равенство) определяются особенностями регулируемых им отношений (социалистические имущественные отношения, обусловленные использованием товарно-денежной формы в коммунистическом строительстве). Но, будучи товарно-денежными, эти отношения не одинаковы по характеру. Одни из них возникают под непосредственным влиянием экономического закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства и закона стоимости, действующего в пределах, допускаемых объективными закономерностями развития экономики при социализме (имущественные отношения между несоподчиненными социалистическими организациями в сфере их хозяйствования). Другая группа отношений возникает в результате использования товарно-денежной формы в сфере деятельности, где воля участников (или хотя бы одного из них) непосредственно не обусловливается планомерным развитием общественного производства (товарно-денежные отношения между гражданами, отношения в сфере розничной торговли, бытового обслуживания граждан и т. п.).

Таким образом, в силу действия экономических законов социализма имущественные отношения, являющиеся предметом гражданского договора, подразделяются в пределах единого рода на два различных по характеру вида. Соответственно в рамках единого института гражданскоправового договора подразделяются на два вида и договоры, регулирующие эти группы отношений. Хозяйственный договор, поскольку он опосредствует имущественные отношения между социалистическими организациями в сфере их планомерной хозяйственной деятельности, как раз и составляет один из указанных договорных видов. К другому виду относятся все иные (нехозяйственные) договоры. Значит, существование хозяйственного договора как особого правового явления обусловливается наличием в социалистическом обществе особых имущественных отношений, нуждающихся в специальном юридическом закреплении. Поэтому нельзя сводить хозяйственный договор только к организационно-экономическому понятию, поэтому правы те ученые, которые рассматривают его в качестве самостоятельной договорной разновидности.

Заслуживает поддержки взгляд на хозяйственный договор как

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

на особую юридическую категорию[6]. В работах некоторых правоведов убедительно показано теоретическое и практическое значение выработки научно обоснованного определения хозяйственного договора[7]. Немало предпринято попыток создать такое определение. Однако задача до конца не решена. Сформулированные отдельными авторами определения хозяйственного договора значительно различаются по содержанию[8]. В частности, нет единства мнений относительно природы этого договора и признаков, определяющих его суть; по-разному очерчивается круг договоров, относящихся к числу хозяйственных. Отмеченные обстоятельства, конечно, не означают, что невозможно выработать единого, общепризнанного научного понятия хозяйственного договора; они свидетельствуют лишь о сложности проблемы.

Существенное значение, по нашему мнению, имеет выдвинутое в теории права положение, что хозяйственный договор, будучи разновидностью гражданскоправового договора, соотносится с ним как видовое понятие с родовым[9]. Он обладает, стало быть, и родовыми и видовыми признаками[10]. Родовые признаки выявляют его принадлежность к гражданскоправовым договорам, видовые — раскрывают специфические особенности, отличающие его от других договоров данного рода. Следовательно, можно сказать, что хозяйственный договор, являясь по своей природе гражданскоправовым, есть прежде всего согласованное волеизъявление двух или более сторон, находящихся в отношениях равенства.

Но не все ученые придерживаются такой точки зрения. Некоторые из них полагают, что хозяйственный договор надо рассматривать как особое правовое явление, не укладывающееся в гражданскоправовые рамки, что его нужно отнести к институтам хозяйственного права и считать соответственно хозяйственноправовой категорией[11]. В юридической литературе такая концепция была подвергнута критике[12]. Мы также не разделяем указанного взгляда. Хозяйственные договоры, как уже отмечалось, опосредствуют лишь часть имущественных отношений, обусловливаемых использованием товарно-денежной формы в коммунистическом строительстве. В целом же стоимостные отношения в своей нераздельной совокупности составляют по действующему законода-

---

[6] См.: О. С. Иоффе. В кн.: «Договоры в социалистическом хозяйстве». Коллектив авторов. М., «Юридическая литература», 1964, стр. 3, 6.

[7] См.: О. С. Иоффе. Там же, стр. 7; В. Г. Вердников. Проблемы хозяйственного договора по советскому праву. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 1968, стр. 4.

[8] См.: В. Н. Можейко. Указан. работа, стр. 54; А. С. Приблуда. Указан. работа, стр. 46; О. С. Иоффе. Указан. работа, стр. 11; Е. Д. Шешенин. Указан. работа, стр. 230; В. Г. Вердников. Хозяйственные договоры. М., 1965, стр. 3; В. С. Шелестов. Основные проблемы обеспечения качества продукции в хозяйственных договорах. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Харьков, 1967, стр. 7; М. И. Брагинский. Указан. работа, стр. 21.

[9] См.: О. С. Иоффе. Там же, стр. 6; В. С. Шелестов. Указан. автореферат, стр. 6; М. И. Брагинский. Указан. работа, стр. 10.

[10] На необходимость выяснения родовых и видовых признаков хозяйственного договора обращает внимание М. И. Брагинский. (См.: Указан. работа, стр. 11, 15).

[11] См.: В. К. Мамутов. Хозяйственное право — на службу коммунистическому строительству. «Советское государство и право», 1959, № 5, стр. 62—63; «Хозяйственное право». Учебное пособие. Под ред. проф. В. В. Лаптева. М., «Юридическая литература», 1967, стр. 26—27, 134 и сл.

[12] См.: В. С. Шелестов. Хозяйственные договоры (понятие, виды). Конспект лекции. Харьков, 1965, стр. 4.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

тельству предмет гражданского права [13]. Изъятие из гражданскоправовой сферы определенной части этих отношений и включение их в предмет хозяйственного права привел бы к нарушению принципа единства правового регулирования имущественных отношений стоимостного характера [14]. По изложенным основаниям позиция противников признания гражданскоправовой природы хозяйственного договора представляется неприемлемой.

Не меньшие трудности связаны с решением вопроса о видовых признаках хозяйственного договора, определяющих его специфику. Стремления отдельных юристов выявить единый классификационный признак, свойственный всем хозяйственным договорам и только им, не увенчались успехом. В числе существенных признаков рассматриваемого договора обычно называют: особый субъектный состав (только социалистические организации), плановый характер соглашения и его направленность на обслуживание хозяйственной деятельности социалистических организаций. Попытки придать определяющее значение какому-нибудь из этих признаков приводят либо к необоснованному расширению круга хозяйственных договоров, либо к необоснованному сужению его.

Так, выдвигая на первый план в качестве главного признака особый субъектный состав, некоторые авторы пришли к выводу, что понятие хозяйственного договора «распространяется на все отдельные виды договоров между социалистическими организациями» [15]. С таким утверждением нельзя согласиться. Как известно, социалистические организации, обладающие правами юридического лица, могут в пределах своей специальной правоспособности совершать между собой самые разнообразные гражданскоправовые договоры, в том числе и такие договоры, которые используются для регулирования отношений с участием граждан (купля-продажа, имущественный наем, подряд) [16]. Отнесение упомянутых традиционных гражданских договоров к числу хозяйственных только потому, что они заключены между социалистическими организациями, привело бы к стиранию видовых различий между хозяйственным и иными гражданскоправовыми договорами. В результате оказалось бы, что одни и те же идентичные по юридической форме и содержанию договоры квалифицировались бы как хозяйственные, если

---

[13] См. преамбулу и ст. 2 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик.

[14] Концепция хозяйственного права как самостоятельной правовой отрасли в теоретическом отношении является весьма спорной. Ее авторам, по нашему мнению, не удалось доказать, что включаемые ими в хозяйственное право юридические нормы характеризуются однородным по своей экономической сущности предметом и соответственно единым методом правового регулирования. Не опровергнут также и ряд других весьма существенных доводов, высказанных в литературе против данной концепции. (См.: О. С. Иоффе. Правовое регулирование хозяйственной деятельности в СССР. Изд-во ЛГУ, 1959, стр. 14 и сл.; С. Н. Братусь. Соотношение административных и экономических методов в регулировании хозяйственных отношений. «Советское государство и право», 1966, № 3, стр. 31 и сл.).

[15] А. С. Приблуда. Понятие и особенности хозяйственного договора. Сб. «Вопросы правового регулирования народного хозяйства». М., Госюриздат, 1962, стр. 45. Аналогичные суждения высказываются и другими авторами. (См.: В. Н. Можейко. Хозяйственный договор в СССР. М., Госюриздат, 1962, стр. 9; З. М. Заменгоф. Расторжение и изменение хозяйственных договоров. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1963, стр. 5).

[16] По мнению В. Н. Можейко, в качестве хозяйственного должен рассматриваться «и договор купли-продажи в тех случаях, когда он заключается между социалистическими организациями». (В. Н. Можейко. Указан. работа, стр. 9).

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

они используются в отношениях между социалистическими организациями, или как обычные (нехозяйственные) гражданские договоры, если они используются в отношениях с участием граждан. При таком подходе едва ли возможно обосновать существование хозяйственного договора как особой правовой категории, да и необходимости в этом не было бы[17].

Итак, особый субъектный состав — признак, присущий всем хозяйственным договорам, но он не может служить единственным критерием разграничения договоров на хозяйственные и нехозяйственные.

Не имеет классификационного значения и признак плановости хозяйственного договора. В теории гражданского права, как известно, поразному трактуется вопрос о понятии плановости договора. О. С. Иоффе, например, полагает, что плановыми должны признаваться «такие договоры, заключение которых предписывается планово-административными актами, адресованными лицам, которые обязываются к совершению договора друг с другом»[18]. С этой точки зрения плановость нельзя признать отличительным признаком хозяйственного договора, поскольку понятием «хозяйственный договор», по утверждению автора, охватывается как плановый, так и «однохарактерный ему по типу или обязательности совершения неплановый договор»[19]. Наш вывод остается в силе и при ином толковании плановости договоров. По мнению В. П. Грибанова, более правильным «является широкое понятие плановых договоров, включающее все договоры, находящиеся в той или иной степени под воздействием плановых актов...»[20]. Такого же взгляда придерживаются В. Н. Можейко, А. С. Приблуда, В. Г. Вердников, которые относят к плановым не только договоры, заключаемые на основе обязательных для сторон плановых заданий, но и договоры, так или иначе связанные с актами планирования, зависящие от них, хотя прямо и не предусмотренные этими актами[21]. С позиции изложенного взгляда все хозяйственные договоры суть плановые. Вместе с тем обнаруживается, что плановыми в указанном смысле могут быть и договоры с участием граждан (например, договоры предприятий бытового обслуживания о предоставлении услуг гражданам, договоры на выдачу гражданам банковских ссуд и др.).

В качестве существенного признака указывается особая направленность хозяйственного договора, а именно то, что он направлен «на

---

[17] См.: О. С. Иоффе. Указан. работа, стр. 5—6; М. И. Брагинский. Указан. соч., стр. 16—17.

[18] О. С. Иоффе. Советское гражданское право. (Курс лекций). Изд. ЛГУ, 1958, стр. 389.

[19] «Договоры в социалистическом хозяйстве». Коллектив авторов. М., «Юридическая литература», 1964, стр. 11.

О. С. Иоффе различает признак плановости договора как правовое и как экономическое явление. Договор обладает признаком плановости в юридическом смысле, если план выступает «в качестве его юридического основания». В экономическом смысле плановыми должны признаваться все договоры, служащие «целям выполнения плана». Плановость договора как экономическое понятие не может быть признаком, определяющим вид договора потому, что таким качеством обладают все договоры, возникающие в сфере хозяйственной деятельности социалистических организаций. (См. там же, стр. 8—9).

[20] В. П. Грибанов. Рецензия на кн. О. С. Иоффе «Советское гражданское право (Курс лекций)». ЛГУ, 1958. «Советское государство и право», 1960, № 3, стр. 149.

[21] См.: В. Н. Можейко. Указан. соч., стр. 116 и сл.; А. С. Приблуда. Указан. соч., стр. 41—44; В. Г. Вердников. Проблемы хозяйственного договора по советскому праву. Автореферат докторской диссертации. М., 1968, стр. 20.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

достижение определенных экономических результатов»[22], обслуживает «их хозяйственную деятельность»[23], предусматривает «их сотрудничество в достижении определенного хозяйственного результата»[24].

Однако этот признак также не обладает качеством классификационного критерия: на его основе нельзя отграничить хозяйственный договор от других гражданскоправовых договоров. Дело в том, что почти всякий из заключаемых между социалистическими организациями договоров так или иначе направлен на обслуживание их хозяйственной деятельности, на достижение определенного экономического результата. Более того, аналогичную целевую направленность имеют многие договоры хозорганов с отдельными гражданами. Это обстоятельство, очевидно, дало некоторым ученым основание рассматривать данные договоры как хозяйственные. Так, по мнению Я. Ф. Миколенко, к числу хозяйственных должны относиться и сделки, совершаемые социалистической организацией с гражданином в качестве ее основной деятельности (например, все сделки по розничной торговле в государственных и кооперативных магазинах)[25].

Отмечая неопределенность и нечеткость критерия «обслуживание хозяйственной деятельности», отдельные авторы сделали попытку уточнить, конкретизировать его. Н. И. Краснов и Г. И. Хайдас высказали соображение, что хозяйственные договоры обслуживают не всякую, а лишь основную деятельность хозяйственных организаций[26]. В литературе правильно было указано, что если определить круг хозяйственных договоров по признаку обслуживания ими основной хозяйственной деятельности предприятий, то вне этого круга окажется значительная часть договоров между социалистическими организациями, направленных на обслуживание их подсобной или вспомогательной деятельности, хотя эти договоры по своей юридической природе ничем не отличаются от договоров, которые включены в круг хозяйственных[27]. В результате создается такое положение, что один и тот же договор, регулирующий отношения между социалистическими организациями (например, договор поставки), может быть квалифицирован и как хозяйственный и как нехозяйственный, если он был использован для обслуживания деятельности, не относящейся к основной. К тому же, вряд ли возможно провести четкую границу между основной и подсобной хозяйственной деятельностью. Такое деление весьма условно, а главное, оно не может ока-

---

[22] См.: В. Н. Можейко. Указан. соч., стр. 54.

[23] См.: «Договоры в социалистическом хозяйстве». Коллектив авторов. М., «Юридическая литература», 1964, стр. 11. Аналогичным образом Е. Д. Шешенин к основным правовым признакам хозяйственных договоров относит то обстоятельство, что предметом их являются действия или деятельность хозяйственного характера. (Е. Д. Шешенин. Указан. соч., стр. 234).

[24] См.: В. Г. Вердников. Хозяйственные договоры. Учебное пособие. М., 1965, стр. 3.

[25] См.: Я. Ф. Миколенко. О системе имущественных отношений и их правовом регулировании. «Советское государство и право», 1960, № 3, стр. 91.

В литературе имеются и другие высказывания подобного рода. В частности, В. Далежан причисляет к категории хозяйственных все договоры, связанные с хозяйственной деятельностью колхозов (в том числе и договоры колхозов с гражданами). См.: В. Далежан. Некоторые вопросы хозяйственнодоговорных отношений колхозов (по материалам УССР). «Вестник Московского университета». Серия XII. «Право», 1966, № 5, стр. 24.

[26] См.: Н. И. Краснов, Г. И. Хайдас. Рецензия на кн. В. Н. Можейко «Хозяйственный договор в СССР». М., Госюриздат, 1962. «Советское государство и право», 1962, № 11, стр. 145.

[27] См.: В. С. Шелестов. Хозяйственные договоры (понятие, виды). Конспект лекции. Харьков, 1965, стр. 35—36; М. И. Брагинский. Указан. соч., стр. 20.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

зать сколько-нибудь существенного влияния на природу договоров, регулирующих хозяйственные отношения.

М. И. Брагинский, критикуя соображение, высказанное Н. И. Красновым и Г. И. Хайдасом, все же полагает, что оно может «служить отправной точкой при определении того общего, что связывает содержание различных видов хозяйственных договоров»[28]. Это общее, по мнению автора, состоит в том, что хозяйственные договоры, «как таковые, имеют целью непосредственное обслуживание основной деятельности хозяйственных организаций»[29]. Уточнение, сделанное М. И. Брагинским, не меняет положения и не снимает критических замечаний, им же высказанных в адрес Н. И. Краснова и Г. И. Хайдаса. В частности, выдвинутое автором положение не согласуется с его совершенно правильным утверждением, что «договор перевозки, в котором участвуют социалистические организации, относится к числу хозяйственных независимо от того, опосредствует ли он отгрузку оборудования для цехов предприятия или мебели для его конторы»[30]. В случае с перевозкой мебели мы, очевидно, не можем сказать, что хозяйственный договор непосредственно обслуживает основную деятельность хозоргана: он лишь обеспечивает нормальные условия для выполнения управленческой работы, тем самым, разумеется, обслуживает и основную хозяйственную деятельность, но не непосредственно, а в конечном счете. Если же считать, что всякое взаимное сотрудничество предприятий непосредственно обслуживает их основную деятельность, то не ясно, почему автор не признает хозяйственным договор между социалистическими организациями на ремонт и техническое обслуживание счетных и пишущих машин, телефонных аппаратов и др.[31]. С другой стороны, договоры, не относящиеся к хозяйственным, также могут иметь целью непосредственное обслуживание основной хозяйственной деятельности (например, приобретение предприятием по договору купли-продажи в магазине хозяйственных товаров малоценных слесарных принадлежностей, необходимых для ремонта оборудования).

Иначе определяет признак целевой направленности хозяйственного договора В. С. Шелестов. Он предлагает использовать в качестве отличительного критерия, являющегося «безусловно общим для всех хозяйственных договоров», показатель прибыли[32]. Характерную особенность упомянутых договоров автор видит в том, что они обеспечивают реализацию «плановых заданий по прибыли и другим технико-экономическим показателям»[33]. Конечно, указанная функция свойственна хозяйственным договорам. Вполне можно согласиться с В. С. Шелестовым в том, что решение вопроса о их природе «следует искать в плоскости связи с экономическими категориями»[34], но едва ли можно признать правильным его утверждение, что показатель прибыли — отличительный критерий этих договоров. Правовым средством, способ-

---

[28] М. И. Брагинский. Указан. соч., стр. 21.
[29] М. И. Брагинский. Там же, стр. 21.
[30] Там же, стр. 20.
[31] Там же, стр. 21.
[32] См.: В. С. Шелестов. Хозяйственные договоры (понятие, виды). Конспект лекции. Харьков, 1965, стр. 27.
[33] В. С. Шелестов. Основные проблемы обеспечения качества продукции в хозяйственных договорах. Автореферат докторской диссертации. Харьков, 1967, стр. 7.
[34] В. С. Шелестов. Хозяйственные договоры (понятие, виды). Конспект лекции, Харьков, 1965, стр. 25.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ствующим реализации плановых заданий предприятия по прибыли выступают не только хозяйственные, но и иные гражданскоправовые договоры. Разве не служат этой цели договоры розничной купли-продажи в государственной и кооперативной торговле или сделки колхозов по продаже гражданам на колхозном рынке излишков сельскохозяйственной продукции?

По мнению Е. Д. Шешенина, кроме рассмотренных трех признаков (субъектный состав, плановый характер и направленность договора на обслуживание хозяйственной деятельности предприятий) к основным правовым признакам хозяйственных договоров относится также то, что а) они заключаются в письменной форме; б) при их заключении возможны преддоговорные споры; в) срок исполнения договора не совпадает с моментом его заключения; г) договорные обязательства подлежат реальному исполнению; д) за нарушение этих обязательств наступает имущественная ответственность[35]. Из всех перечисленных моментов лишь один (возможность преддоговорных споров) характерен только для хозяйственных договоров, но его, как нам кажется, не следует относить к основным признакам, поскольку не все хозяйственные договоры обладают им (например, не может быть преддоговорного спора по договору перевозки). Что касается остальных отмеченных моментов, то они свойственны не только хозяйственным, но и иным гражданскоправовым договорам, а потому их нельзя считать специфическими признаками хозяйственного договора.

На наш взгляд, ни один из рассмотренных признаков не является классификационным критерием, позволяющим выделить хозяйственные договоры в особую правовую категорию. Равным образом и совокупность этих признаков сама по себе также не может служить достаточной теоретической основой для квалификации хозяйственного договора в качестве самостоятельного юридического понятия, в качестве особого вида гражданскоправового договора.

При исследовании юридической сущности хозяйственного договора, как мы уже отмечали, необходимо исходить из таких реально существующих явлений, как а) наличие в социалистическом обществе о с о б о й сферы имущественных отношений — планомерных товарно-денежных связей, возникающих между предприятиями в процессе их хозяйственной деятельности и объективно нуждающихся в с п е ц и а л ь н о й правовой регламентации; б) наличие в действующем советском гражданском законодательстве о с о б ы х договорных институтов, с п е ц и а л ь н о предназначенных для регулирования указанных хозяйственных отношений.

Природа и характер договорной формы в конечном счете обусловливается ее экономическим содержанием. Поэтому без выявления сущности обслуживаемых хозяйственным договором экономических отношений невозможно дать его юридического определения. То общепризнанное положение, что правовая форма, будучи предопределенной экономическими факторами, обладает относительной самостоятельностью[36], отнюдь не колеблет сделанного вывода.

Хозяйственный договор как особое юридическое средство государственноправового воздействия на экономику вызван к жизни планомерным развитием народного хозяйства СССР. Он сформировался в результате последовательного осуществления в управлении общественным

[35] См.: Е. Д. Ш е ш е н и н. Указан. соч., стр. 234.

[36] См.: В. М. Ч х и к в а д з е. Государство, демократия, законность. Ленинские идеи и современность. М., «Юридическая литература», 1967, стр. 56—59

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

производством ленинского принципа демократического централизма.

Важнейшим компонентом социалистической экономики являются хозяйственные связи, возникающие в сфере общественного производства под непосредственным воздействием объективных экономических законов социализма. Под хозяйственными связями понимаются те имущественные отношения, которые планомерно складываются между несоподчиненными предприятиями в процессе производства, обмена и потребления материальных благ. Эти связи проявляются в форме товарно-денежных отношений. Указанная форма объективно обусловливается товарным характером производства при социализме и хозрасчетным методом хозяйствования государственных предприятий.

Существенная особенность состоит в том, что рассматриваемые имущественные отношения — это не обычные товарно-денежные связи, а устойчивые, планомерно организуемые государством хозяйственные отношения, выступающие в товарно-денежной форме. Их специфика определяется экономическими закономерностями развития социалистического общества — законом планомерного, пропорционального развития народного хозяйства и законом стоимости.

Планомерные товарно-денежные взаимоотношения социалистических организаций (хозяйственные связи) выполняют в народном хозяйстве нашей страны особую экономическую функцию — служат основной общественной формой, в которой предприятия осуществляют необходимый для их хозяйствования обмен взаимной деятельностью или ее результатами. Именно реализация такого рода имущественных связей является непременным условием выполнения предприятиями их производственно-хозяйственных планов.

В условиях существующего разделения труда, расширения специализации и кооперирования предприятий эффективность общественного производства во многом зависит от установления научно обоснованных хозяйственных связей и их надлежащего осуществления. Поэтому хозяйственные связи являются объектом государственноправового воздействия, они включаются в сферу государственного планирования.

На современном этапе развития экономики СССР субъектами планомерных товарно-денежных отношений в сфере хозяйствования выступают только социалистические организации, обладающие обособленным имуществом по праву оперативного управления (госорганы) или по праву собственности (колхозно-кооперативные организации). Особенность заключается в том, что волевые акты этих субъектов оказывают организующее воздействие на хозяйственные отношения, складывающиеся между ними под влиянием объективных потребностей хозяйственной деятельности; причем воля хозяйствующих субъектов здесь формируется под непосредственным влиянием воли государства, выраженной в нормах права и актах планирования народного хозяйства. Советское государство, как собственник основных средств производства, не только определяет направление и цели деятельности предприятий в интересах всего общества, но и строго контролирует ее.

Хозяйственные связи представляют собой особую форму проявления социалистических производственных отношений. Они являются одним из средств реализации социалистического принципа товарищеского сотрудничества и взаимопомощи производственных коллективов — субъектов хозяйствования. По своим экономическим функциям, по субъектному составу и степени обусловленности государственным народнохозяйственным планированием хозяйственные связи существенным образом отличаются от иных товарно-денежных отношений, возникающих в

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

нашем обществе. Будучи планомерными, эти связи объективно нуждаются в такой государственноправовой регламентации, которая бы надежно обеспечивала сочетание интересов отдельных предприятий с интересами всего общества и в то же время в рамках народнохозяйственного плана оставляла бы достаточный простор для проявления инициативы и активности самих предприятий в деле формирования рациональных хозяйственных отношений и их осуществления.

Товарно-денежная природа хозяйственных взаимосвязей предприятий предопределяет необходимость использования договорной формы для их закрепления и развития. Однако традиционные гражданскоправовые договоры купли-продажи, подряда, займа в той общей форме, как они были сформулированы и зафиксированы в основных кодификационных актах, оказались непригодными для регулирования планомерно развивающихся хозяйственных связей, особенно в области материально-технического снабжения социалистических предприятий и сбыта их продукции, государственных закупок сельскохозяйственных продуктов у колхозов и совхозов, капитального строительства, банковского кредитования и др. Эти договорные формы, исторически сложившиеся под влиянием закона стоимости и рассчитанные на применение к обычным товарно-денежным отношениям, не отражают специфических особенностей планомерных хозяйственных связей и потому не могут служить сколько-нибудь эффективным средством их закрепления. Возникла потребность в создании особых договорных институтов, специально предназначенных для регулирования указанных хозяйственных отношений. И такие договорные институты были созданы. Советское государство в порядке текущего нормотворчества постепенно, по мере становления и развития плановых товарно-денежных взаимоотношений социалистических предприятий, разработало основные договорные формы, обеспечивающие закрепление и развитие этих отношений[37]. Принципиальные положения важнейших хозяйственнодоговорных институтов (договор поставки, договор контрактации сельскохозяйственной продукции, договор подряда на капитальное строительство, договор перевозки груза и др.) включены в новые кодификационные акты — Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и в Гражданские кодексы.

Так, под влиянием потребностей правового урегулирования складывающихся в сфере общественного производства планомерных хозяйственных взаимосвязей предприятий, возникли особые договорные формы, получившие закрепление в нормах права. Наличие в действующем гражданском законодательстве хозяйственнодоговорных институтов специального назначения — факт несомненный.

Большинство советских правоведов, независимо от того, признают они хозяйственный договор в качестве правовой категории или не признают, рассматривает договоры поставки, контрактации сельскохозяйственной продукции, подряда на капитальное строительство, перевозки

---

[37] Об истории развития договорных форм, используемых в народном хозяйстве СССР, см.: И. Б. Новицкий. Развитие договорных обязательств в советском праве. «Ученые записки». (Московский юридический институт), вып. IV. М., 1948; С. Н. Братусь. О некоторых чертах истории советского гражданского права. «Советское государство и право», 1957, № 11; Ф. И. Гавзе. Развитие социалистического гражданскоправового договора (1917—1934 гг.). Минск, 1959; Е. М. Яковлева. Развитие договорных связей государственной промышленности СССР по снабжению и сбыту. Душанбе, 1965 г.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

грузов как хозяйственные договоры, представляющие самостоятельные типы гражданскоправового договора[38].

Сложнее обстоит дело с ответом на вопрос, составляют ли указанные договорные институты единый самостоятельный институт хозяйственного договора и возможно ли теоретически обосновать существование самостоятельной правовой категории «хозяйственный договор» как особой, предусмотренной законом формы волеизъявления сторон сделки).

В юридической литературе высказывается мнение, согласно которому содержащиеся в действующем законодательстве нормативные положения о хозяйственных договорах в своей совокупности составляют самостоятельный правовой институт хозяйственного договора[39]. Есть авторы, оспаривающие эту точку зрения[40]. Так, например, Н. И. Овчинников отрицает возможность признания единого юридического института хозяйственного договора на том основании, что нормы права, относящиеся к отдельным типам хозяйственных договоров (договоры поставки, перевозки грузов и т. п.), по своему характеру неоднородны и применяются только в составе определенного договорного типа[41].

Положение осложняется тем, что в теории советского права не выработано единого понимания юридического института. Можно констатировать лишь большую или меньшую степень признания учеными отдельных моментов, характеризующих сущность указанного понятия.

Почти единогласно признается, что юридический институт — это структурное подразделение правовых норм, определенная их совокупность, сложившаяся в рамках данной отрасли права[42]. Однако мнения ученых существенным образом расходятся при выявлении критерия, на основе которого должны группироваться институты отрасли права.

Наибольшее распространение получил взгляд, согласно которому юридический институт должен определяться по предмету правового регулирования. В качестве основного критерия здесь выдвигается единство (однородность) общественных отношений или их отдельных сторон, регулируемых нормами права, составляющими институт[43].

---

[38] См.: «Договоры в социалистическом хозяйстве». Коллектив авторов. М., «Юридическая литература», 1964, стр. 11; В. Г. Вердников. Хозяйственные договоры. Учебное пособие. М., 1965, стр. 3 и сл.; М. И. Брагинский. Указан. соч., стр. 16 и сл.; Н. И. Овчинников. Особенности хозяйственных договоров. «Известия высших учебных заведений. Правоведение», 1969, № 4, стр. 45.

[39] См.: В. Н. Можейко. Указан. соч., стр. 14; В. С. Шелестов. Хозяйственные договоры (понятие, виды). Конспект лекции. Харьков, 1965, стр. 4.

[40] См.: В. Г. Вердников. К вопросу о хозяйственном договоре по советскому гражданскому праву. «Труды ВЮЗИ», т. III, М., 1965, стр. 126—127; Н. И. Овчинников. Особенности хозяйственных договоров. «Известия высших учебных заведений. Правоведение», 1969, № 4, стр. 47—48.

[41] См.: Н. И. Овчинников. Там же, стр. 47—48.

[42] См.: С. С. Алексеев. Общие теоретические проблемы системы советского права. М., Госюриздат, 1961, стр. 6—7; Д. А. Керимов. Кодификация и законодательная техника. М., Госюриздат, 1962, стр 55; «Общая теория советского права». Под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самощенко. М., «Юридическая литература», 1966, стр. 317; О. С. Иоффе. Структурные подразделения системы права. «Ученые записки» (ВНИИСЗ). Вып. 14, М., 1968, стр. 51.

[43] См.: «Советское гражданское право», т. 1, М., Госюриздат, 1959, стр. 34; «Основы теории государства и права». М., Госюриздат, 1960, стр. 377—378; В. Г. Вердников. К вопросу о хозяйственном договоре по советскому гражданскому праву. «Труды» (ВЮЗИ), т. III. Вопросы гражданского процессуального, гражданского и трудового права. М., 1965, стр. 123—124.

По мнению Д. А. Керимова, критерием, на основе которого нормы права группируются в юридический институт, является регулируемое ими типичное общественное отношение. (См.: Д. А. Керимов. Указан. соч., стр. 55).

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

О. С. Иоффе, также рассматривавший правовой институт как «определенную совокупность норм, объединяемых тем общим для них моментом, что они регулируют один и тот же вид общественных отношений»[44], в последнее время изменил свою точку зрения. Теперь он полагает, что юридическим институтом «следует считать группу норм, объединяемых специфическим способом применения общеотраслевого метода к регулируемому ими виду общественных отношений»[45]. Таким образом, О. С. Иоффе, отказавшись от использования предмета правового регулирования в качестве основы разграничения институтов внутри отрасли, предложил взамен другой критерий — внутриотраслевой метод регулирования, присущий данному институту. К сожалению, автор не раскрыл, что следует понимать под внутриотраслевым методом, какими моментами этот метод характеризуется и как практически им пользоваться.

По-видимому, можно согласиться с поддерживаемой О. С. Иоффе идеей подразделения отраслей права на отдельные подотрасли по предмету регулирования. В рамках подотрасли, очевидно, могут быть специфические особенности применения общеотраслевого метода регулирования. Например, вещноправовые способы регулирования отношений собственности не идентичны обязательственноправовым способам. Но едва ли возможно признать доказанным, что к а ж д о м у юридическому институту в рамках подотрасли н е п р е м е н н о присущ специфический, только ему свойственный метод правового регулирования.

Вероятно, не вызывает возражений, что нормы гражданского права, регулирующие определенный т и п договорного отношения, составляют особый юридический институт. С этой точки зрения нормы, регулирующие отношения по договору купли-продажи и отношения по договору мены, относятся к различным институтам. Мы, однако, серьезно сомневаемся в том, что указанные юридические институты возможно разграничить по методу регулирования. Если сравнить ст. 255 со ст. ст. 237—254 ГК РСФСР, то никаких различий в методах регулирования данных отношений мы не обнаружим. С точки же зрения предмета правового регулирования — это разные институты (в рамках договорного права). К аналогичному выводу можно прийти и при сопоставлении институтов договоров купли-продажи и дарения, договоров имущественного найма и безвозмездного пользования имуществом[46].

---

[44] О. С. И о ф ф е. Советское гражданское право. (Курс лекций). ЛГУ, 1958, стр. 27.

[45] О. С. И о ф ф е. Структурные подразделения системы права. «Ученые записки» (ВНИИСЗ). Вып. 14. М., 1968, стр. 54.

[46] Мы не думаем, что к специфике метода правового воздействия норм, составляющих институт договора дарения или договора безвозмездного пользования имуществом, можно отнести безвозмездную передачу имущества в собственность или во временное пользование. Этот момент характеризует не способ правового воздействия, а само экономическое (имущественное) отношение, являющееся предметом регулирования. Далее, вряд ли можно относить к специфике внутриотраслевого метода и содержание конкретных правоотношений, возникающих в результате урегулирования правовым институтом данного фактического отношения: в рамках одного института могут быть разные по содержанию правоотношения. Главное, что характеризует метод правового регулирования, — это способ воздействия норм права, выражающих волю государства, на поведение субъектов отношения (как они воздействуют, а не что в результате их воздействия возникает). Специфика внутриотраслевого метода может проявиться, в частности, в характере соотношения диспозитивности и императивных начал в правовом регулировании отдельных видов отношений. (См.: О. А. К р а с а в ч и к о в. Диспозитивность в гражданскоправовом регулировании. «Советское государство

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

По нашему мнению, специфика метода внутриотраслевого регулирования не может служить достаточным критерием разграничения юридических институтов. Это, конечно, не означает, что особенности применения общеотраслевого метода (в тех случаях, когда они имеют четко выраженный характер) не должны учитываться при определении и характеристике того или иного правового института.

Более правильным представляется разграничение юридических институтов по предмету правового регулирования. Едва ли можно сомневаться в том, что совокупность норм, составляющих тот или иной правовой институт, создается государством именно для того, чтобы урегулировать определенную область (род, вид) общественных отношений. С учетом особенностей этих отношений и устанавливается метод воздействия на них воли государства, выраженной в нормах права. Сущность метода определяется характером регулируемого вида (рода) отношений. Законодатель может избирать различные варианты способов регулирования только в тех пределах, в которых позволяют это сделать объективные свойства предмета регулирования. Например, экономические отношения по реализации предприятиями произведенной ими товарной продукции могут осуществляться в различных формах. В частности, предприятие-изготовитель может либо вступить в прямую хозяйственную связь с предприятиями, потребляющими его продукцию, либо воспользоваться посредническими услугами организаций, выполняющих снабженческо-сбытовые операции. Исходя из этого, законодатель имеет возможность с учетом конкретных условий хозяйствования очертить в нормах права границы использования той или иной формы сбыто-снабженческих связей и определить соответствующий способ их юридического закрепления. Так, экономические отношения посредничества в сфере сбыта товарной продукции предприятий объективно могут быть оформлены договорами поставки, контрактации сельскохозяйственной продукции, комиссионной продажи и т. п. Это, разумеется, не означает, что у названных договоров предмет регулирования одинаковый по характеру. Имущественные отношения посредничества здесь способны проявляться в разнообразных формах. Вот это их качество и использует законодатель при установлении порядка правового регулирования. Во всяком случае, он не может, игнорируя объективные свойства указанных отношений, определить способ правового воздействия по своему произвольному усмотрению (нельзя, например, использовать в этой сфере отношений договоры мены, подряда и т. п. или вообще отказаться от применения договорной формы). Следовательно, метод правового регулирования, в конечном итоге, — производное от его предмета. Значит, свойства предмета правового регулирования нельзя сбрасывать со счета при систематизации норм внутри отрасли (или подотрасли) права.

Для доказательства неприемлемости разграничения юридических институтов по предмету регулирования обычно приводят довод, что экономические отношения купли-продажи, складывающиеся между социалистическими организациями в процессе их хозяйственной деятельно-

---

(Окончание. Начало сноски см. на стр. 48).
и право», 1970, № 1, стр. 42 и сл.). Однако мера соотношения указанных начал в правовом регулировании не может быть таким моментом, который бы с достаточной определенностью позволял разграничивать правовые институты внутри подотрасли. По некоторым институтам, особенно в области договорных отношений, эту меру установить почти невозможно (договоры купли-продажи, мены, дарения, безвозмездного пользования имуществом, поручения, комиссии и т. п.).

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

сти, регулируются разными институтами — договором поставки и договором купли-продажи. Но можно ли утверждать, что здесь имеет место использование различных методов для правового регулирования однохарактерных общественных отношений?

Если сопоставить отношения по товарно-денежному обмену, регулируемые договором поставки, с товарно-денежными взаимоотношениями социалистических организаций, которые регулируются посредством традиционного договора купли-продажи, то окажется, что это не однохарактерные экономические отношения. Первые из них выступают в социалистической экономике как необходимые планомерные хозяйственные связи, в рамках которых осуществляется деятельность субъектов по обмену их взаимной деятельностью или ее результатами. Вторые не выполняют этой экономической функции, так как товарно-денежный обмен здесь производится без предварительного формирования планомерной хозяйственной связи. Это экономическое отношение по своему характеру таково, что оно объективно укладывается в правовую форму обычного договора купли-продажи. Как правило, в отношениях между социалистическими организациями договор купли-продажи применяется для юридического оформления эпизодических операций по товарно-денежному обмену, момент осуществления которого совпадает с моментом заключения договора. Что же касается товарно-денежных отношений, являющихся предметом договора поставки, то посредством договора купли-продажи невозможно оформить планомерную хозяйственную связь между поставщиком и покупателем и обеспечить юридические гарантии ее осуществления. Следовательно, эти экономические отношения не могут быть предметом института договора купли-продажи: по своим внутренним свойствам они объективно нуждаются в специальном порядке правового регулирования.

По каким признакам должен очерчиваться круг общественных отношений, составляющих предмет юридического института? Представляется, что разграничение этих отношений на отдельные виды и разновидности следует производить на основе общности характера тех или иных сторон определенного рода отношений. Именно специфика характера проявления той или иной стороны данного круга отношений предопределяет необходимость устанавливать особые принципы правового воздействия на них и специальный порядок правовой регламентации в рамках отраслевого метода.

Если взять какую-либо группу экономических отношений определенного рода, например, отношения имущественного оборота, обусловленного использованием товарно-денежной формы в коммунистическом строительстве, то нетрудно заметить, что эти отношения в силу их многогранности, разнохарактерности отдельных сторон подразделяются на различные виды, а последние, в свою очередь, на подвиды и т. д. Иначе говоря, данная область отношений имеет сложную структуру, представляет собой соподчиненную систему структурных подразделений, находящихся на различных уровнях и в различных плоскостях. Например, имущественные отношения, опосредуемые обязательственным правом, разделяются по основанию их возникновения на договорные и внедоговорные. Договорные отношения в зависимости от содержания и формы обмена взаимной деятельностью или ее результатами подразделяются на отдельные виды типичных отношений (купля-продажа, мена, дарение, заем, имущественный наем, ссуда, подряд, хранение, совместная деятельность). Последние также могут иметь свои структурные подразделения.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Применительно к договорному праву существует мнение, что «понятие типа договора связано с понятием института права»[47]. Связь здесь, несомненно, есть. Типом экономического договорного отношения определяется совокупность регулирующих его норм права, которая и составляет юридический институт. Такая группировка нормативного материала, безусловно, имеет важное значение. Однако было бы неправильно сводить внутреннюю систематизацию договорного права лишь к определению институтов на уровне договорного типа.

Вполне обоснованно указывалось в литературе на необходимость систематизации нормативного материала в рамках институтов, сформировавшихся по типам договорных отношений. В частности, на такой позиции стоит О. С. Иоффе; структурные подразделения институтов он предлагает именовать субинститутами[48]. Систематизация нормативного материала здесь мыслится по нисходящей линии: «институт — субинститут»; за исходное берется институт на уровне договорного типа. Для чего это нужно? Для того, чтобы в практике законодательной деятельности можно было предусмотреть более высокую степень специализации нормативного регулирования данного подвида отношений с учетом его внутривидовых особенностей.

Итак, в теории права признается не только возможным, но и необходимым установление соподчиненной системы институтов.

Мы не видим препятствий к подразделению нормативного материала в области обязательственного права на институты и по восходящей линии, то есть не по отдельным видам (типам) договорных отношений, а по совокупности разновидовых отношений, принадлежащих к одному роду, определяемому по тем или иным существенным признакам. Так, например, в рамках подотрасли «обязательственное право», как уже мы отмечали, объективно выделяется обширная область договорных отношений. Существенным моментом, связывающим их в отношения единого рода, является эквивалентный обмен имущественными благами (в некоторых случаях и безэквивалентная передача имущества) по соглашению его участников. Именно эта существенная черта данного рода имущественных отношений предопределяет необходимость установления особого порядка их правового регулирования, в основу которого положен принцип установления правового отношения посредством взаимного волеизъявления сторон. Этим важным моментом обусловливаются внутреннее единство и общность всей совокупности договорных отношений, что дает основание рассматривать их как самостоятельное структурное подразделение системы социалистических имущественных отношений. Соответственно имеются все основания рассматривать нормы, регулирующие договорные отношения, как особый институт гражданскоправового договора, сцементированный воедино не только внутренним единством предмета, но и общностью принципов правового регулирования.

Группировка правовых норм в юридический институт на уровне укрупненных структурных подразделений общественных отношений, являющихся родовыми к подразделениям нижестоящего порядка, также имеет большое теоретическое и практическое значение. Выделение в системе отрасли (или подотрасли) укрупненных правовых институтов и комплексное изучение их дает возможность выявить принципиальные

[47] В. Г. Вердников. К вопросу о хозяйственном договоре по советскому гражданскому праву. «Труды» (ВЮЗИ), т. III. Вопросы гражданского процессуального, гражданского и трудового права. М., 1965, стр 130.

[48] См.: О. С. Иоффе. Структурные подразделения системы права. «Ученые записки». (ВНИИСЗ), вып. 14, М., 1968, стр. 50—51.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

особенности правовой регламентации всего круга однородных отношений, составляющих предмет данного института, сформулировать принципы правового регулирования, которые должны лечь в основу специальной юридической регламентации отношений в рамках видовых подразделений.

Таким образом, мы приходим к выводу о возможности и необходимости выделения в составе отрасли (или подотрасли) права системы юридических институтов, соотносящихся по уровням структурных подразделений как род с видом, вид с подвидом и т. д.[49] В области обязательственного права наиболее крупным после подотрасли структурным подразделением следует считать институт гражданскоправового договора. Этот институт представляет собой определенную систему правовых норм, подразделяющихся на отдельные видовые и подвидовые договорные институты.

Как мы уже отмечали, в составе имущественных отношений, являющихся предметом института гражданскоправового договора, первостепенное место занимает обособившаяся область единых по характеру отношений — планомерные товарно-денежные связи между социалистическими организациями, объективно нуждающиеся в специальной правовой регламентации. На регулирование данной области общественных отношений направлена вся совокупность правовых норм о хозяйственных договорах независимо от того, к какому договорному типу эти нормы относятся. С точки зрения изложенной нами позиции указанная совокупность норм должна рассматриваться как особый гражданскоправовой институт — институт хозяйственного договора. Он включает в себя всю систему юридических институтов, регулирующих отдельные типы хозяйственнодоговорных отношений.

То обстоятельство, что в кодификационных актах — Основах и ГК нет специального подраздела, содержащего общие положения о хозяйственных договорах, не может препятствовать признанию рассматриваемой совокупности норм в качестве особого юридического института. Во-первых, многие принципиальные положения, относящиеся ко всем хозяйственным договорам, сформулированы в ст. ст. 33—38 Основ и в подразделе «Общие положения об обязательствах» ГК союзных республик. Во-вторых, систематизация нормативного материала в законодательном акте сама по себе не означает, что нельзя в научно-практических целях объединить нормы в не предусмотренный кодификацией юридический институт на основе объективного критерия — в зависимости от характера предмета регулирования. Так, например, договоры на выполнение научно-исследовательских и конструкторских работ, договоры на выполнение проектных и изыскательских работ не кодифицированы. Однако было бы неправильно на этом основании не признавать нормы, регулирующие договорные отношения в столь важных областях хозяйственной деятельности, самостоятельными гражданскоправовыми институтами[50].

---

[49] Нужно отметить, что указанная соотносимость правовых институтов имеет относительный характер. Каждый из них, будучи видом структурного подразделения определенного рода, в то же время может быть родовым подразделением по отношению к другим структурным элементам. Поэтому вряд ли целесообразно наряду с термином «институт» вводить понятие «субинститут».

[50] Правильно отмечается в литературе, что определение правового института не следует связывать с установленной систематизацией нормативного материала в кодификационном акте, так как последний может и не содержать всех правовых норм, входящих в отраслевые юридические институты. (См.: Д. А. Керимов. Указан. соч., стр. 59).

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Исследование нормативного материала о хозяйственных договорах как единого целого позволяет выявить ряд принципиальных положений, определяющих особый характер правового регулирования хозяйственных связей. Эти положения лежат в основе всех хозяйственнодоговорных институтов и должны служить направляющим началом в текущей нормотворческой деятельности органов государства.

К числу важнейших положений, раскрывающих сущность института хозяйственного договора, следует отнести принцип специальной правовой регламентации хозяйственнодоговорных отношений.

Данный принцип находит свое проявление в развитии советского законодательства о хозяйственных договорах по пути углубленной дифференциации правового регулирования отдельных видов хозяйственнодоговорных отношений с учетом их специфики, конкретных условий и целей хозяйственной деятельности предприятий. В процессе многолетней нормотворческой деятельности органами государства в соответствии с практическими потребностями управления экономикой разработана система договоров, специально предназначенных для регулирования определенных типов хозяйственных взаимосвязей социалистических организаций. Эти договоры не применяются для регулирования отношений с участием граждан. Социалистические же организации могут вступать в такие договоры только в пределах своей специальной правоспособности. По многим видам хозяйственных договоров круг субъектов очерчивается в самом законе. Например, на стороне подрядчика по договору подряда на капитальное строительство может выступать только соответствующая строительная организация, на стороне перевозчика по договору железнодорожной перевозки грузов — соответствующая железная дорога и т. д. Каждый из видов хозяйственных договоров имеет специально определенную для него законом сферу применения.

С точки зрения рассматриваемого принципа все гражданскоправовые договоры, используемые в отношениях между социалистическими организациями, можно разделить на две группы: а) договоры общего назначения (таковы договоры купли-продажи, имущественного найма, подряда и др.); для этих договоров характерно то, что их субъектами могут быть и граждане, и социалистические организации, установленный в них порядок правовой регламентации в основных чертах распространяется на все виды субъектов; б) договоры специального назначения — суть хозяйственные договоры[51].

Для этой группы договоров характерны не только особый субъектный состав и точно очерченная в законе сфера их применения, но и наличие обособившейся совокупности правовых норм, предназначенных для более детального, дифференцированного регулирования определенного вида имущественных отношений. Что касается договоров общего назначения, то им не присуще начало дифференциации правового регулирования. Поэтому они применяются только в тех случаях, когда в законе не установлено специальной правовой регламентации соответствующего отношения.

Наличие специальных правовых установлений, определяющих ха-

[51] Указанное деление нами проведено только в отношении круга договоров, заключаемых социалистическими организациями между собой. Следует подчеркнуть, что аналогичным образом можно подразделить и гражданскоправовые договоры с участием граждан. В рамках институтов по отдельным типам договоров общего назначения выделились специальные договоры с участием граждан (например, договоры розничной купли-продажи, бытового проката, бытового заказа и т. п.)

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

рактер той или иной разновидности хозяйственного договора, не означает, что к отношениям, регулируемым таким договором, не могут применяться общие нормы гражданского права, например, нормы об определении момента, с которого начинает течь срок исковой давности (ч. 3 ст. 16 Основ гражданского законодательства), об определении момента возникновения права собственности у приобретателя имущества по договору (ст. 30 Основ), о риске случайной гибели или случайной порчи отчуждаемых вещей (ст. 138 ГК РСФСР), о форме договора (ст. 161 ГК РСФСР) и др. Но эти общие правила применяются к указанным отношениям обычно тогда, когда в специальных правовых нормах, регулирующих данное имущественное отношение, не предусмотрено иных правил.

Таким образом, момент специализации, присущий всем хозяйственным договорам, отличает их от гражданскоправовых договоров общего назначения, заключаемых между хозорганами (применение этих договоров в сфере социалистического хозяйствования незначительно).

Существенное значение имеет принцип повышенной государственноволевой обусловленности хозяйственнодоговорных обязательств.

Основное содержание названного принципа состоит в том, что Советское государство, исходя из особой значимости хозяйственных связей в экономике СССР, устанавливает в нормах договорного права более детальную (по сравнению с договорами общего назначения) правовую регламентацию конкретных видов хозяйственнодоговорных отношений. Это достигается посредством разработки специальных нормативных актов (уставов, положений, правил, особых условий, инструкций, типовых договоров и др.), предопределяющих в общих чертах характер содержания совершаемых предприятиями типичных договоров. Кроме того, действия субъектов хозяйственного договора направляются в русло общегосударственных интересов путем издания индивидуальных административно-плановых актов, выражающих волю государства. Этими актами предопределяются участники и основное содержание устанавливаемых по их соглашению хозяйственных обязательств.

Последовательное осуществление указанного принципа в правовом регулировании хозяйственных взаимосвязей предприятий позволяет социалистическому государству эффективно воздействовать на их хозяйственную деятельность, контролировать ее. Однако воздействие государства на поведение хозяйствующих субъектов может быть эффективным в том случае, если оно осуществляется строго в пределах, допускаемых объективными закономерностями развития социалистической экономики.

В связи с этим важное значение приобретает принцип взаимосвязи и взаимодействия хозяйственного договора и актов планирования народного хозяйства.

В соответствии с упомянутым принципом индивидуальные акты народнохозяйственного планирования, оказывая определяющее влияние на установление хозяйственнодоговорных обязательств, в свою очередь должны формироваться с учетом объективных экономических интересов хозяйствующих субъектов, которым эти акты адресованы. При установлении плановых заданий органы хозяйственного руководства обязаны принимать во внимание волевые акты предприятий, отражающие их реальные производственные возможности и потребности (например, представленные предприятиями проекты планов производственно-хо-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

зяйственной деятельности, заявки на получение необходимой фондируемой продукции и т. п.); должны также учитываться и установленные предприятиями на основе хозяйственных договоров экономические связи с другими хозорганами. Это принципиальное положение получило нормативное закрепление в новом хозяйственном законодательстве[52].

Находясь в органической взаимосвязи с плановыми актами, хозяйственный договор в рассматриваемом случае является не только средством исполнения плановых заданий, но и инструментом, способствующим правильному планированию хозяйственной деятельности. В ряде случаев этот договор выполняет функцию выявления и устранения ошибок, допущенных в актах планирования. Предприятие, например, вправе при заключении договора поставки отказаться от выделенной ему по плану излишней или ненужной продукции (ст. 62 Положения о социалистическом государственном производственном предприятии). Равным образом и предприятие - поставщик может отказываться от совершения договора, если наряд на поставку продукции выдан не в соответствии с утвержденным планом производства (ст. ст. 9 и 13 Положения о поставках продукции производственно-технического назначения).

Таким образом, с претворением в жизнь данного принципа обеспечивается сочетание интересов участников хозяйственного договора с интересами государства[53]. В результате взаимодействия актов народнохозяйственного планирования и хозяйственного договора может быть достигнуто установление оптимальных хозяйственных связей. Последние облекаются в правовую форму хозяйственнодоговорного обязательства, призванного служить средством их осуществления.

Процесс становления хозяйственнодоговорных обязательств, а также и процесс их исполнения основываются на принципе плановодоговорной дисциплины.

Суть плановодоговорной дисциплины выражается в том, что в процессе осуществления плановых заданий хозяйствующие субъекты должны надлежащим образом выполнить все возложенные на них административноправовые обязанности, в том числе установить необходимые хозяйственные связи посредством заключения договоров. После совершения хозяйственного договора у сторон возникают взаимные гражданские права и обязанности по совершению конкретных действий имущественного характера. Вместе с тем у них сохраняется и административноправовая обязанность перед своими вышестоящими органами должным образом исполнить договор, поскольку последний является одним из средств выполнения плана. Плановодоговорная дисциплина означает, что требование о строгом соблюдении договорных обязанностей вытекает не только из самого обязательства, но и из акта планирования, послужившего предпосылкой заключения хозяйственного до-

[52] См. ст. ст. 1, 5 постановления ЦК КПСС и СМ СССР от 4 октября 1965 года, № 729 «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» (СП СССР, 1965, № 19—20, ст. 153); ст. ст. 43—47, 61, 66 Положения о социалистическом государственном производственном предприятии; ст. 6 Положения о поставках продукции производственно-технического назначения и ст. 7 Положения о поставках товаров народного потребления. (СП СССР, 1969, № 11, ст. 64).

[53] Более подробно о взаимодействии индивидуальных актов планирования и хозяйственного договора см.: И. В. Федоров. Соотношение плана и договора в правовом регулировании хозяйственных связей между социалистическими организациями. «Доклады итоговой научной конференции юридических факультетов. (Декабрь 1968 г.)», ч. II, Томск, изд. Томского университета, 1968, стр. 28 и сл.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

говора. Участники хозяйственного договора связаны между собой гражданскоправовым договорным отношением и одновременно каждый из них находится в административном правоотношении с вышестоящим органом хозяйственного руководства. Создается взаимосвязанная система горизонтальных и вертикальных правоотношений, которая позволяет планово-регулирующим органам сверху осуществлять административноправовой контроль за деятельностью участников хозяйственного договора и одновременно предоставляет им возможность взаимно контролировать друг друга. Таким путем обеспечивается соблюдение в хозяйственных договорах плановодоговорной дисциплины.

Рассмотренные принципы также свидетельствуют о единстве правовых норм, составляющих юридический институт хозяйственного договора.

Итак, хозяйственный договор — это специальный правовой институт, сформировавшийся в рамках общего института гражданскоправового договора.

Отмеченные нами особенности имущественных отношений, возникающих между социалистическими предприятиями в сфере их планомерной хозяйственной деятельности, наличие обособленного гражданского законодательства, специально предназначенного для регулирования этих отношений, предопределили особый характер хозяйственного договора как разновидности гражданскоправовой сделки.

Подобно любой иной двусторонней сделке, хозяйственный договор представляет собой взаимное волеизъявление сторон, направленное на установление, изменение или прекращение определенного обязательственного отношения (ч. 1 ст. 14 Основ гражданского законодательства). Этому договору присущи все признаки двусторонней сделки. В то же время он обладает рядом специфических признаков, отличающих его от традиционных гражданскоправовых договоров. Специфика хозяйственного договора находит свое выражение в особом характере предмета регулирования, специальном субъектном составе, особых целях и функциях, а также в особом порядке формирования и изъявления воли его участников.

Определяющим моментом является то обстоятельство, что хозяйственный договор, будучи специальным правовым инструментом, призван обслуживать строго определенную область имущественных отношений. Предметом его регулирования, как мы уже отмечали, выступают хозяйственные связи—особый вид конкретных экономических отношений, свойственных социалистическому способу производства. Наличие особого предмета регулирования — важнейший признак этого договора.

Сущность хозяйственных связей выражается в том, что они складываются в сфере общественного производства между несоподчиненными социалистическими организациями, участвующими в экономическом обороте в качестве хозяйствующих субъектов, по поводу имущественных благ, складываются планомерно на товарно-денежной основе и служат необходимой общественной формой осуществления производственного сотрудничества хозорганов в рамках единой народнохозяйственной системы.

Особенность характера данных отношений проявляется, прежде всего, в их планомерности и устойчивости. Хозяйственные связи устанавливаются не под влиянием стихийных сил рынка, а в результате целенаправленной деятельности хозорганов по реализации государственного плана развития народного хозяйства. По общему правилу, они

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

функционируют как более или менее постоянные (продолжающиеся во времени) отношения между предприятиями, объективно нуждающимися во взаимных имущественных контактах, обусловливающих выполнение производственных планов.

Гражданскоправовые договоры общего назначения не отражают особого характера рассматриваемых связей. Юридическая конструкция таких договоров не рассчитана на применение к планомерным товарно-денежным взаимоотношениям социалистических организаций. Поэтому упомянутые договоры не могут оказать действенного влияния на формирование и осуществление хозяйственных связей: последние нуждаются в такой договорной форме, которая бы в достаточной мере выражала особенности их характера.

От имущественных отношений, охватываемых понятием «хозяйственные связи», надо отличать товарно-денежные отношения между социалистическими организациями, остающиеся за пределами предмета хозяйственного договора. Они характеризуются тем, что их возникновение не предопределяется планомерностью развития социалистического хозяйства. Обычно, это — не сложные по содержанию, эпизодические товарно-денежные отношения, возникающие вне рамок сложившихся хозяйственных связей, хотя и сопутствующие им в качестве побочных отношений. Таковы, например, товарно-денежные операции между хозорганами по купле-продаже отдельных единиц оборудования, ненужного или излишнего для предприятия-продавца. Подобного рода операции, как правило, совершаются в виде однократных актов товарно-денежного обмена. Для этих актов не требуется специальной правовой регламентации, и потому они регулируются гражданскоправовыми договорами общего назначения.

Обслуживаемые хозяйственным договором отношения входят в состав экономического базиса. Но из этого не следует, что предмет договора — явление метаюридическое[54]. Как уже подчеркивалось, от характера общественных отношений зависят, в конечном счете, способ и средства правового воздействия на их развитие. Не случайно поэтому в юридической науке предмет регулирования рассматривается в качестве о с н о в н о г о признака, определяющего юридическую сущность правовой отрасли и ее отдельных институтов; он признается главным критерием разграничения отраслей советского права. Исследование характерных особенностей той или иной категории экономических отношений под углом зрения выявления путей наиболее эффективного правового воздействия на них — аспект несомненно юридический. Если взять хозяйственный договор, то такие его моменты, как субъектный состав, цели и функции, порядок формирования и изъявления воли сторон, всецело обусловливаются характером регулируемых хозяйственных отношений. Значит, особый характер предмета правового регулирования — это не только э к о н о м и ч е с к и й признак определенной совокупности общественных отношений, но и сущностный признак обслуживающего ее договора как юридического явления.

Участниками хозяйственного договора выступают лишь социалистические организации, обладающие правами юридического лица. С п е ц и а л ь н ы й с у б ъ е к т н ы й с о с т а в — признак, присущий всем хозяйственным договорам. Но сам по себе, как уже было сказано, он не служит критерием, позволяющим отграничить их от иных гражданскоправовых договоров, заключаемых социалистическими организациями

[54] См.: О. А. К р а с а в ч и к о в. Диспозитивность и регулирование имущественных отношений. Сб. «Учение В. И. Ленина об экономической роли государства и современность». М., 1969, стр. 66—67.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

между собой. Тем не менее, этот признак выполняет определенную классификационную роль. На его основе все гражданскоправовые договоры подразделяются на две группы: а) договоры между социалистическими организациями и б) договоры с участием граждан. Такое разграничение имеет существенное значение. Во-первых, оно является необходимым начальным шагом в определении круга хозяйственных договоров. Во-вторых, оно нацеливает исследователя на выявление дополнительных признаков, отграничивающих названные договоры от других (нехозяйственных) сделок между социалистическими организациями. Выявление этих признаков — завершающий этап выделения исследуемых договоров в самостоятельную категорию.

Хозяйственному договору свойственны особые цели, которых стороны намерены достичь посредством его заключения и исполнения. Мы исходим из того, что нужно различать экономические и правовые цели участников договора. Каждому хозяйственному договору присуща не одна, а несколько экономических и правовых целей, находящихся между собой в тесной взаимосвязи. Одни из них выступают в качестве ближайших (непосредственных) целей договора, другие цели являются более отдаленными. Причем правовые и экономические результаты, достигнутые при реализации ближайших договорных целей, служат в свою очередь средством достижения более отдаленных (в том числе и конечных) целей производственной деятельности субъектов хозяйственного договора[55].

Ближайшая экономическая цель рассматриваемого договора состоит в том, чтобы обеспечить планомерное формирование оптимальной хозяйственной связи между договаривающимися предприятиями, являющейся условием их рационального хозяйствования. В непосредственной связи с упомянутой целью договора находится следующая за ней экономическая цель — обеспечить путем реализации планомерно сложившихся товарно-денежных связей получение каждым из контрагентов предусмотренного имущественного результата, необходимого для выполнения установленных планов производственно-хозяйственной деятельности.

Правовая цель хозяйственного договора выражается в намерении сторон посредством соглашения, основанного на законе и актах планирования, установить особое обязательственное правоотношение как юридическую форму их товарищеского сотрудничества, обеспечивающего каждому из контрагентов осуществление заданий, вытекающих из государственного плана развития народного хозяйства СССР. Именно в целевой направленности на выполнение плановых заданий, доведенных контрагентам, и состоит одна из специфических особенностей хозяйственного договора. В служении этой цели проявляется его сущность как основания возникновения обязательства.

Что касается традиционных гражданскоправовых договоров, то они, будучи сделками общего назначения, не могут служить сколько-нибудь эффективным средством реализации указанных целей. Поэтому для них такого рода цели не характерны.

К отличительным признакам хозяйственного договора относится также и то, что он, наравне с функциями общерегулятивного характера, выполняет ряд особых, только ему присущих функций, обусловленных его особыми целями. Можно выделить следующие функции, которые выполняет этот договор в качестве специального регулятора хозяйственных взаимоотношений социалистических организаций:

[55] См.: И. В. Федоров. О сущности правовой категории «хозяйственный договор». Доклады итоговой научной конференции юридических факультетов (Декабрь 1968 г.), ч. II. Томск, изд-во Томского университета, 1968, стр. 17—18.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

а) Функция координации производственной деятельности предприятий по выполнению государственного плана развития народного хозяйства СССР. Каждое отдельное предприятие, как структурный компонент единой системы социалистического хозяйства, осуществляет свою деятельность на основе заданий, доведенных ему государством в соответствии с общим народнохозяйственным планом. В плановых заданиях предприятиям устанавливаются обычно лишь укрупненные показатели деятельности по выпуску и реализации продукции (товаров), выполнению работ, оказанию услуг и т. д. При заключении хозяйственных договоров в рамках этих показателей уточняются, конкретизируются производственные планы поставщиков, подрядчиков и т. п. в целях согласования их с планами хозяйственной деятельности договорных контрагентов — покупателей, заказчиков и т. п.[56] В результате планомерная производственная деятельность хозорганов направляется на более полное удовлетворение нужд предприятий-потребителей, тем самым создаются необходимые условия для выполнения государственного плана развития народного хозяйства. Посредством осуществления этой функции хозяйственный договор обеспечивает гармоническое сочетание экономических интересов его участников, гарантирует им взаимовыгодный обмен результатами хозяйственной деятельности.

б) Функция увязки индивидуальных административно-плановых актов по распределению фондируемой продукции, установлению объемов выполнения работ, услуг и т. д. с утвержденными планами производственной деятельности предприятий, с их реальными возможностями и потребностями[57]. Эта функция присуща планируемым хозяйственным договорам, наиболее полно она проявляется в договоре поставки. В случае выявления в упомянутых индивидуальных актах планирования предписаний, противоречащих производственному плану или хозяйственным потребностям сторон, они при заключении хозяйственного договора имеют возможность в предусмотренном законом порядке устранить обнаружившиеся несоответствия. Посредством осуществления этой функции хозяйственный договор обеспечивает сочетание интересов предприятий-контрагентов с интересами народного хозяйства в целом.

в) Функция установления особого обязательственного правоотношения, обеспечивающего закрепление и реализацию планомерной товарно-денежной взаимосвязи, возникшей между субъектами хозяйственного договора. Действующее гражданское законодательство исходит из того, что обязательственные правоотношения товарно-денежного характера между социалистическими организациями должны складываться, по общему правилу, на основе волевого опосредствования ими планово-административных предписаний[58], что основным документом, определяющим права и обязанности участников имущественного отношения, является договор[59]. Своим соглашением стороны не только согласуют собственные интересы с интересами государства, но и в обусловленных

---

[56] На этот момент обратил внимание В. Г. Вердников. (См. его статью «О плановом характере хозяйственного договора». «Советское государство и право», 1966, № 4, стр. 64—66).

[57] См. «Правовые вопросы планирования промышленности в СССР». Коллектив авторов. Отв. ред. В. В. Лаптев. М., «Наука», 1964, стр. 192 и сл.

[58] См., например, ч. 2 ст. 44, ст. ст. 51, 67 Основ гражданского законодательства.

[59] См. п. 3 Положения о поставках продукции производственно-технического назначения (СП СССР, 1969, № 11, ст. 64); п. 8 Правил о договорах подряда на капитальное строительство (СП СССР, 1970, № 2, ст. 11).

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

актами планирования пределах определяют условия взаимного поведения. Таким образом, договор здесь проявляет себя как средство саморегулирования сторонами имущественных взаимоотношений.

Традиционные гражданскоправовые сделки, в отличие от хозяйственного договора, указанных функций не выполняют. В отношениях между социалистическими организациями эти сделки обычно используются лишь в качестве правовой формы реализации эпизодических товарно-денежных отношений. Именно благодаря способности выполнять рассмотренные функции хозяйственный договор дает возможность сторонам реализовать поставленные ими цели, то есть установить друг с другом оптимальную хозяйственную связь, юридически закрепить ее и путем надлежащего исполнения возложенных на себя обязанностей обеспечить необходимые имущественные предпосылки рентабельного хозяйствования.

Для хозяйственных договоров характерен *особый порядок формирования и изъявления воли его участников*.

Воля сторон, то есть их намерение вступить друг с другом в юридическое отношение в целях достижения определенного экономического результата, и изъявление этой воли — основные, конститутивные элементы всякого договора, в том числе и хозяйственного[60]. Внутренняя воля контрагентов — фактор субъективный; она составляет суть сделки (договора). Волеизъявление — момент объективный; оно выражает волю субъектов в форме, доступной для восприятия других лиц. Эти элементы договора взаимно связаны, находятся в неразрывном единстве[61].

Приведенные положения полностью распространяются на хозяйственный договор, который проявляет себя, прежде всего, как волевой акт его участников. Но этот акт отличается от традиционных гражданскоправовых договоров тем, что внутренняя воля сторон формируется под более строгим государственным контролем. Направляющим началом волеобразования договорных контрагентов здесь выступает воля государства, выраженная в нормах права и в индивидуальных актах народнохозяйственного планирования, предопределяющих структуру и основное содержание договорных отношений.

В чем состоит специфика формирования воли субъектов хозяйственного договора?

Во-первых, в том, что в сфере отношений, регулируемых хозяйственным договором, на волю хозяйствующих субъектов оказывает воздействие качественно иная, нежели в сфере действия других договоров, систе-

---

[60] В правовой литературе, однако, имеются иные высказывания. Так, по мнению А. С. Приблуды, «к хозяйственным договорам... правила ГК о свободе воли контрагентов неприемлемы», автономная воля сторон не является источником этого договора, в качестве такого источника выступает только план. (См. А. С. *Приблуда*. Понятие и особенности хозяйственного договора. Сб. «Вопросы правового регулирования народного хозяйства. М., «Юридическая литература», 1962, стр. 47—49). Аналогичные взгляды высказывались в юридической литературе зарубежных социалистических стран. (См. *Ласло Париш*. Арбитраж в Венгрии. «Обзор венгерского права», 1959, № 1, стр. 35—36).

С изложенной точки зрения получается, что хозяйственный договор, поскольку его субъектный состав и основное содержание предопределяются планом, не есть акт воли договаривающихся сторон. Согласиться с этим — значит признать невозможность существования юридической категории хозяйственного договора: как можно называть договором правовое явление, не обладающее основными признаками двух- или многосторонней сделки?

[61] См.: И. Б. *Новицкий*. Сделки. Исковая давность. М., Госюриздат, 1954, стр. 20; «Советское гражданское право», т. 1. Отв. ред. В. А. Рясенцев. М., «Юридическая литература», 1965, стр. 182.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ма волеформирующих факторов. В этой системе, в первую очередь, следует выделить: а) экономические факторы (хозяйственные потребности хозоргана и его объективные экономические интересы); б) идеологические факторы — различного рода государственноволевые установления (нормы права, индивидуальные административно-плановые акты и т. п.). Характерным моментом является то, что в отличие от других систем волеформирования экономические и идеологические факторы здесь находятся в более тесной связи и взаимодействии: они выступают как органическое целое, обуславливающее волю всех участников хозяйственнодоговорного отношения.

Во-вторых, влияние экономических факторов на формирование воли субъектов хозяйственного договора в значительной степени предопределяется регулятивной деятельностью государства.

Вступление социалистических организаций в отношения друг с другом по товарно-денежному обмену — проявление экономической необходимости. Чтобы выполнить плановые показатели производственной деятельности, предприятие не может не вступать в соответствующие договоры с другими организациями по приобретению необходимых средств и предметов труда, по реализации произведенной продукции, оказанию хозяйственных услуг и т. п. Конкретные хозяйственные потребности и обусловленные ими объективные экономические интересы предприятия — это первичные факторы, побуждающие его к заключению хозяйственного договора. Они порождают у хозорганов субъективную материальную заинтересованность в установлении между собой рациональных договорных отношений.

Одна из особенностей централизованного государственного руководства социалистической экономикой проявляется в том, что компетентные планово-регулирующие органы определяют предмет и цель производственной деятельности каждого предприятия, устанавливают ему основные плановые показатели хозяйствования в соответствии с потребностями общества. Таким путем Советское государство, исходя из познанных экономических закономерностей развития социалистической экономики, заранее предопределяет характер хозяйственных потребностей предприятия, его экономические интересы, а также направление, в котором указанные факторы должны влиять на волю хозяйствующих субъектов.

В-третьих, непосредственное государственноволевое воздействие на формирование воли участников хозяйственного договора осуществляется способами, которые в своей совокупности характерны лишь для указанного договора.

Советское государство заинтересовано в том, чтобы социалистические организации в процессе их производственной деятельности вступали друг с другом в такие договорные связи, которые бы отвечали не только экономическим интересам сторон, но и интересам всего народного хозяйства. Волеформирующее действие экономических факторов само по себе не исключает возможности возникновения субъективной заинтересованности хозорганов в совершении в процессе хозяйствования волевых актов, противоречащих интересам государства. Поэтому отмеченные способы косвенного влияния государства на формирование воли субъектов хозяйственного договора должны подкрепляться непосредственным государственноволевым воздействием.

Применительно к хозяйственным договорам Советское государство использует следующую систему способов прямого воздействия на волю хозорганов:

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

а) Установление специальной гражданской правоспособности. Социалистические предприятия наделяются правами юридического лица. В уставе хозоргана или в положении о нем определяется круг гражданских прав и обязанностей, которые он может иметь в соответствии с целями его деятельности (ст. 12 Основ гражданского законодательства). Гражданским законом предусмотрено специальное правило: недействительна сделка, совершенная юридическим лицом в противоречии с целями, указанными в его уставе, в положении о нем или в общем положении об организациях данного вида (ст. 50 ГК РСФСР). Таким путем государство очерчивает рамки, в пределах которых предприятие может, а в ряде случаев и обязано совершать волевые акты (сделки), направленные на установление хозяйственнодоговорных связей с другими предприятиями.

б) Осуществление детальной, дифференцированной нормативной регламентации содержания каждого из видов хозяйственного договора. Волеизъявление договаривающихся хозорганов по своему содержанию должно полностью отвечать соответствующим специальным нормативным предписаниям. В этом одно из непременных условий действительности рассматриваемого договора. Таким путем государство предопределяет основное содержание воли, которую хозяйствующие субъекты могут выразить при совершении договоров того или иного типа. Здесь выявляется более высокая степень нормативной обусловленности волеизъявления сторон по сравнению с иными (нехозяйственными) договорами, используемыми в отношениях между социалистическими организациями.

в) Установление конкретным предприятием плановых заданий, обусловливающих необходимость вступления в определенные хозяйственнодоговорные отношения. Индивидуальные административные акты оперативно-хозяйственного планирования, изданные компетентными органами управления на основе и во исполнение государственного плана развития народного хозяйства СССР, являются одной из форм выражения воли государства. Они служат эффективным средством государственного воздействия на волевую сферу хозяйствующих субъектов. В советском гражданскем законодательстве действует принцип: содержание договора, заключаемого на основании планового задания, должно соответствовать этому заданию (ч. 2, ст. 34 Основ гражданского законодательства). Путем предопределения в актах планирования субъектов договора, предмета, по поводу которого они должны заключить соглашение, общих сроков исполнения договорных обязанностей и т. п., государство обеспечивает правильное, соответствующее общехозяйственным интересам, формирование воли индивидуально-определенных предприятий при установлении ими конкретных хозяйственных связей в рамках данного договорного типа или его внутритиповой разновидности. Отмеченное обстоятельство не характерно для совершаемых хозорганами договоров, не относящихся к хозяйственным.

Есть некоторое различие в формировании воли субъектов планируемых и регулируемых хозяйственных договоров. По планируемым договорам воля контрагентов формируется под воздействием двух видов актов планирования: 1) плановых заданий по производству и реализации продукции, выполнению работ, оказанию услуг и т. п.; 2) актов распределения фондируемой продукции, актов прикрепления потребителей к производителям продукции, работ, услуг и т. п. Степень государственного воздействия на формирование воли субъектов по этим договорам более высокая по сравнению с регулируемыми хозяйственными договорами. Волеформирующее влияние на субъектов регулируемых договоров

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

оказывают только акты планирования их производственной деятельности.

Рассмотренные способы прямого государственноволевого воздействия на формирование воли договорных субъектов неразрывно взаимосвязаны и действуют как совокупное целое. Прежде чем изъявить во вне свое намерение вступить в хозяйственнодоговорное отношение, каждый из контрагентов должен проверить, согласуется ли его желание (внутренняя воля) с предоставленной ему по уставу (положению) правоспособностью, не противоречит ли оно специальным нормам права, регламентирующим содержание договорных отношений данного типа, и доведенным ему плановым заданиям, предопределяющим необходимость заключения данного хозяйственного договора. Иначе говоря, каждый из них должен привести свою волю в соответствие с государственной волей, выраженной в упомянутой системе юридических актов. Такой порядок формирования воли сторон присущ только хозяйственному договору.

Следует сказать, что отмеченная особенность хозяйственного договора не относится к числу тех его признаков, которые лежат на поверхности: она является его внутренней сущностной чертой. С внешней стороны волеизъявление участников данного договора кажется таким же, как и во всякой иной сделке. Но по свсей сущности — это не обычное волеизъявление. В отличие от традиционных договоров оно представляет собой выражение воли сторон, сформировавшейся в особом порядке. Эта глубинная черта находит свое проявление в принципиальных установлениях действующего гражданского законодательства. Она обнаруживает себя, в частности, в правилах, согласно которым содержание хозяйственного договора не должно противоречить специальной правоспособности хозорганов, требования специальных норм права и соответствующим актам планирования (ст. ст. 14, 34 Основ гражданского законодательства, ст. ст. 25, 49, 50 ГК РСФСР). Отражается она и в специфике процесса изъявления воли субъектов хозяйственного договора: особый характер волеизъявления сторон здесь предопределяется прежде всего особенностями формирования их внутренней воли.

Специфика изъявления воли сторон в данном случае состоит в том, что, во-первых, заключение хозяйственных договоров является не только правом, но и государственноправовой обязанностью социалистических организаций; во-вторых, процесс волеизъявления совершается в порядке, установленном законом специально для указанного вида договоров.

Целевая направленность хозяйственной деятельности социалистических предприятий порождает для них надобность устанавливать между собой определенные хозяйственные связи, обеспечивающие выполнение государственных плановых заданий. Они должны вступать друг с другом в планомерные товарно-денежные отношения не только потому, что это отвечает их интересам, но и потому, что создание таких отношений необходимо для нормального функционирования общественного производства в целом. Поэтому было бы неправильно организацию имущественных связей между предприятиями поставить в зависимость лишь от произвольного усмотрения последних. Такое решение вопроса противоречило бы ленинскому принципу демократического централизма в управлении экономикой. Руководствуясь этим принципом, государство в законодательном порядке установило для хозяйственных организаций, обладающих правами юридического лица, обязанность заключать хозяйственные договоры с определенными предприятиями или с определенным кругом их (см., например, ст. 11, ч. 2 ст. 21,

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

чч. 3 и 4 ст. 34 Основ гражданского законодательства, ст.ст. 23, 28, 29 Положения о социалистическом государственном производственном предприятии[62], ст. 18—19 Правил о договорах подряда на капитальное строительство[63] и др.).

Формы выражения этой обязанности различны. Прежде всего, она проявляется, как общая государственноправовая обязанность юридического лица, вытекающая непосредственно из его устава (положения). В этом качестве обязанность предприятия заключать хозяйственные договоры есть не что иное, как элемент содержания его специальной гражданской правоспособности. По договорам, опосредствующим наиболее существенные хозяйственные связи, закон предусматривает возможность возникновения для обоих контрагентов или для одного из них административной или гражданскоправовой субъективной обязанности заключить конкретный хозяйственный договор. Такие обязанности порождаются на основе определенных юридических фактов (например, индивидуальных актов планирования, волеизъявлений хозорганов и т. п.).

В связи с этим действующее законодательство установило особый порядок заключения хозяйственных договоров. Суть его сводится к тому, что при совершении указанных договоров стороны должны руководствоваться специальными нормами, определяющими применительно к данному договорному типу плановые или иные предпосылки волеизъявления, порядок согласования их воли, способ ее изъявления и закрепления. Такого рода правовые установления содержатся, например, в Положениях о поставках, в Правилах о договорах подряда на капитальное строительство, в нормативных актах, регулирующих отношения контрактации сельскохозяйственной продукции. По ряду договоров (поставка, подряд на капитальное строительство и др.) законом предусмотрена возможность рассмотрения в органах арбитража преддоговорных споров.

Воля юридического лица, направленная на совершение конкретного хозяйственного договора, формулируется его органом и им же, как правило, выражается во вне (ст. 28 ГК РСФСР). Вместе с тем, хозяйственные договоры могут совершаться и через представителя, действующего на основании выданной ему органом доверенности (ст. ст. 64, 66 ГК РСФСР). Коллектив рабочих и служащих, составляющий людской субстрат юридического лица, не принимает непосредственного участия в изъявлении воли[64]. Но это не значит, что коллектив трудящихся не оказывает влияния на формирование воли хозяйственной организации. Орган юридического лица, формулируя волю предприятия, должен учитывать рациональные предложения по улучшению хозяйственной деятельности, высказанные членами коллектива на производственных совещаниях, собраниях общественных организаций предприятия (ст. ст. 99—103 Положения о социалистическом государственном производственном предприятии).

Особый порядок заключения хозяйственных договоров установлен законодателем в целях обеспечения повышенного государственного контроля за правильностью установления между социалистическими предприятиями хозяйственнодоговорных связей.

---

[62] СП СССР, 1965, № 19—20, ст. 155.

[63] СП СССР, 1970, № 2, ст. 11.

[64] См.: Б. Б. Черепахин. Волеобразование и волеизъявление юридического лица. «Известия высших учебных заведений. Правоведение». 1958, № 2, стр. 47.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Не исключает ли рассмотренный порядок формирования и изъявления воли сторон по хозяйственным договорам так называемую «свободу договоров»?

Мы полагаем, что было бы неправильно понятие свободы договоров сводить только к возможности сторон по своему усмотрению решать вопрос, заключать ли данный договор с данным контрагентом на данных условиях[65]. Марксизм-ленинизм исходит из того, что абстрактной свободы вообще не существует, свобода всегда конкретна и относительна[66]. Следовательно, не может быть и «свободы договоров» как абсолютного понятия, о чем совершенно правильно подчеркивалось в литературе[67].

Так называемая «свобода договоров» декларируется в законодательстве капиталистических стран и широко рекламируется буржуазными юристами. Однако о какой же свободе в действительности может идти речь, если в законах империалистических государств предусматривается возможность широкого применения в практической деятельности монополий системы «продиктованных договоров» или «договоров присоединения»? Буржуазное законодательство юридически закрепляет положение, когда экономически более слабый контрагент оказывается вынужденным вопреки своим интересам присоединяться к готовому «формуляру», то есть вступать в договор с экономически более сильной стороной на заранее сформулированных ею условиях, которые не подлежат обсуждению[68]. Где же здесь свобода договоров для всех и для каждого? Ее нет. Есть лишь охраняемая законом свобода монополистического хищника навязывать свою волю тому, кто не в состоянии с ним конкурировать.

Не может быть действительной свободы совершения договоров там, где закон не обеспечивает экономического равенства сторон, где контрагент силою имущественных обстоятельств принуждается к вступлению в договорные отношения с другим контрагентом, имеющим экономическую и юридическую возможность диктовать ему невыгодные условия договора. И, наоборот, участники договора свободно выражают свою волю там, где они вступают в договорные отношения с субъектами, не обладающими экономическим превосходством, где они руководствуются исключительно своими объективными экономическими интересами, согласованными с интересами народного хозяйства в целом.

Применительно к социалистическим предприятиям свобода заключения договоров проявляется как познанная ими необходимость вступать друг с другом в отношения по товарно-денежному обмену, обеспечивающему нормальные условия рентабельной деятельности контрагентов. Предопределяя в той или иной степени субъектный состав и основное содержание хозяйственных договоров, Советское государство отнюдь не ставит задачу парализовать договорную свободу социалистических предприятий, напротив, оно тем самым способствует им полнее реализовать необходимость организации оптимальных хозяйственных связей.

[65] См.: Л. Василев. Гражданское право Народной Республики Болгарии. М., Госюриздат, 1958, стр. 466.

[66] См. «Философская энциклопедия», т. 4, М., 1967, стр. 560.

[67] См.: В. С. Шелестов. Хозяйственные договоры. Харьков, 1965, стр. 23 и сл.

[68] См.: С. К. Май. Очерк общей части буржуазного обязательственного права. М., Внешторгиздат, 1953, стр. 43—44; «Ежегодное собрание международной ассоциации юридических наук». («Советское государство и право», 1962, № 1, стр. 118); О. С. Иоффе. Советское гражданское право. М., «Юридическая литература», 1967, стр. 31.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Основным фактором, обуславливающим заключение хозяйственного договора, являются встречные экономические интересы контрагентов: каждый из них взаимно заинтересован вступить в планомерное обязательственное отношение. При строгом соблюдении принципов оптимального планирования акты планово-регулирующих органов по прикреплению будущих контрагентов хозяйственного договора друг к другу, а также установление для них государственноправовой обязанности заключить договор не могут ослабить действия указанных экономических интересов. В условиях социалистической системы хозяйствования, когда цели и характер деятельности предприятий, цены на продукцию (работы, услуги) определяются государством, обязанность конкретного юридического лица вступить в договорные отношения с организацией, указанной в акте планирования, вполне отвечает этим интересам, поскольку в данном случае хозоргану обеспечивается в целом такой же имущественный результат, который он получил бы, если бы совершил договор с контрагентом, выбранным по своему усмотрению. Более того, регулятивная деятельность государственных органов здесь прямо направлена на удовлетворение хозяйственных потребностей предприятия: ему не нужно затрачивать усилий и средств на подыскание договорных партнеров. Главное же преимущество заключается в том, что Советское государство как собственник основных средств производства организует между социалистическими предприятиями такую систему хозяйственно-договорных связей, которая дает простор действию объективного экономического закона планомерного пропорционального развития народного хозяйства.

Следовательно, нет никаких оснований говорить об отсутствии в социалистическом обществе условий для свободного волеизъявления субъектов хозяйственнодоговорного отношения.

Рассмотренная нами система государственных волеформирующих актов, не ущемляя договорной свободы социалистических организаций, определяет для них экономически допустимые в плановом социалистическом хозяйстве пределы, внутри которых с наибольшей эффективностью может проявляться волевая деятельность контрагентов по саморегулированию имущественных взаимоотношений. Стадия саморегулирования необходима здесь для того, чтобы договорные субъекты могли установить обусловленные актом планирования хозяйственные связи с учетом конкретных условий их производственной деятельности, чтобы «привязать» доведенные им плановые задания к реальной обстановке хозяйствования.

Таким образом, хозяйственный договор — это взаимный волевой акт его участников. И хотя выраженная в нем воля сформировалась у хозорганов под влиянием государственноправового воздействия, хотя по существенным пунктам договора она отражает волю государства — это все-таки их воля, качественно отличающаяся от государственной. Заключение хозяйственного договора — не есть простой акт трансформации государственной воли. Волеизъявление его участников не только воплощает в себе предписания органов государства, но и отражает всю совокупность экономических потребностей, предопределивших заинтересованность хозорганов в заключении договора.

Подытоживая сказанное, можно сформулировать следующее определение. Хозяйственный договор — это обусловленное специальными нормами гражданского права и актами народнохозяйственного планирования соглашение между социалистическими организациями, направленное на установление особого обязательственного правоотношения, обеспечивающего реализацию планомерной товарно-денежной вза-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

имосвязи сторон в целях получения имущественного результата, необходимого для выполнения ими своих производственно-хозяйственных планов.

Приведенное здесь определение на первый взгляд кажется несколько пространным. Но оно, как мы полагаем, не содержит ничего лишнего: в нем указаны лишь те признаки, которые в своей совокупности раскрывают сущность довольно сложного правового явления — хозяйственного договора. Во всяком случае, на данной стадии исследования не обнаружилось возможности найти более лаконичной формулировки, позволяющей с достаточной полнотой выявить суть определяемого предмета.

Из предложенного нами определения, прежде всего, следует, что хозяйственный договор есть разновидность гражданскоправовой сделки. Он характеризуется как договор специального назначения, возникающий между социалистическими организациями в сфере их производственно-хозяйственной деятельности. Ему свойственны особый предмет регулирования, особые цели и функции. Это волевой акт хозяйствующих субъектов, сформировавшийся под влиянием воли государства, выраженной в специальных нормах гражданского права и в актах планирования народного хозяйства. Данное определение выявляет и тот важный момент, что хозяйственный договор детально регламентируется особыми правовыми нормами, составляющими в своей совокупности специальный гражданскоправовой институт.

С изложенных позиций определяемый договор представляется как особое средство планомерной организации хозяйственных связей и их осуществления, средство, при помощи которого хозяйствующие субъекты в установленных государством пределах оказывают волевое воздействие на экономику путем саморегулирования имущественных взаимоотношений, средство сочетания интересов договаривающихся сторон с общехозяйственными интересами, юридическое основание возникновения хозяйственнодоговорного обязательства — особой правовой формы реализации товарно-денежных отношений сторон. Иначе говоря, хозяйственный договор выступает как регулятор важнейших общественных отношений, складывающихся в сфере социалистического воспроизводства, правовой инструмент планомерного управления народным хозяйством, одно из средств повышения эффективности общественного производства.

Отмеченные моменты дают основание утверждать, что хозяйственный договор — не просто собирательное понятие, не просто «теоретическая конструкция»[69], а особая, присущая только социалистической системе хозяйства гражданскоправовая категория, отражающая реально существующие в нашей экономике и в действующем законодательстве явления, сущность которых, ввиду их специфики, не получает достаточного выражения в традиционном понятии гражданскоправового договора.

Теоретическое и практическое значение такого вывода состоит, в частности, в том, что указанный подход к хозяйственному договору позволяет верно определить направления и аспекты научных исследований плановодоговорного воздействия на развитие хозяйственных связей в СССР, выявить оптимальное соотношение общего и особенного в правовом регулировании этих связей. Из факта признания хозяйствен-

[69] См.: Н. И. Овчинников. Указан. соч. стр. 48.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ного договора особой гражданскоправовой категорией вытекает ряд положений методологического характера.

Во-первых, правовая регламентация хозяйственнодоговорных отношений между социалистическими предприятиями должна осуществляться на основе общих начал гражданскоправового регулирования, главным образом, на основе принципов советского договорного права. Значит, нельзя игнорировать договорную форму государственного воздействия на развитие экономических отношений, объективно нуждающихся в ней. Юридическая наука призвана выявить и сформулировать эти принципы.

Во-вторых, институт хозяйственного договора, кроме того, основывается на особых принципах, свойственных правовому регулированию хозяйственных отношений. Действие указанных принципов распространяется на все виды названных договоров. Задача правоведов — определить эти принципы и систематизировать их.

В-третьих, правовая регламентация отдельных видов хозяйственнодоговорных отношений должна вестись с учетом их специфики, конкретных условий развития и особых задач их юридического закрепления. Однако дифференциация регулирования данных отношений должна осуществляться строго в пределах действия установленных принципов. Задача заключается в том, чтобы очертить научнообоснованные границы использования в нормотворческой практике начал дифференцированной правовой регламентации конкретных хозяйственных связей.

Важное практическое значение имеет вопрос об определении круга договоров, относящихся к категории хозяйственных.

Как уже отмечалось, некоторые авторы недопустимо расширяют этот круг, включая в него все договоры между социалистическими организациями. Согласиться с этим — значило бы признать, что особые принципы договорного регулирования производственно-хозяйственных связей в СССР распространяются также и на заключаемые предприятиями между собой традиционные гражданскоправовые договоры купли-продажи, имущественного найма, подряда и др. Но такой вывод не соответствует действительности, поскольку предмет и порядок правового регулирования, присущие названным договорам, существенным образом отличаются от предмета и порядка правового регулирования, свойственных хозяйственным договорам.

Другие авторы, наоборот, необоснованно сужают круг хозяйственных договоров. По мнению М. И. Брагинского, к хозяйственным относятся лишь «планируемые, а в предусмотренных законом случаях и совпадающие с ними по содержанию регулируемые договоры социалистических организаций...»[70]. Едва ли можно доказать обоснованность приведенного утверждения. Не ясно, например, почему регулируемый договор на поставку продукции, не распределяемой в плановом порядке, должен признаваться хозяйственным, а однородный по хозяйственной сути регулируемый договор комиссии на продажу сельскохозяйственных продуктов колхозов хозяйственным считать нельзя. Почему на первый договор должны распространяться особые принципы регулирования хозяйственнодоговорных отношений, а на второй не должны, хотя он так же, как и первый, направлен на установление и закрепление планомерных хозяйственных связей между участниками социалистического производства?

С точки зрения изложенного определения хозяйственным должен

[70] М. И. Брагинский. Указан. соч., стр. 21. Сравн.: О. С. Иоффе. В кн. «Договоры в социалистическом хозяйстве». Коллектив авторов. М., «Юридическая литература». 1964, стр. 11.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

признаваться всякий договор между социалистическими организациями, который обладает признаками, указанными в этом определении. Такими специфическими признаками, как особый предмет, особые цели и функции правового регулирования, особый порядок волеформирования и волеизъявления сторон, наличие специальных правовых норм, регламентирующих установление и исполнение обязательств, обладают не только планируемые и однотипные с ними регулируемые договоры, но и те регулируемые договоры, которые существуют в рамках традиционных договорных типов. Таковы, например, возникающие между социалистическими организациями договоры аренды (проката) средств производства, подрядные договоры на выполнение различного рода хозяйственных работ, договоры комиссионной продажи и т. п. Эти хозяйственные договоры выступают в качестве разновидности соответствующих типов гражданскоправового договора — имущественного найма, подряда, комиссии и т. п. Они обособились, но не отделились от последних: в рамках традиционного договорного типа они проявляют себя как договоры специального назначения, регламентируемые особыми нормами права.

Определение хозяйственного договора, данное в настоящей статье, отражает те моменты, которыми практически руководствуются компетентные органы государства при разработке особых договорных форм, предназначенных для юридического закрепления планомерных хозяйственных связей, возникающих между предприятиями в различных областях народного хозяйства под влиянием потребностей развития социалистической экономики. В подтверждение этого можно привести множество фактов. Вот некоторые из них.

С развитием в СССР газодобывающей промышленности стала планомерно складываться разветвленная система хозяйственных связей между поставщиками (промыслами, добывающими газ; заводами, вырабатывающими газ; предприятиями, собирающими и перекачивающими газ) и газоснабжающими организациями (управлениями магистральных газопроводов); а также между газоснабжающими организациями, поставщиками (в тех случаях, когда они выполняют функцию газоснабжающих организаций) и потребителями — организациями, эксплуатирующими газовое хозяйство в городах, управлениями газового хозяйства, газовыми трестами и конторами, предприятиями промышленности и сельского хозяйства, непосредственно подключенными к магистральным газопроводам. Особый характер имущественных отношений по газоснабжению потребовал специальной договорной регламентации их, которая и была предусмотрена органами государства в соответствующих нормативных актах[71].

Аналогичным же образом под воздействием народнохозяйственных потребностей сформировались и получили специальное нормативное закрепление такие хозяйственные договоры, как, например, договор на аренду нежилых помещений (строений)[72], договор на аренду строи-

---

[71] Правовая форма хозяйственного договора на снабжение газом предопределена в Правилах подачи газа магистральным газопроводам и потребителям. Утв. постановлением Госарбитража при Совете Министров СССР 31 июля 1961 г., № П-1 («Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР», вып. 21, М., Госюриздат, 1963, стр. 38—44).

[72] См. Типовой договор на аренду нежилых помещений (строений) в домах местных Советов, государственных, кооперативных и общественных организаций. Утв. Министерством коммунального хозяйства РСФСР 9 октября 1965 г. («Бюллетень исполкома Моссовета», 1965, № 21, стр. 13).

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

тельных машин[73], различные виды договора на аренду транспортных средств[74], договор на выполнение отделением «Сельхозтехника» работ по ремонту тракторов и других машин и производственного оборудования колхозов и совхозов[75], договор на восстановление пневматических шин методом наложения протектора[76], договор на техническое обслуживание и ремонт предметов культурно-бытового назначения в период гарантийного срока их эксплуатации[77], договор об охране объектов подразделениями вневедомственной охраны при органах милиции[78], договор организации «Союзпечать» с издательством на распространение, экспедирование, пересылку и доставку периодической печати[79], договор комиссии на продажу сельскохозяйственных продуктов колхозов[80], договор комиссии на реализацию излишних и не используемых предприятиями материальных ценностей и готовой продукции, не имеющей сбыта по нарядам[81] и др.

---

[73] См. Положение о взаимоотношениях и расчетах между специализированными трестами (управлениями) механизации и строительно-монтажными организациями. Утв. Госстроем СССР 31 марта 1964 года. М., Стройиздат, 1966; М. Г. Пронина. Имущественный наем в отношениях между социалистическими организациями. Минск, 1969, стр. 31—35.

[74] См.: Д. С. Левенсон. Договор аренды транспортных средств. М., «Юридическая литература», 1969; М. Г. Пронина. Имуществленный наем в отношениях между социалистическими организациями. Минск, 1969, стр. 39—44, 130—133.

[75] См. Типовой договор на выполнение районным (межрайонным) отделением «Сельхозтехника» ремонтных и других возложенных на него работ, производимых для колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных организаций. Утв. Всесоюзным объединением Совета Министров СССР «Союзсельхозтехника» по согласованию с Министерством финансов СССР и Госарбитражем при Совете Министров СССР 21 февраля 1962 года. («Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР», вып. 21. М., Госюриздат, 1963, стр. 74).

[76] См. Типовой договор на восстановление пневматических шин методом наложения протектора. Утв. постановлением Госарбитража при Совете Министров СССР от 12 июня 1968 года, № ТД-8 («Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража», вып. 28. М., «Юридическая литература», 1969, стр. 3—10).

[77] См. Типовой договор на техническое обслуживание и ремонт предметов культурно-бытового назначения в период гарантийного срока их эксплуатации. Утв. постановлением Госарбитража при Совете Министров СССР от 28 февраля 1967 года, № ТД-6 («Сборник инструктивных указаний Госарбитража при Совете Министров СССР», вып. 27, М., «Юридическая литература», 1968, стр. 11—17).

[78] См. Типовой договор об охране объектов подразделениями вневедомственной охраны при органах милиции. Утв. постановлением Госарбитража при Совете Министров СССР от 31 мая 1967 года, № ТД-7 («Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража», вып. 27, М., «Юридическая литература», 1968, стр. 40—42).

[79] См. Положение о распространении, экспедировании, пересылке и доставке периодических изданий. Утв. постановлением Госарбитража при Совете Министров СССР 28 декабря 1961 года, № П-2. («Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР», вып. 21, М., Госюриздат, 1963, стр. 45—53).

[80] См. «О мероприятиях по выполнению постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 25 февраля 1961 года, № 176 «Об улучшении организации сбыта излишков сельскохозяйственных продуктов колхозников и колхозов». Постановление правления Центросоюза от 4 марта 1961 г. (протокол заседания № 13). М., Изд-во Центросоюза, 1961 года; Примерный договор на прием организацией потребкооперации от колхоза на комиссию излишков сельскохозяйственных продуктов. Утв. постановлением правления Центрокоопсбытсекции № 67 от 25 декабря 1961 года («Сборник руководящих указаний по закупке и реализации излишков сельскохозяйственных продуктов». М., Изд-во Центросоюза, 1962).

[81] См. Типовой договор о реализации на комиссионных началах излишних и не используемых на предприятиях и в организациях материалов, оборудования,

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Развернутое доктринальное определение хозяйственного договора должно обслуживать потребности законодательной практики. Оно ориентирует нормотворческие органы на то, чтобы при создании новых договорных конструкций строго следовать отправным положениям, определяющим сущность хозяйственного договора как особого правового инструмента воздействия на развитие имущественных взаимоотношений социалистических предприятий.

Вопросами, связанными с квалификацией конкретных договорных правоотношений, приходится заниматься также и правоприменительным органам. Чаще всего такая надобность возникает у них при выяснении, какие нормы гражданского права должны быть применены к данному отношению, можно ли рассматривать его как хозяйственно-договорное. Нам представляется, что правоприменительные органы практически могут решать эти вопросы на основе двух критериев. Правоотношение следует рассматривать как хозяйственнодоговорное, если оно: а) возникло на основе договора между социалистическими организациями, обладающими правами юридического лица, и б) урегулировано особыми нормами гражданского права, специально предназначенными для данного вида отношений с участием хозорганов.

Особый субъектный состав и наличие особого правового института, специально предназначенного для регулирования данного договорного отношения — это внешние признаки хозяйственного договора; сами по себе они, как мы уже отмечали, еще не раскрывают его сущности. Однако упомянутые признаки имеют важное практическое значение. Они вполне достаточны для того, чтобы, руководствуясь ими, принять правильное решение, например, о том, что имущественный спор между хозорганами должен быть разрешен не на основе договорного института общего назначения, а на основе специальных правовых норм, регулирующих указанное договорное отношение. Правоприменительный орган в этом случае должен исходить из предпосылки, что данное отношение квалифицировано как хозяйственнодоговорное самим законодателем, и именно потому последний признал необходимым предусмотреть специальную договорную форму его закрепления.

Изложенная концепция хозяйственного договора, по нашему мнению, могла бы быть полезной для решения поставленной партией и правительством задачи повышения роли хозяйственного договора в правовом регулировании социалистических имущественных отношений.

(Окончание. Начало сноски на стр. 70).
транспортных средств и других материальных ценностей, а также готовой продукции, не имеющей сбыта по нарядам. Утв. Государственным комитетом Совета Министров СССР по материально-техническому снабжению 20 августа 1966 года № 259 и согласован с Министерством финансов СССР, Госкомитетом цен при Госплане СССР и Госарбитражем при Совете Министров СССР («Материально-техническое снабжение», 1966, № 5, стр. 90).

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 219 Серия юридическая

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ ФАКТА ПРИНЯТИЯ СТОРОНАМИ К ИСПОЛНЕНИЮ НАРЯДА

И. В. ФЕДОРОВ

Действующее советское законодательство предусматривает возможность установления обязательств между социалистическими организациями путем принятия ими к исполнению наряда (ст. 160 ГК РСФСР и соответствующие статьи ГК других союзных республик)[1]. Такой способ формирования правовых связей был широко введен в хозяйственную практику Постановлением Совета Министров СССР от 30 июня 1962 г. № 648 «О дальнейшем улучшении порядка заключения договоров на поставку продукции для материально-технического обеспечения предприятий и организаций»[2]. Согласно п. 4 этого постановления, отношения поставки оформляются путем принятия сторонами наряда к исполнению в тех случаях, когда в нарядах (или в заменяющих их документах) на поставку продукции, выданных поставщику и покупателю, содержатся все необходимые для осуществления поставки данные (количество, ассортимент, качество продукции, сроки поставки и др.), цена на продукцию установлена прейскурантом и не требуется согласования каких-либо дополнительных условий. Причем установлен особый порядок принятия наряда к исполнению. Наряд считается принятым к исполнению и приобретает силу договора, если в десятидневный срок после его получения заинтересованная сторона не предложит другой стороне согласовать дополнительные условия поставки или не заявит органу, выдавшему наряд, и другой стороне о своем несогласии с нарядом. Эти правила включены в действующие положения о поставках.

Допуская в определенных случаях использование указанного способа создания хозяйственных правоотношений, законодатель имел в виду (там, где это возможно) упростить процесс становления планомерных юридических связей между социалистическими организациями, добиться в этой важной сфере их деятельности большей оперативности и экономичности. В самом деле, если при распределении фондируемой продукции производственно-технического назначения или товаров народного потребления компетентный орган управления четко определил и конкретизировал в плановом акте (наряде и т. п.) все существенные условия поставки, которые с точки зрения интересов поставщика и покупателя вполне приемлемы, и у последних не возникает потребности в согласовании дополнительных пунктов, то совершенно очевидно, общая

---

[1] В последующем ссылки делаются на ст. ГК РСФСР.

[2] СП СССР, 1962, № 12, ст. 94. Указанный порядок формирования правоотношений затем был распространен и на поставку товаров народного потребления (см. п. 13 постановления Совета Министров СССР от 22 августа 1963 г. № 902 «О дальнейшем улучшении порядка заключения договоров на поставку товаров народного потребления торговым предприятиям и организациям». СП СССР, 1963, № 17, ст. 176).

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

процедура заключения хозяйственного договора, требующая от контрагентов известных усилий и материальных затрат, становится тут излишней, ненужной.

Своеобразный характер рассматриваемого способа установления обязательственных правоотношений породил в юридической науке различные мнения о его сущности и относительно правовой природы этих обязательств. Большинство авторов, исследовавших данные вопросы, склонно считать, что принятие сторонами путем молчания наряда к исполнению представляет собой упрощенный порядок совершения ими договора, обусловленного актом планирования, и что возникшее в результате этого правоотношение по своей юридической природе является договорным[3]. Вместе с тем в литературе имеются высказывания, отрицающие договорный характер такого рода обязательств[4]. Нет единства взглядов и по вопросам о целесообразности и пределах использования указанного порядка правового оформления хозяйственных отношений. Одни ученые исходят из того, что применение этой формы вполне оправдывает себя в хозяйственной практике и потому выступают за ее сохранение и дальнейшее совершенствование[5], другие считают целесообразным существенно ограничить сферу ее применения и по возможности заменить «молчаливую» форму согласия сторон «более явно выраженной формой — обменом письмами или телеграммами»[6].

Задачи совершенствования правовых средств организации хозяйственных связей между несоподчиненными предприятиями требуют правильного определения природы существующего способа формирования обязательств и правильной оценки возможностей его использования в правовом регулировании экономических взаимоотношений социалистических организаций.

При решении вопроса о правовой природе обязательств, возникающих из факта принятия сторонами к исполнению наряда, надо иметь в

---

[3] См. «Научно-практический комментарий к Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик». М., Госюриздат, 1962, стр. 200; Ю. М. Аристаков, Н. В. Рабинович. Основы гражданского законодательства и дальнейшее усовершенствование правового регулирования договора поставки. «Советское государство и право», 1963, № 2, стр. 79; Г. С. Шапкина. Новое в правовом регулировании поставок. «Советское государство и право», 1963, № 5, стр. 142; В. П. Ефимочкин. Экономические и правовые проблемы дальнейшего улучшения практики заключения договоров поставки. «Советское государство и право», 1964, № 11, стр. 31; М. Г. Масевич. Договор поставки и его роль в укреплении хозрасчета. Алма-Ата, 1964, стр. 51—52; «Советское гражданское право», т. 1. Под ред. проф. О. А. Красавчикова. М., «Высшая школа», 1968, стр. 429—430.

[4] См.: З. М. Заменгоф. Сочетание государственного планового руководства и хозяйственной самостоятельности в договорных отношениях. «Советское государство и право», 1963, № 2, стр. 36—37; И. А. Танчук. Правовое регулирование материально-технического снабжения. М., «Наука», 1965, стр. 169—172; И. В. Гуськова. Управление материально-техническим снабжением. М., «Юридическая литература», 1968, стр. 114.

[5] См.: М. Г. Масевич. Указанная работа, стр. 53—54; И. А. Танчук. Указанная работа, стр. 173; Е. А. Каткова. Некоторые вопросы оформления договорных отношений путем принятия наряда к исполнению. Сб. «Вопросы советского государства и права». Труды Иркутского университета. Том XLV. Серия юридическая. Выпуск 8, часть 3. Иркутск, 1967, стр. 24—25.

[6] Р. О. Халфина. Правовое регулирование поставки продукции в народном хозяйстве. М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 164; см. также З. Крылова. Споры при оформлении договоров по поставке продукции путем принятия наряда к исполнению. «Советская юстиция», 1964, № 9, стр. 15; И. Г. Побирченко. Преддоговорные споры о понуждении заключить договор поставки. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Киев, 1964, стр. 6; Г. В. Найвиделис. Оформление договорных взаимоотношений по поставке продукции (товаров) путем принятия нарядов к исполнению. «Советское государство и право», 1965, № 3, стр. 107.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

виду следующие моменты. К исполнению может быть принят сторонами только специфицированный наряд, то есть такой административноправовой плановый акт, в котором содержатся все необходимые для осуществления поставки условия. Специфицированный наряд также порождает между его адресатами гражданскоправовое обязательство заключить договор. Эта обязанность существует постольку, поскольку ни одна заинтересованная сторона не заявит в установленном порядке обоснованного отказа от наряда. Адресаты планового акта могут совершить договор обычным способом, если требуется согласовать дополнительные условия поставки. Если же нет надобности в таком согласовании, то обязательство заключить планируемый договор может быть осуществлено путем принятия сторонами наряда к исполнению. В результате достигается тот же правовой результат, что и при традиционном порядке совершения договоров.

Закон придает юридическое значение факту принятия сторонами к исполнению наряда потому, что таким путем адресаты планового акта взаимно согласовывают свою волю, обеспечивают сочетание собственных интересов с интересами государства. Отличительная особенность состоит в том, что процесс согласования воли контрагентов осуществляется здесь в необычной, специфической форме — в форме встречных волеизъявлений посредством молчания[7].

Существует мнение, согласно которому договор как взаимное встречное волеизъявление не может быть совершен посредством молчания. На основе этой посылки делается вывод о невозможности заключения договора в порядке принятия сторонами наряда к исполнению путем так называемого «отрицательного акцепта»[8]. Такое утверждение представляется необоснованным.

Гражданское законодательство, как известно, исходит из того, что в случаях, предусмотренных законом, молчание признается выражением воли совершить сделку (ч. 3 ст. 42 ГК). Посредством молчания контрагент может выразить свою волю на совершение двусторонней сделки в тех случаях, когда его согласие закон связывает с фактом незаявления им в течение установленного срока отказа от заключения договора на предложенных условиях. Согласие заключить договор считается выраженным, если от контрагента к моменту истечения определенного законом срока не поступило такого отказа. Подобным образом воля может быть выражена любым из участников договора.

В теории гражданского права принято считать, что процесс заключения всякого договора (в том числе и договора, основанного на административно-плановом акте) состоит из двух стадий: а) предложения заключить договор, исходящего от одной стороны (оферта), б) приня-

---

[7] И. Г. Побирченко высказал такое мнение, что при данном способе оформления договорных отношений «имеет место конклюдентное согласие на вступление в договорные отношения путем принятия наряда к исполнению...» (И. Г. Побирченко. Указанная работа, стр. 6). Мы разделяем критические замечания, высказанные в литературе по поводу этого утверждения. (См. Е. А. Каткова. Указанная работа, стр. 22). Конклюдентное согласие должно означать, что волеизъявление участников договора осуществлено посредством положительных действий, из которых явствует их воля совершить сделку. В рассматриваемом же нами случае контрагенты никаких положительных действий не осуществляют: договор заключается ими посредством молчания. По смыслу ст. 42 ГК, молчание не есть то поведение, которое охватывается юридическим понятием «конклюдентное действие».

[8] См. И. А. Танчук. Указанная работа, стр. 169—171.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

тия этого предложения другой стороной (акцепт)[9]. Возможность осуществить акцепт посредством молчания («отрицательный акцепт») не вызывает сомнения. Что касается оферты, то здесь дело обстоит сложнее. По мнению И. А. Танчука, предложение заключить договор нельзя выразить путем молчания, поскольку «оно по сути своей является активным действием, должно быть направлено к контрагенту»[10]. По-видимому, дело обстоит так, когда договаривающаяся сторона непосредственно должна изъявить свою волю контрагенту. Но разве выраженное путем молчания намерение оферента заключить договор на определенных условиях не может быть доведено до сознания акцептанта опосредованным образом? На наш взгляд, это возможно.

Содержание рассматриваемых договорных отношений, как известно, всецело предопределяется актом планирования—нарядом или заменяющим его документом. Отмеченное обстоятельство дало некоторым авторам повод утверждать, что предложение вступить в обязательственное правоотношение в указанном случае исходит не от договаривающейся стороны, а от планово-регулирующего органа, выдавшего наряд на поставку. Отсюда делаются различные выводы: а) поскольку предложение вступить в правоотношение исходит не от контрагента, а от третьего лица, то здесь нет оферты, следовательно, не может быть и акцепта, а «без оферты и акцепта нет договора в точном смысле этого понятия»[11]; б) договор возникает в результате принятия сторонами наряда к исполнению, «понятие оферты при таком способе оформления договорных отношений отсутствует»[12]; в) специфицированный наряд есть адресованное определенным организациям предложение заключить договор, исходящее от третьего лица — планово-регулирующего органа; это — своеобразная оферта, принятие ее адресатами (акцепт) свидетельствует о заключении ими договора[13].

Вряд ли можно сомневаться в правильности отправных установлений теории гражданского права, что оферта и акцепт — необходимые стадии становления договорного отношения и что в качестве оферента может выступать только участник договора; предложение заключить договор, исходящее от третьего лица, не есть оферта. По нашему мнению, нельзя отступать от этих принципиальных теоретических положений.

Процесс согласования воли не возможен без того, чтобы каждый из участников договора не оценил с точки зрения собственных интересов содержание воли контрагента. Но для этого последний должен выразить (изъявить) свою волю в форме, доступной для восприятия другой сто-

---

[9] И. Б. Новицкий, Л. А. Лунц. Общее учение об обязательстве. М., Госюриздат, 1950, стр. 149; «Советское гражданское право», т. 1. Отв. ред. проф. В. А. Рясенцев. М., «Юридическая литература», 1965, стр. 458.

[10] И. А. Танчук. Указанная работа, стр. 170—171.

[11] И. А. Танчук. Указанная работа, стр. 171. Автор пишет: «Основанием возникновения обязательства поставки здесь является сложный фактический состав: плановый акт (наряд) и отсутствие отказа обеих сторон от наряда». Воздержание от отказа, по его мнению, можно «рассматривать как одностороннее действие, направленное на установление обязательства поставки, то есть как одностороннюю сделку» (там же).

[12] И. Г. Побирченко. Указан. работа, стр. 6.

[13] См. М. Г. Масевич. Указанная работа, стр. 51—52; Е. А. Каткова. Указанная работа, стр. 20—21. По мнению Е. А. Катковой, и при обычном способе заключения плановых договоров планово-регулирующий орган выступает по существу в качестве оферента, поскольку он разрабатывает важнейшие условия договора и формулирует их в наряде, адресованном поставщику и покупателю. «Таким образом, — пишет она, — и в этих случаях в первую очередь предложение исходит от третьего лица. И лишь когда поставщик, составляя проект договора, конкретизирует условия планового задания, создается впечатление, что предложение исходит только от стороны в договоре» (там же, стр. 20).

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

роны. Офферент — тот, кто первый изъявил волю, то есть предложил своему контрагенту заключить договор на определенных условиях. Согласие контрагента принять предложение — вторая необходимая стадия заключения договора. Поэтому представляется необоснованным утверждение, что при заключении планируемого договора между социалистическими организациями стадии оферты может и не быть.

Далее, если согласиться с положением, по которому оферта может исходить не только от договорного контрагента, но и от третьего лица, то получится, что каждый из адресатов этого предложения, принимая его, становится акцептантом по отношению к третьему лицу, выступающему в роли офферента. Волеизъявления акцептантов в таком случае не могут носить встречного характера: они направлены на принятие волеизъявления третьего лица. Заключение же договора означает, что каждый из его участников согласен с содержанием волеизъявления контрагента. Поэтому волеизъявление, соответствующее гражданскоправовому понятию оферты, может исходить только от договаривающейся стороны: во всех случаях оферта — это направленный другой стороне волевой акт контрагента, выражающий его намерение вступить с ней в договор на определенных условиях[14].

Приведенные соображения, однако, не свидетельствуют о правильности позиции авторов, отрицающих договорный характер обязательств, возникающих в результате принятия сторонами к исполнению наряда посредством молчания. Заслуживают поддержки усилия тех ученых, которые пытаются выявить специфику процесса волесогласования, направленность и особый характер волеизъявлений участников названных обязательств. Так, например, С. Я. Паластина рассматривает специфицированный наряд не только как административный акт компетентного планово-регулирующего органа, но и как «гражданскоправовой акт, содержащий две оферты: совпадающие по содержанию и противоположные по направленности предложения поставщика покупателю и покупателя поставщику о заключении договора поставки»[15]. Мысль о том, что оферта и акцепт содержатся во встречных волеизъявлениях, выраженных адресатами специфицированного наряда, путем молчания, представляется плодотворной. Однако нельзя согласиться с предложением автора

---

[14] Обосновывая возможность заключения договоров путем акцепта сторонами оферты, исходящей от третьего лица, М. Г. Масевич ссылается на правило ст. 63 ГК: сделка, совершенная от имени другого лица лицом, не уполномоченным на ее совершение или с превышением полномочия, создает, изменяет, прекращает гражданские права и обязанности для представляемого лишь в случае последующего ее одобрения представляемым. По ее мнению, в указанном случае договорное обязательство возникает в результате акцепта участниками сделки оферты, исходящей от неуправомоченного представителя, не являющегося стороной в договоре. (См. М. Г. Масевич. Указанная работа, стр. 52). На наш взгляд, изложенный довод не подтверждает позицию автора. Даже в том случае, когда сделка была совершена путем принятия контрагентом предложения, сделанного неуправомоченным представителем, одобрение ее представляемым не означает акцепта оферты, исходящей от третьего лица. Если бы это было так, то правоотношение из такой сделки должно возникать с момента ее одобрения. Закон же, как известно, предусматривает правило: последующее одобрение представляемым делает сделку действительной с момента ее заключения (ч. 2 ст. 63 ГК). Поэтому следует считать, что упомянутый волевой акт представляемого означает то, что он одобрил действия неуправомоченного представителя, признал их совершенными от своего имени. В силу этого адресованное контрагенту и принятое им предложение заключить договор приобретает характер оферты, исходящей от представляемого.

[15] С. Я. Паластина. Понятие и заключение договора поставки по действующему законодательству. «Вестник Ленинградского университета», № 5. Серия экономики, философии и права. Выпуск 1, 1964, стр. 114.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

рассматривать наряд как гражданскоправовой акт. Наряд во всех случаях есть акт выражения воли только органа управления; специфицированный наряд — всегда административный акт, факт его принятия адресатом к исполнению не придает ему гражданскоправового характера. Поэтому сам по себе наряд не содержит ни оферты и ни акцепта, лиц, которым он адресован.

Интересные суждения высказала Н. В. Рабинович. По ее мнению, ни одного из участников договора, совершаемого путем принятия наряда к исполнению, нельзя считать только оферентом или только акцептантом, поскольку каждый из них своим молчанием в течение установленного законом срока «выражает другой стороне предложение заключить договор (оферту) и принимает (акцептует) предложение о заключении договора, выраженное другой стороной таким же способом...»[16]. Следует согласиться с тем, что каждый из адресатов специфицированного наряда может выступать в качестве как оферента, так и акцептанта. Но нам представляется неправильным утверждение, что участник такого договора в продолжение указанного срока одновременно выполняет роль и оферента и акцептанта. Во-первых, намерение контрагента заключить договор может быть выражено им путем молчания не в продолжение, а по истечении установленного законом срока. Во-вторых, момент истечения этого срока у адресатов планового акта, как правило, не совпадает: в большинстве случаев наряд поступает к поставщику и покупателю в разное время. Следовательно, согласие контрагента заключить договор на предусмотренных в наряде условиях, выраженное им путем молчания, не может быть одновременно акцептом, поскольку еще не истек срок для выражения воли второй стороны.

На наш взгляд, процесс волесогласования при совершении сторонами договора указанным способом протекает несколько иначе. Адресаты специфицированного наряда в течение 10 дней с момента его получения должны решить следующие вопросы: а) согласуется ли плановое задание с их объективными экономическими интересами, то есть не противоречит ли оно утвержденному в надлежащем порядке производственному плану поставщика, и не является ли выделенная продукция излишней или ненужной для покупателя; б) с достаточной ли полнотой и конкретностью определены в наряде существенные условия поставки и не требуется ли согласования дополнительных условий[17]. Если окажется, что наряд по своему содержанию отвечает интересам его адресатов, то он подлежит исполнению. Иначе говоря, такой наряд порождает для его адресатов гражданскоправовое обязательство заключить договор поставки. При этом порядок совершения планируемого договора избирают его участники в зависимости от конкретных обстоятельств. Поскольку все существенные условия поставки определены в специфицированном наряде с достаточной полнотой и не нуждаются в уточнении, то обязанные организации могут просто принять его к исполнению. Совершать для этого положительных действий не требуется: если стороны в установленный срок не отказались от наряда и не потребовали согласования дополнительных условий, то вполне очевидно их согласие принять на

---

[16] Н. В. Рабинович. В кн. «Договоры в социалистическом хозяйстве». Коллектив авторов. М., «Юридическая литература», 1964, стр. 149.

[17] См. п. 2 Инструкции о порядке установления договорных взаимоотношений по поставке продукции путем принятия поставщиками и покупателями нарядов к исполнению. Утв. пост. Госарбитража при Совете Министров СССР от 18 декабря 1962 г. № П-3 («Инструктивные указания Госарбитража при Совете Министров СССР» (систематизированный сборник). М., «Юридическая литература», 1964, стр. 85.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

себя конкретные обязанности по осуществлению поставки на условиях, определенных в наряде. Такое согласие каждая из сторон обнаруживает в момент, когда истек предоставленный ей срок для совершения указанных действий. Содержание специфицированного наряда, принятого сторонами к исполнению, полностью опосредствуется их волей. После заключения договора, основанного на обязательном для сторон плановом задании, воля планово-регулирующего органа, выраженная в наряде, становится в то же время и волей адресатов планового акта. Возникшее в результате этого обязательство есть порождение их собственной воли. Акт планирования выполняет здесь роль волеформирующего фактора.

Что означает выраженное путем молчания согласие хозоргана принять к исполнению адресованное ему плановое задание на поставку продукции (товара)? Во-первых, это — акт исполнения стороной ее административноправовой обязанности заключить с определенным контрагентом договор поставки. Стало быть, указанное действие нельзя квалифицировать как акт принятия оферты, исходящей от планово-регулирующего органа. Во-вторых, это — акт исполнения стороной гражданскоправовой обязанности вступить в обусловленное планом договорное отношение с данным контрагентом. Стало быть, ее волеизъявление, выражающее желание (согласие) заключить договор, всегда направлено к контрагенту, носит встречный характер и выполняет роль либо оферты, либо акцепта.

Когда хозорган путем молчания принимает адресованный ему наряд к исполнению до встречного волеизъявления второй стороны (у которой еще не истек 10-дневный срок с момента получения ею наряда), то он таким образом выражает желание вступить с ней в обязательственное правоотношение на условиях, предусмотренных в наряде. В этом случае его волеизъявление приобретает характер оферты, содержание которой доводится до другой стороны посредством специфицированного наряда. Последний выполняет здесь роль письменной формы, выражающей содержание воли оферента. Если вторая сторона в течение указанного срока не отказалась от наряда и не потребовала заключения договора в обычном порядке, то она тем самым выразила планово-регулирующему органу свою волю принять к исполнению наряд и в то же время выразила свое согласие контрагенту принять его предложение заключить договор, обусловленный актом планирования. В данном случае волеизъявление этой стороны, совпадающее по своему содержанию со встречным волеизъявлением оферента, представляет собой не что иное, как акцепт.

Если же установленный законом срок для отказа от заключения договора путем принятия наряда к исполнению истек одновременно у поставщика и покупателя и ни один из них не заявил такого отказа, то договор между ними следует считать совершенным: налицо два совпадающих по содержанию встречных волеизъявления договаривающихся сторон, сочетаясь, эти волеизъявления составляют договор. В приведенном случае волеизъявление каждого из контрагентов выполняет роль либо оферты, либо акцепта.

По изложенным соображениям мы считаем неприемлемой точку зрения, согласно которой акт принятия хозорганом специфицированного наряда к исполнению квалифицируется как односторонняя сделка[18].

[18] См.: И. А. Танчук. Указанная работа, стр. 169—171. Утверждение автора о том, что основание «для недоговорной конструкции» рассматриваемых обязательств поставки дает Постановление Совета Министров СССР от 30 июня

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Такая оценка правовой природы волеизъявлений адресатов планового задания игнорирует тот очевидный факт, что эти волеизъявления носят встречный характер и направлены на создание между сторонами договорного обязательства. Односторонняя сделка, как известно, представляет собой действие субъекта, которое в силу закона само по себе порождает, изменяет или прекращает правовое отношение. Однако с фактом принятия стороной наряда к исполнению нормы права не связывают ни возникновения, ни изменения, ни прекращения гражданских прав и обязанностей. Для возникновения обязательства поставки необходимо, чтобы вторая сторона совершила встречное волеизъявление, то есть в установленной законом форме выразила своему контрагенту согласие вступить с ним в правоотношение на определенных в наряде условиях.

Приведенные доводы позволяют нам сделать вывод о договорной природе обязательств поставки, возникающих из факта принятия сторонами посредством молчания к исполнению специфицированного наряда. В рассматриваемом случае речь должна идти не об особом «недоговорном» основании возникновения обязательства поставки, а об упрощенном порядке заключения сторонами договора, о специфическом способе выражения ими воли, направленной на установление договорного обязательства.

Иногда говорят, что такой способ формирования обязательственных правоотношений означает упрощение правовых форм отношений по поставкам продукции (товаров)[19]. Это не совсем так. Не надо смешивать способ совершения договора и возникшее из него обязательство — правовую форму отношений поставки. Упрощение порядка заключения договора не влечет за собой упрощения порождаемого им правоотношения. Обязательство поставки, возникшее из факта принятия сторонами к исполнению наряда, по своей структуре, содержанию, порядку исполнения и средствам обеспечения не отличается от обязательства, основанного на договоре, заключенном сторонами в обычном порядке.

В современных условиях хозяйствования, когда Советское государство еще не может отказаться от централизованного планового распределения многих видов продукции, использование указанной формы установления обязательственных отношений поставки — явление вполне закономерное, отвечающее потребностям развития хозяйственных связей между социалистическими организациями.

Практика применения в народном хозяйстве данного способа формирования обязательств показала его жизнеспособность. Несмотря на упрощенный порядок заключения, договор такого рода выполняет важные функции: он способствует организации между предприятиями необ-

---

(Окончание. Начало сноски на стр. 78).

1962 г. № 648, в котором говорится не об особой форме договора, а о придании «силы договора» наряду, принятому сторонами к исполнению, нельзя признать убедительным. Этот довод не согласуется с ч. 3 ст. 160 ГК, допускающей в определенных случаях возможность заключения договоров между социалистическими организациями путем принятия к исполнению наряда. Следует отметить, что в инструктивных указаниях Государственного арбитража при Совете Министров СССР обязательства поставки, возникающие из факта принятия сторонами наряда к исполнению, также характеризуются как договорные (см. п. 6 инструктивного письма Госарбитража при СМ СССР от 6 октября 1962 г. № И-1-32. «Инструктивные указания Госарбитража при Совете Министров СССР». (Систематизированный сборник). М., «Юридическая литература», 1964, стр. 79; п.п. 1 и 2 «Инструкции о порядке установления договорных взаимоотношений по поставке продукции путем принятия поставщиками и покупателями нарядов к исполнению» (там же, стр. 85). Согласно п. 13 этой инструкции, принятый сторонами к исполнению специфицированный наряд должен рассматриваться как документ, выражающий в письменной форме содержание договорного отношения.

[19] См.: И. А. Танчук. Там же, стр. 168.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ходимых хозяйственных связей, служит средством обеспечения сочетания интересов его участников с интересами государства, позволяет сторонам осуществлять контроль снизу за правильностью актов распределения фондируемой продукции и, что особенно важно, служит основанием установления обязательства поставки, соответствующего объективным экономическим интересам субъектов.

В то же время нельзя забывать, что совершение договоров путем принятия сторонами наряда к исполнению — это исключительный порядок установления обязательств, который допускается только в определенных случаях, прямо предусмотренных законом (ч. 3, ст. 160 ГК). Заключаемый таким способом договор не выполняет той регулятивной роли, которую он может выполнять при обычном способе его заключения. Поэтому совершенно правы те, кто выступает против широкого использования данной формы установления договорных обязательств. Применение ее не должно быть общим правилом.

Пределы использования этой формы для организации имущественных связей в СССР объективно предопределяются существующим соотношением методов хозяйственного управления. Претворение в жизнь установлений экономической реформы, в частности, дальнейшее усиление экономических методов хозяйствования, расширение в рамках государственного плана оперативно-хозяйственной самостоятельности предприятий и организаций несомненно существенно ограничивают сферу применения указанной формы договора[20]. Эта сфера будет еще больше сужаться по мере постепенного перехода к плановому распределению оборудования, материалов и полуфабрикатов путем оптовой торговли[21].

Поскольку потребность в использовании упрощенного порядка заключения договоров поставки в настоящее время сохраняется, то, естественно, существует и необходимость его совершенствования. В правовой литературе уже обращалось внимание на ряд присущих этой форме недостатков[22]. Наиболее существенным недочетом является то, что указанный способ формирования обязательств не всегда создает между сторонами устойчивую правовую связь, нередко влечет за собой состояние неопределенности, порождает претензии, споры. На наш взгляд, следовало бы в нормативном порядке более четко определить характер, род и круг специфицированных нарядов, которые могут служить основанием для заключения договора путем принятия их к исполнению. К числу таких нарядов должны быть отнесены только те, которые обусловливают возникновение недолгосрочных и простых по содержанию хозяйственных отношений и в которых с абсолютной ясностью определены все условия поставки.

---

[20] В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 октября 1965 г. № 729 «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» признается целесообразным, как правило, отказаться от реализации продукции по квартальным, месячным и разовым нарядам без заключения договора в общеустановленном порядке (СП СССР, 1965, № 19—20, ст. 153, п. 10). Следовательно упрощенный способ совершения договоров поставки в современных условиях может применяться лишь в виде исключения.

[21] См. «Материалы XXIII съезда КПСС». М., Политиздат, 1966, стр. 232. См. также О. С. Иоффе. План и договор в условиях хозяйственной реформы. «Советское государство и право», 1967, № 7, стр. 55.

[22] См.: Г. В. Найвиделис. Указанная работа, стр. 102 и сл.; Е. А. Каткова. Указанная работа, стр. 25—29; К. А. Борзова. Заключение договоров и разрешение преддоговорных споров по поставке в условиях хозяйственной реформы. «Вопросы советского государства и права». Тезисы докладов на научной конференции юридического факультета Белорусского университета. Минск, 1968, стр. 135—136.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 219 Серия юридическая

О СОДЕРЖАНИИ И ПРИРОДЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ НА ОСНОВАНИИ ПЛАНОВОГО АКТА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОДУКЦИИ

Л. В. ТЕН

Осуществляемая в нашей стране в соответствии с решениями сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС хозяйственная реформа предполагает усиление экономического стимулирования социалистического производства, значительное расширение инициативы и хозяйственной самостоятельности предприятий при одновременном совершенствовании централизованного планового руководства и организации управления народным хозяйством. Расширение инициативы и хозяйственной самостоятельности предприятий находит свое выражение, в частности, в резком возрастании роли гражданско-правового договора. В этой связи приобретает важное значение задача обеспечения «правильного сочетания централизованного планового руководства с развитием хозяйственной инициативы и самостоятельности промышленных предприятий»[1]. Поэтому весьма актуальной становится проблема соотношения планового административного акта и договора как правовых форм регулирования социалистических хозяйственных отношений. Частью этой более общей проблемы является вопрос о содержании и природе правоотношений, возникающих из планового акта распределения продукции. Данный вопрос получил в юридической литературе различное освещение и решение, что не может не сказаться отрицательно на хозяйственной практике и ходе дальнейших научных исследований.

Прежде всего нет единства мнений относительно того, какие обязательственные отношения возникают непосредственно из доведенного до исполнителей планового задания по поставке продукции.

Высказано мнение, что наряду с обязательством заключить договор непосредственно из планового акта возникает обязательство по осуществлению запланированной поставки[2]. М. М. Агарков утверждал, что плановый акт в условиях, когда поставка должна быть опосредствована договором, порождает обязательство не только заключить договор, но и сделать все необходимое для надлежащего его исполнения. «Если по тем или иным причинам произойдет задержка в заключении договора, то ввиду того, что он все же должен быть заключен, — писал

[1] Материалы XXIII съезда КПСС. Изд-во политической литературы, М., 1966, стр. 232.

[2] М. М. Агарков. Обязательство по советскому гражданскому праву. Юриздат. М., 1940, стр. 123—126; Д. М. Генкин. Рецензия на книгу. З. И. Шкундина «Обязательство поставки товаров в советском праве». «Советское государство и право», 1949, № 4, стр. 58; В. Н. Можейко. Хозяйственный договор в СССР. Госюриздат, М., 1962, стр. 133—136; З. И. Шкундин. Обязательство поставки товаров в советском праве. Юриздат, М., 1948, стр. 160—165.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

он, — стороны обязаны сделать все от них зависящее, чтобы он был не только заключен, но и надлежащим образом исполнен»[3]. «Сделать все необходимое» для надлежащего исполнения подлежащего заключению договора не что иное как только осуществление поставки, хотя бы договор и не был заключен, предусмотренной плановым актом.

Д. М. Генкин[4] и В. Н. Можейко[5] прямо указывали, что гражданско-правовое обязательство поставки возникает непосредственно из планового задания. По мнению В. Н. Можейко, «обязанности сторон, вытекающие из планового предписания, не могут быть ограничены только одним заключением договора; одновременно с таким предписанием зарождается обязанность и поставки продукции»[6].

Отстаиваемые указанными авторами положения логически ведут к отрицанию правообразующей роли договора, поскольку обязательство поставки признается возникшим до и независимо от заключения договора. Поэтому они находятся в противоречии с их исходной позицией относительно оснований возникновения хозяйственно-договорного обязательства — теорией сложного фактического состава, согласно которой договор относится к числу оснований возникновения обязательства.

С этой точки зрения, более последовательной, на наш взгляд, хотя и неправильной, является позиция Н. Г. Александрова, признававшего договор только «средством автономного уточнения своих правомочий и обязанностей» участниками правоотношения, уже возникшего на основании административного акта, независимо от договора. Планово-административный акт, а не договор является юридическим фактом, на основании которого возникает гражданскоправовое обязательство[7].

В литературе дана развернутая и справедливая критика изложенной точки зрения, принижающей действительную роль договора.

Договору присущи две основные, взаимосвязанные функции: а) функция правообразующая, выражающаяся в том, что с заключением договора закон связывает возникновение определенных гражданско-правовых отношений; б) функция регулятивная, выражающаяся в определении содержания устанавливаемых правоотношений. Н. Г. Александров игнорировал правообразующую функцию договора.

Утверждения о том, что, кроме обязательства заключить договор, непосредственно из планового акта возникает обязательство по осуществлению поставки, представляются неправильными в силу того, что они прямо или косвенно игнорируют роль договора как правообразующего фактора и находятся в противоречии с действующими правовыми нормами, требующими обязательного оформления взаимоотношений между социалистическими хозяйственными организациями[8]. Поэтому следует присоединиться к господствующей в литературе точке зрения, согласно которой плановое предписание в области материально-технического снабжения непосредственно порождает только обязательство заключить договор и не больше[9]. Заключение договора обязательно

---

[3] М. М. Агарков. Указан. соч., стр. 123.
[4] Д. М. Генкин. Указан. соч., стр. 58.
[5] В. Н. Можейко. Указан. соч., стр. 133—136.
[6] В. Н. Можейко. Указан. соч., стр. 135.
[7] Н. Г. Александров. К вопросу о роли договора в правовом регулировании общественных отношений. «Ученые записки ВИЮН», вып. VI, М., 1946, стр. 75.
[8] Ст. 44 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, в дальнейшем сокращено: «Основы», п. 3 Положения о поставках продукции производственно-технического назначения, п. 3 Положения о поставках товаров народного потребления.
[9] О. С. Иоффе. Советское гражданское право (курс лекций), т. 1, Л., 1958, стр. 393—395; его же в книге «Договоры в социалистическом хозяйстве».

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

предшествует возникновению обязательства поставки. Таким образом, исполнение планового задания на поставку опосредствуется на различных его стадиях различными гражданскими правоотношениями: деятельность адресатов планового предписания по организации его исполнения — обязательством заключить договор, осуществляемое участниками поставки перемещение имущества и денег — обязательством поставки[10].

Исходя из правильного положения о том, что содержание гражданских правоотношений, возникающих непосредственно из планового акта распределения продукции, заключается только в обязанности заключить договор, Р. О. Халфина приходит к выводу о том, что лишь договор порождает обязательство по осуществлению поставки. Плановый же акт служит только основанием заключения договора, но в состав основания возникновения хозяйственно-договорного обязательства поставки не входит[11]. Аналогичного взгляда придерживается М. И. Бару и И. В. Федоров[12]. Р. О. Халфина не принимает во внимание того обстоятельства, что правовое воздействие планового акта на обязательственные отношения не прекращается с заключением договора, усматривая влияние планового акта на отношения по осуществлению самой поставки только в установлении административно-правовых обязанностей участников поставки (правовых отношений по «вертикали»)[13].

В действительности же влияние правового акта в сфере гражданского оборота не ограничивается рамками преддоговорных отношений, оно распределяется также на отношения, возникающие после заключения договора поставки, поскольку последние представляют собой следующую после заключения договора стадию исполнения планового предписания[14]. С заключением договора происходит лишь изменение характера и форм правового воздействия планового акта на гражданскоправовые отношения. Влияние планового акта на данной стадии его реализации на обязательственные отношения характеризуется тем, что оно осуществляется не непосредственно, что имело место на стадии заключения договора, а дополняется договорным влиянием. Договор, присоединяясь к плановому акту, наряду с ним «участвует» в установлении правоотношений по «горизонтали». В результате такого присоединения договора к плановому акту на смену обязательству заключить договор приходит новое обязательство — планово-договорное обязательство поставки продукции[15].

(Окончание. Нач. сноски на 82 стр.).
Изд-во «Юридическая литература», М., 1964, стр. 13; Р. О. Халфина. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве. Изд-во АН СССР, М., 1954, стр. 159; ее же. Правовое регулирование поставки продукции в народном хозяйстве. Изд-во АН СССР, М., 1963.

[10] Вопрос о различиях и самостоятельном характере названных обязательств рассматривается ниже.

[11] Р. О. Халфина. Значение и сущность договора.., стр. 158; ее же. Правовое регулирование поставки продукции.., стр. 104.

[12] М. И. Бару. План и договор. «Ученые записки Харьковского юридического института», вып. 8, 1957, стр. 50; И. В. Федоров. Соотношение плана и договора в правовом регулировании хозяйственных связей между социалистическими организациями. «Доклады итоговой научной конференции юридических факультетов», ч. II. Изд-во Томского госуниверситета, Томск, 1968, стр. 24.

[13] Р. О. Халфина. Значение и сущность договора.., стр. 158.

[14] О. С. Иоффе писал по этому поводу: «...заключенный договор не поглощает юридической силы планового акта, а следовательно, и после заключения договора поставщик и покупатель оказываются связанными не только договорным, но и плановым обязательством». См. «Договоры в социалистическом хозяйстве», стр. 3.

[15] Д. М. Генкин усматривал роль договора в том, что он новирует обязатель-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Влияние планового акта на обязательственные отношения поставки продукции выражается в следующем: а) в силу установленных плановых форм распределения материальных ресурсов плановый акт представляет собой необходимый элемент, лежащий в основании возникновения правоотношений по поставке. Внеплановая поставка продукции, распределяемой в плановом порядке, была бы противозаконной. Норма ст. 74 Положения о поставках продукции производственно-технического назначения устанавливает ответственность предприятий-поставщиков за поставку распределяемой в плановом порядке продукции потребителям, которым данная продукция не выделена в установленном порядке[16]. А договоры поставки, не основанные на плановом акте, признаются арбитражем недействительными[17]. Отмена или изменение плана являются основанием прекращения или изменения содержания обязательства поставки[18]; б) плановый акт предопределяет важнейшие элементы возникающего по заключению договора обязательства поставки (субъектный состав, предмет, период действия). Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик в ст. 34 закрепляют важный принцип, определяющий соотношение плана и договора, состоящий в том, что содержание договора, заключаемого на основе планового задания, должно соответствовать этому заданию. Вместе с тем закон допускает ряд исключений из этого общего правила. К ним относятся случаи, предусмотренные в п. 8 Постановления Совета Министров СССР № 648 от 30 июня 1962 г.[19], в п. 8 постановления Совета Минист-

---

(Окончание. Начало сноски на стр. 83)

ство, возникшее непосредственно из планового акта (См. «Советское государство и право», 1949, № 4, стр. 58). Новация, как известно, представляет собой способ прекращения обязательства и замены его другим. Между тем, исходная позиция Д. М. Генкина, основанная на признании обязательства поставки, возникшем непосредственно из планового акта, исключает возможность такой замены в процессе использования планового задания.

Вывод о хозяйственном договоре как средстве новации обязательства, возникающего непосредственно из планового задания, не вытекает также из конструкции, основанной на признании обязательства поставки, возникшем только после заключения договора.

Обязательство заключить договор, на смену которому приходит обязательство поставки, прекращается не в силу новации, а в связи с его исполнением, то есть с заключением договора.

[16] СП СССР, 1969, № 11, стр. 64.

[17] См. «Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР». Вып. 17, Госюриздат, М., 1961, стр. 39—40.

[18] На наш взгляд, из признания планового акта элементом сложного фактического состава, на основании которого возникает обязательство поставки, не следует неизбежно вывод об автоматическом воздействии изменения плана на судьбу обязательства, к какому приходят с оговорками или без оговорок сторонники конструкции сложного фактического состава. (См. М. М. Брагинский. Общее учение о хозяйственных договорах. Изд-во «Наука и техника», Минск, 1967, стр. 116—122. А. Б. Дозорцев. Некоторые вопросы договорного регулирования отношений по поставке. «Научные записки института внешней торговли МВТ СССР», Внешторгиздат, 1955, стр. 160, 162; З. М. Заменгоф. Изменение и расторжение хозяйственных договоров. Изд-во «Юридическая литература», М., 1967, стр. 46—68; З. И. Шкундин. Указан. соч., стр. 173). В силу того, что влияние планового акта на обязательство поставки опосредствовано договором, отмена или изменение планового акта в ходе его исполнения не должны автоматически влечь за собой прекращения или изменения обязательства. Расторжение или изменение договора поставки должно оформляться в таких случаях соглашением сторон, как это предусмотрено в п. 26 Положения о поставках продукции производственно-технического назначения и в п. 22 Положения о поставках товаров народного потребления.

[19] СП СССР. 1962, № 12, стр. 92.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ров СССР № 902 от 22 августа 1963 года[20] и в п. 62 Положения о социалистическом государственном производственном предприятии[21].

Таким образом, плановый акт распределения продукции, как и заключаемый на его основе договор, рассматривается законом как обстоятельство, с присутствием которого связывается возможность возникновения и юридическая сила обязательства поставки. В этом состоит правообразующая роль планового акта в становлении имущественных отношений поставки. Такая роль планового акта является достаточным основанием для включения его в число юридических фактов, порождающих гражданскоправовое обязательство поставки. Но специфика планового акта как юридического факта заключается в том, что в отличие от некоторых других видов юридических фактов (юридических фактов-событий, ряда юридических фактов-действий) он служит не только основанием возникновения гражданских правоотношений, но и предопределяет содержание последних. Следовательно, влияние планового акта на обязательственные отношения характеризуется тем, что он одновременно выполняет две взаимосвязанные функции: правообразующую и регулятивную. Но в отношении обязательства поставки в силу устанавливаемых законом договорных форм осуществления поставки плановый акт оказывает это влияние не независимо и до заключения договора, а совместно с договором и по его заключении. Возникновение данного обязательства невозможно без заключения договора так же, как и при отсутствии плановых предпосылок. С этой точки зрения представляется правильной конструкция, выдвинутая М. М. Агарковым[22] и поддерживаемая большинством советских юристов[23], в основе которой лежит признание правообразующей силы и планового акта и договора в качестве элементов сложного фактического состава, порождающего единое обязательство поставки.

Гражданскоправовое обязательство поставки есть результат не простого сочетания, а взаимодействия планового акта и договора. Каков же механизм этого взаимодействия?

Во-первых, это взаимодействие выражается в одновременности правового воздействия планового акта и договора на отношения, возникающие после заключения последнего. Плановый акт приобретает значение элемента сложного фактического состава, на основании которого возникает обязательство поставки, лишь с заключением договора. Плановый акт и договор воздействуют на отношения поставки одновременно, не в отдельности, а «сообща», придавая им характер единого гражданскоправового обязательства.

Во-вторых, и плановый акт, и договор взаимно дополняют друг друга, являются средствами установления содержания обязательства. Ряд условий поставки является одновременно предметом и планового, и договорного регулирования. Те взаимоотношения участников поставки, которые не регламентируются в плановом порядке (порядок исполнения поставки, материальная ответственность сторон и др.), не определяют соглашения сторон. Плановый акт регламентирует важнейшие условия поставки, такие, как количество, групповой ассортимент и ка-

---

[20] СП СССР, 1963, № 17, стр. 176.
[21] СП СССР, 1965, № 19—20, стр. 155.
[22] М. М. Агарков. Обязательство по советскому гражданскому праву, стр. 123—126.
[23] О. С. Иоффе. Советское гражданское право. (Курс лекций). Т. 1, 1958, стр. 393—395; С. С. Алексеев. О взаимодействии административно-правового и гражданскоправового регулирования в социалистическом обязательстве. «Правоведение», 1959, № 3, стр. 35—47 и другие.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

чество поставляемой продукции, сроки поставки. В зависимости от степени детальности плановые показатели могут нуждаться в уточнении и конкретизации. В ряде случаев, предусмотренных законом[24], они могут утратить полностью или частично свою юридическую силу по волеизъявлению участников поставки. В силу этого закон рассматривает условия поставки, предопределенные плановым актом, в качестве существенных условий договора. В Положении о поставках продукции производственно - технического назначения говорится: «При отсутствии в договоре условий о предмете поставки (наименование, количество и качество продукции), срсках поставки, цене на продукцию договор считается незаключенным» (п. 21). Инструктивное письмо Госарбитража при Совете Министров СССР от 15 октября 1963 года обязывает органы арбитража при разрешении преддоговорных споров «требовать от сторон, чтобы в договорах предусматривались конкретные обязательства по количеству, ассортименту, качеству и комплектности продукции и товаров, срокам их поставки и другие существенные условия»[25].

Таким образом, влияние планового акта в той его части, в какой оно относится к регулированию содержания обязательственных отношений поставки, должно быть опосредствовано договором[26]. Поэтому

[24] Имеются в виду права потребителей, предусмотренные в п. 8 постановления Совета Министров СССР от 30 июня 1962 г. № 648, в п. 8 постановления Совета Министров СССР от 22 августа 1963 г. № 902, в п. 62 Положения о социалистическом государственном производственном предприятии. Поставщик также вправе отказаться от заключения договора, если выданный наряд не соответствует надлежаще утвержденному его производственному плану (См. «Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР», вып. 21, Госюриздат, 1963, стр. 98).

[25] «Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР», вып. 25, изд-во «Юридическая литература», М., 1966, стр. 60. Об этом говорится также в Инструктивном письме Госарбитража при Совете Министров СССР от 28 декабря 1967 г. № И—1—59. См. «Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР», вып. 27. изд-во «Юридическая литература», М., 1968, стр 56.

[26] Это обстоятельство дало повод И. В. Федорову утверждать, что основанием возникновения имущественных правоотношений в сфере социалистического хозяйства является только договор, основанный на плановом акте распределения. При этом он исходит из того, что сама природа товарно-денежных отношений, предполагающая активную волевую деятельность их участников, требует, чтобы указанные отношения устанавливались на основе их взаимного волевого акта — хозяйственного договора. Поэтому «административно-плановый акт, содержащий властное предписание конкретным организациям осуществить определенную деятельность в соответствии с народнохозяйственным планом, не может служить юридическим фактом, опосредствующим товарно-денежные отношения между этими организациями». Плановый административный акт, по мнению автора, порождает наряду с административными правоотношениями между органом государственного управления и адресатами планового предписания гражданские правоотношения, содержанием которых является только обязанность заключить договор. Что же касается обязательства, опосредствующего обмен взаимной хозяйственной деятельностью или ее результатами, то плановый акт здесь выполняет не правопорождающую, а волеформирующую функцию и «не может непосредственно влечь за собой возникновения соответствующего гражданскоправового обязательства: указанный обмен в современных условиях социалистического хозяйствования совершается в товарно-денежной форме, и потому он должен осуществляться на договорной основе. (См.: И. В. Федоров. Указан. соч. «Доклады итоговой научной конференции юридических факультетов», ч. II. Изд-во ТГУ. Томск, 1968, стр. 22—24).

Утверждения И. В. Федорова представляются неубедительными. Договор действительно представляет собой наиболее целесообразную форму осуществления акта товарного обмена. Но применение договора, как правового средства регулирования имущественных отношений, зависит от предписания правовых норм. Не всегда товарно-денежные отношения опосредствуются договором, в частности,

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

представляется справедливой критика[27] в адрес О. С. Иоффе, указывавшего, что содержание некоторых хозяйственных договоров может и не охватывать всех показателей планового задания и таким образом допускавшего возможность возникновения соответствующих прав и обязанностей только из планового акта[28].

Соотношение влияния плана и договора в определении содержания обязательственных отношений поставки в настоящее время существенно меняется в связи с проводимой в стране хозяйственной реформой. Роль договора значительно усиливается. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 октября 1965 г. «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» говорится, что «хозяйственный договор должен являться основным документом, определяющим права и обязанности сторон по поставке всех видов продукции, включая продукцию, распределяемую в централизованном порядке»[29]. В настоящее время еще не преодолена практика чрезмерной детализации плановых заданий по поставкам, которая принижает роль договора вследствие сужения простора для соглашения сторон. Предусматриваемый названным постановлением отказ, как правило, от действующего ныне порядка реализации продукции по квартальным, месячным и разовым нарядам приведет к значительному расширению сферы влияния договора на отношения поставщиков и потребителей.

В этой связи представляет интерес определение роли договора в формировании содержания обязательства поставки. В юридической литературе единодушно утверждается, что договор есть средство детализации и конкретизации планового задания[30]. Такая трактовка содержит далеко не полную характеристику роли договора, какую он дейст-

---

(Окончание. Нач. сноски на стр. 86)

бездоговорной является поставка продукции на экспорт. Сфера применения договора в регулировании товарно-денежных отношений была на прошедших этапах развития советской экономики более узкой, чем в настоящее время. (См. об этом: Ф. И. Гавзе. Развитие социалистического гражданско-правового договора. Минск, 1959; Е. М. Яковлева. Развитие договорных связей государственной промышленности СССР по снабжению и сбыту. Изд-во «Ирфон», Душанбе, 1965). Кроме того, из признания договора необходимой формой товарно-денежных отношений вытекает неизбежно вывод о том, что плановый акт не может служить основанием возникновения соответствующего гражданско-правового обязательства. Установленная законом обязательность договорного оформления хозяйственных отношений свидетельствует только о том, что плановый акт самостоятельно, независимо от заключения договора, не может порождать в соответствующих случаях гражданских правоотношений. Основным в решении вопроса об основаниях возникновения гражданскоправового обязательства должно являться выяснение, с какими обстоятельствами закон связывает возникновение и юридическую силу соответствующего обязательства. Планово-административный акт и относится к числу таких обстоятельств, с которыми закон связывает возникновение не только преддоговорных гражданских правоотношений, но и договорных обязательств. Косвенное признание такой роли планового акта содержится и в высказываниях И. В. Федорова. «Предопределив возникновение хозяйственного договора, этот акт, — пишет он, — в последующем продолжает оказывать влияние также и на порожденное договором хозяйственное обязательство... Само существование этого обязательства зависит от юридической силы планового акта» (См. И. В. Федоров, соч., стр. 24). То обстоятельство, что правовое воздействие планового акта опосредствовано договором, является, на наш взгляд, не опровержением, а доказательством того, что плановый акт и договор составляют неразрывно связанные элементы сложного фактического состава, порождающего единое гражданско-правовое обязательство.

[27] И. В. Федоров. Указан. соч., стр. 20—21.

[28] «Договоры в социалистическом хозяйстве», стр. 21—22.

[29] СП СССР, 1965, № 19—20, стр. 153.

[30] С. Н. Братусь. Хозяйственный договор, как гражданско-правовая форма распределения продукции между государственными предприятиями. «Совет-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

вительно играет в установлении условий поставки. Роль договора более широкая, чем выполнение задачи детализации и конкретизации планового задания. Прежде всего, следует отметить, что в ряде случаев договорные условия не только не конкретизируют плановые показатели, а могут и не соответствовать им, что имеет место в случаях реализации потребителями прав, предусмотренных в п. 8 постановления Совета Министров СССР № 648 от 30 июня 1962 года, в п. 8 постановления Совета Министров СССР № 902 от 22 августа 1963 года, в п. 62 Положения о социалистическом государственном производственном предприятии. Несоответствие заключенного договора плановым показателям может возникнуть в результате осуществления сторонами прав, предусмотренных в п. 38 Положения о поставках продукции производственно-технического назначения и в п. 36 Положения о поставках товаров народного потребления. Кроме того, в договорах предусматривается целый ряд условий, которые не подлежат плановой регламентации, например, условия о порядке исполнения поставки, о материальной ответственности сторон и т. д. Поэтому более правильным было бы квалифицировать договор не как средство конкретизации планового задания, а как форму автономии (не противоречащей правовым нормам) его участников в формировании содержания обязательства поставки.

Следовательно, взаимодействие планового акта и договора, как элементов сложного фактического состава, представляет собой выражение единства централизованного государственного регулирования гражданскоправовых отношений поставки и автономии их участников.

Возрастание роли договора в регулировании хозяйственных отношений дает повод О. А. Красавчикову говорить о том, что «плановый акт из оснований возникновения самого гражданскоправового обязательства переходит на положение плановой предпосылки — служит основанием к заключению договора, роль которого неизмеримо возрастает в современных условиях»[31]. Разграничение понятий планового акта как «основания возникновения самого гражданскоправового обязательства» и плановых предпосылок как «оснований к заключению договора» представляется неприемлемым, по крайней мере, в отношении обязательств, возникающих в сфере материально-технического снабжения. Ни то обстоятельство, что плановый акт непосредственно является лишь основанием к заключению договора, ни усиление роли последнего не исключат правового воздействия планового акта на гражданскоправовое отношение поставки той продукции, которая распределяется в плановом порядке. Признание такого юридического значения «плановых предпосылок» равнозначно признанию их в качестве элементов сложного фактического состава, порождающего гражданскоправовое обязательство.

Обязательство заключить договор, возникающее непосредственно из планового акта распределения продукции, имеет своим содержанием обязанности хозорганов — адресатов планового предписания по представлению и рассмотрению проекта договора, спецификации, протокола разногласий, а также по соблюдению плановых показателей при согласовании условий заключаемого договора. Названные обязанности предусмотрены в ст. 34 Основ, в главе III Положения о поставках

(Окончание. Начало сноски на стр. 87).
ское государство и право», 1953, № 2—3, стр. 79; А. В. Дозорцев. Указан. соч., стр. 137; И. А. Танчук. Правовое регулирование материально-технического снабжения. Изд-во «Наука», М., 1965, стр. 157 и др.

[31] «Советское гражданское право». Учебник для студентов юридических институтов и факультетов. Т. 1, изд-во «Высшая школа», М., 1968, стр. 412.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

продукции производственно-технического назначения, в главе III Положения о поставках товаров народного потребления, особых условиях поставки и других нормативных актах. Постановлением Совета Министров СССР № 648 от 30 июня 1962 года организациям-потребителям предоставлено право отказываться до заключения договора от предусмотренной планом распределения ненужной или излишней продукции. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР № 902 от 22 августа 1963 года оптовые и розничные торговые предприятия и организации вправе не отказываться от заключения с предприятиями промышленности и другими поставщиками договоров на поставку товаров, выделенных в количестве и ассортименте, не соответствующем заказам. Это дало Л. Шору повод утверждать, что обязательство заключить договор «относится только к поставщику, а не к покупателю», т. е. является односторонним[32].

По нашему мнению, правила названных нормативных актов не колеблют утвердившееся в литературе представление о двустороннем характере рассматриваемого обязательства. Признание обязательства односторонним означало бы, что все плановые показатели, соблюдение которых составляет элемент содержания обязательства заключить договор, обязательны лишь для одной из сторон. Между тем на деле обстоит иначе. До тех пор, пока покупатель не заявил отказ от выделенной ему продукции, показатели планового акта обязательны для обеих сторон: стороны не вправе при оформлении договорных отношений выходить за рамки, установленные плановым актом. Частичный отказ покупателя от продукции влияет только на условие о количестве продукции, подлежащей поставке по договору. В этом случае плановые показатели, относящиеся ко всем другим условиям поставки (ассортимент, качество продукции, сроки поставки и пр.), обязательны как для поставщика, так и для потребителя. Поэтому правомерный отказ покупателя от ненужной и излишней продукции следует рассматривать в качестве юридического факта, с которым закон связывает прекращение юридического действия планового акта и одновременно прекращение (полностью или в части) уже возникшего обязательства заключить договор для обеих сторон[33].

Своим объектом обязательство заключить договор имеет деятельность участников запланированной поставки по организации своих договорных связей. Эта деятельность непосредственно не связана с передвижением материальных ценностей в рамках товарно-денежных отношений, складывающихся в сфере материально-технического снабже-

---

[32] Л. Шор. Совершенствовать договорно-правовые отношения. «Материально-техническое снабжение», 1968, № 6, стр. 48.

[33] Арбитражная практика рассмотрения преддоговорных споров основана на признании обязательства заключить договор двусторонним. В инструктивном письме «О порядке установления договорных взаимоотношений по поставке продукции путем принятия поставщиками и покупателями нарядов к исполнению» Госарбитраж при Совете Министров СССР указывает: «...ни одна из сторон не вправе отказываться от оформления поставки договором, подписываемым обеими сторонами, или заказом, если этого требует другая сторона в связи с необходимостью согласовать дополнительные условия поставки» (См. «Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР, вып. 22, Госюриздат, М., 1963, стр. 12—15). О праве арбитража понудить покупателя заключить договор в случае необоснованного уклонения его от этой обязанности говорится в инструктивном письме Госарбитража при Совете Министров СССР от 14 ноября 1964 года. № И —1—48 («Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР», вып. 25. Изд-во «Юридическая литература», М., 1966, стр. 115).

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ния народного хозяйства. Поэтому обязательство заключить договор является по своей природе не имущественным, а организационным правоотношением[34]. Вместе с тем данное обязательство является гражданскоправовым, поскольку ему присущи все черты гражданскоправового регулирования: равенство сторон, определенная автономия участников поставки в выборе тех или иных вариантов поведения, обеспечение прав сторон гражданскоправовыми санкциями, специфичные для гражданского права способы защиты субъективных прав. Регулирование ряда организационных отношений нормами гражданского права объясняется их служебной ролью по отношению к имущественным, составляющим основной предмет гражданского права, и тесной взаимосвязью с последними.

В литературе высказан взгляд о том, что обязательство заключить договор не является самостоятельным гражданскоправовым обязательством. По мнению С. С. Алексеева, плановые обязательства поставки продукции, подряда в капитальном строительстве, перевозки — «...это обязательства со сложной, динамически развивающейся структурой... Содержание структурно-сложного обязательства проявляет себя не сразу, оно постепенно раскрывается, развертывается по мере накапливания юридических фактов... Планово-административный акт связывает стороны гражданскоправовыми обязанностями по заключению конкретного договора. Но это не особое, самостоятельное обязательство, это лишь первая, начальная стадия обязательства поставки, производства работ, оказания услуг»[35].

Таким образом, выводы С. С. Алексеева основаны на двух исходных посылках: а) плановый акт, из которого возникает обязательство заключить договор, является элементом сложного фактического состава, порождающего единое обязательство поставки; б) заключение договора есть «лишь первая, начальная стадия» «структурно-сложного» обязательства поставки, которое формируется постепенно по мере накапливания юридических фактов.

Изложенный взгляд представляется неприемлемым по следующим соображениям. Соглашаясь с тем, что из сложного фактического состава, элементами которого являются план и договор, возникает единое обязательство поставки, следует заметить, что значение планового акта не исчерпывается его ролью одного из элементов сложного фактического состава. Роль планового акта на разных стадиях его осуществления различна. На стадии формирования обязательства поставки план имеет самостоятельное значение, непосредственно порождая гражданскоправовые последствия, выражающиеся в обязательстве заключить договор. С исполнением обязательства заключить договор плановый акт вступает в состав основания возникновения нового гражданскоправового обязательства, опосредствующего имущественные отношения по осуществлению непосредственно поставки. Следовательно, плановый административный акт распределения продукции в процессе своей реализации выполняет последовательно, не одновременно роль основания возникновения обязательства заключить договор и роль элемента сложного фактического состава, порождающего обязательство поставки. В силу того, что обязательство заключить договор и обязательство поставки представляют собой различные по своему содержанию обще-

---

[34] О. А. Красавчиков. Гражданские организационно-правовые отношения. «Советское государство и право», 1966, № 6, стр. 50—57. См. также в кн. «Советское гражданское право» — учебник для студентов юридических институтов и факультетов под ред. О. А. Красавчикова, т. 1, М., 1968, стр. 12—13.

[35] «Правоведение», 1959, № 3, стр. 45—46.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ственные отношения, заключение договора не охватывается обязательством поставки и потому не может рассматриваться как стадия его развития. Лишь с завершением процесса заключения договора возникает гражданскоправовое обязательство поставки. Несомненно, что рассматриваемые обязательства имеют одну конечную цель и опосредствуют единый процесс исполнения планового задания по поставкам продукции. В этом их неразрывная взаимосвязь, которая, однако не влечет поглощения одного обязательства другим.

Более правильным, на наш взгляд, является мнение большинства авторов о том, что обязательство заключить договор — особое, вполне самостоятельное обязательство[36].

Опосредствуя разные стадии исполнения планового акта распределения продукции, обязательство заключить договор и обязательство поставки отличаются друг от друга такими специфическими признаками, которые позволяют говорить о том, что это разные обязательства.

Во-первых, различна природа общественных отношений, опосредствуемых этими обязательствами. Обязательство заключить договор представляет собой организационно-правовое отношение, а отношения по поставкам есть имущественные.

Во-вторых, данные обязательства различаются по основаниям их возникновения. Обязательство заключить договор возникает непосредственно из планового акта. Обязательство поставки возникает на основании сложного фактического состава, элементами которого являются план и договор.

В-третьих, рассматриваемые обязательства имеют различные непосредственные цели. Если целью обязательства поставки является перемещение продукции и денег, то обязательство заключить договор преследует цель организации, упорядочения, «завязки» хозяйственных отношений между поставщиком и потребителем.

В-четвертых, данные обязательства регулируются различными нормами гражданского права и обеспечены самостоятельными правовыми санкциями.

Гражданскоправовое обязательство заключить договор имеет весьма важное значение в выполнении государственных плановых актов распределения продукции. Роль, выполняемая им, не совпадает с ролью, выполняемой обязательством поставки. Если обязательство поставки служит формой реализации имущественных прав и обязанностей участников поставки, то роль обязательства заключить договор состоит в формировании юридических предпосылок возникновения этих прав и обязанностей. Обязательство заключить договор, опосредствуя организацию договорных связей, приобретает еще большее значение в связи с возрастанием роли договора в регулировании хозяйственных отношений социалистических организаций. Поэтому совершенствование правового регулирования деятельности поставщиков и потребителей по организации договорных отношений должно рассматриваться как одно из необходимых мероприятий по усилению роли хозяйственного договора в материально-техническом снабжении народного хозяйства.

---

[36] И. Б. Новицкий. Обязательство заключить договор. Юриздат, М., 1947, стр. 39; И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц. Общее учение об обязательстве. Госюриздат, М., 1950, стр. 82—85; З. И. Шкундин. Обязательство поставки товаров в советском праве, стр. 164.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 219 Серия юридическая

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТАХ ПРАВООТНОШЕНИЯ ОБЩЕЙ ДОЛЕВОЙ СОБСТВЕННОСТИ ГРАЖДАН

Р. П. МАНАНКОВА

Отдельная вещь либо совокупность вещей, обозначаемая термином «имущество», рассматриваются в правоотношении общей долевой собственности как единый и нераздельный объект.

В общей долевой собственности граждан может оказаться любое имущество, упоминаемое в примерном перечне объектов права личной собственности (ст. 25 Основ, ст. 105 ГК). Однако сколько-нибудь длительное существование общей долевой собственности на многие из этих видов имущества практически исключается, что объясняется прежде всего невозможностью совместного использования одной вещи несколькими лицами либо значительными неудобствами такого пользования, а также во многих случаях экономической нецелесообразностью.

Не могут длительное время находиться в общей долевой собственности в первую очередь предметы индивидуального пользования, а также многие предметы домашнего обихода, обычной домашней обстановки и утвари, предназначенные для удовлетворения соответствующих потребностей лишь одной семьи. Возникшая обычно в результате наследования общая долевая собственность на вещи этой категории (исключая предметы индивидуального пользования) практически вскоре прекращается путем раздела между наследниками, если они и после смерти наследователя не сохраняют совместное ведение домашнего хозяйства.

В числе объектов личной собственности закон упоминает трудовые доходы и сбережения граждан, имея в виду, главным образом, доходы и сбережения в их денежном выражении, деньги. Включение денег в круг вещей обусловлено их материальной природой. Однако в отличие от обычных вещей, полезных в силу присущих им материальных свойств, служебная роль денег определяется не их материальной оболочкой, а теми функциями, которые они выполняют в условиях гражданского оборота (всеобщий эквивалент, законное платежное средство, средство обращения и др.).

Форма, в которой деньги выступают в обороте, — денежные знаки (бумажные деньги и чеканные монеты) — отражает лишь второстепенные моменты, такие, как количество денежных единиц, время действия и место, где они обращаются.

Как вещи, определяемые обычно родовыми признаками, денежные знаки могут быть объектами права личной собственности лишь после их индивидуализации, осуществляемой по таким признакам, как год выпуска, наименование серии и номер. Практически, конечно, для ин-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

дивидуализации денежных знаков достаточно одного факта нахождения их у определенного лица.

Повышенная оборотоспособность денег лишает практического значения факт кратковременного обладания конкретными денежными знаками на праве собственности. Обладателя денег интересует в первую очередь общая сумма денежных единиц, а не число и тем более не индивидуальные особенности денежных знаков, в которых эта сумма выражена. Интерес собственника заключается не в непосредственном обладании денежными знаками, а в том, что обладание ими дает ему возможность участвовать в различного рода возмездных сделках по приобретению иного имущества в целях удовлетворения определенных материальных и культурных потребностей.

Свойства делимости и заменимости денег обусловливают нецелесообразность существования общей долевой собственности на них. Всегда любую сумму денег можно разделить между несколькими лицами с точностью до одной копейки. Заменимость денежных знаков проявляется в том, что одну и ту же сумму денежных единиц всегда можно представить в нескольких вариантах бумажных купюр и чеканных монет различного достоинства.

Общая долевая собственность на денежные знаки может иметь место только при условии, если каждый денежный знак будет рассматриваться как вещь индивидуально-определенная, неделимая и незаменимая. Детальная индивидуализация денежных знаков по их реквизитам имеет место, главным образом, при коллекционировании бумажных денег либо чеканных монет, когда каждый денежный знак имеет ценность для его обладателя именно благодаря его форме, а потому является неделимым и незаменимым, как вещь.

При коллекционировании деньги используются не по их прямому назначению как носители стоимости, а с иной дозволенной законом целью, для удовлетворения своеобразной культурной потребности отдельных граждан. Именно коллекция денежных знаков может практически встречаться в качестве объекта общей долевой собственности.

Трудовые доходы и сбережения граждан могут быть выражены и в форме ценных бумаг (облигации государственных займов, аккредитивы). Ценные бумаги так же, как и деньги, относятся к разряду вещей благодаря своей материальной форме существования.

Интерес держателя ценной бумаги направлен не на использование ее материальных свойств, а на воплощенное в ней имущественное право, реализация которого возможна только в рамках различного рода обязательственных правоотношений. По именным и ордерным ценным бумагам управомоченная сторона всегда представлена определенным лицом, указанным в самой ценной бумаге. В этой связи общая долевая собственность на именные и ордерные ценные бумаги в принципе исключается.

Не могут быть объектом общей долевой собственности и сбережения граждан в виде денежных вкладов в кредитные учреждения (ст. 87 Основ).

Теоретически мыслима общая долевая собственность на некоторые виды ценных бумаг на предъявителя, в частности, на облигации государственных займов. Будучи одной из форм государственного кредита, займы обеспечивают поступление значительных денежных средств населения в доходную часть госбюджета. Особенно большую роль госзаймы сыграли в деле финансирования социалистического строительства, восстановления и развития разрушенного в годы войны народно-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

го хозяйства. С 1958 года на всей территории СССР работа сберегательных касс по государственным займам ограничена одним 3% внутренним выигрышным займом. Совместное приобретение гражданами облигаций 3% займа облегчает возможность участия в нем и увеличивает вероятность выигрыша.

В последние годы в отношениях между гражданами получило широкое распространение совместное приобретение билетов денежно-вещевых лотерей. Лотереи как одна из форм привлечения денежных средств населения в государственный бюджет проводились неоднократно, начиная с первых лет существования советского государства, но с 1958 года они приняли массовый характер. Каждая денежно-вещевая лотерея может быть проведена лишь в соответствии со специальным постановлением правительства СССР[1]. Условия каждой лотереи (количество выпусков, общая сумма билетов, количество и сумма выигрышей, перечень денежных и вещевых выигрышей и др.) разрабатываются Министерством финансов союзной республики и утверждаются Советом Министров союзной республики. Вся работа по выпуску билетов лотереи, проведению тиражей и оплате выигрышей осуществляется под руководством республиканских управлений государственных трудовых сберегательных касс и государственного кредита Госбанка СССР. Средства, вырученные от лотерей, поступают непосредственно в госбюджет союзной республики.

Денежно-вещевые лотереи представляют собой особую форму привлечения сбережений населения в госбюджет, отличную от госкредита[2]. Лотереи не гарантируют прямого и полного возврата средств населению, только 60% стоимости выпущенных билетов возвращается населению в виде выигрышей, остальные средства расходуются на хозяйственные и культурные нужды союзной республики. Незначительная стоимость билетов придает лотереям общедоступный характер и обусловливает активное участие всего населения своими средствами в создании материально-технической базы коммунизма.

Представляет интерес своеобразный правовой режим лотерейного билета. Покупка его производится не с целью извлечения каких-либо материальных свойств из самого государственного знака, а с целью приобретения того имущественного права, которое может возникнуть в случае выигрыша.

Выяснение правовой природы лотерейного билета после состоявшегося тиража не представляет каких-либо трудностей.

При отсутствии выигрыша лотерейный билет автоматически прекращает свое существование, прекращается в связи с этим и право собственности на него.

В случае выигрыша происходит своеобразная трансформация самого правоотношения: собственник лотерейного билета становится также носителем права требования, реализация которого возможна только при условии предъявления самого билета. Это значит, что после тиража лотерейный билет, на который выпал выигрыш, представляет собой ценную бумагу на предъявителя.

Значительно сложнее решить вопрос о правовой природе лотерейного билета в период с момента выпуска и до тиража. В течение этого времени невозможно ни отрицать, ни утверждать о наличии имущест-

---

[1] Постановление СНК СССР от 1 января 1930 г. (СЗ СССР 1930 г. № 2, ст. 20, ст. I — в редакции постановления СНК СССР от 23 июля 1933 г.).

[2] См.: С. В. Бородин, А. Н. Демичев, Г. М. Точильников. Финансы и кредит. Изд-во «Финансы», М., 1967, стр. 145.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

венно-правового содержания у лотерейного билета. Выяснение его содержания откладывается до наступления тиража.

Потенциальное имущественно-правовое содержание лотерейного билета до тиража дает основание рассматривать его в этот период как своего рода условную ценную бумагу. С наступлением условия (выигрыша) лотерейный билет приобретает все свойства ценной бумаги; ненаступление условия вообще лишает его какой бы то ни было практической ценности.

Совместное приобретение гражданами лотерейных билетов обусловливает возникновение между ними правоотношения общей долевой собственности на них[3]. В договоре сособственники лотерейных билетов устанавливают условия своих взаимоотношений на случай возможного выигрыша. Право на выигрыш они предусматривают за каждым участником независимо от того, что до тиража все билеты могут храниться у одного из них либо будут распределены между всеми.

Если на какой-либо из совместно приобретенных билетов выпал выигрыш, у каждого из собственников возникает однородное право требования к одному и тому же лицу об одном и том же предмете. Реализация этих прав происходит в рамках обязательства со множественностью лиц на стороне кредитора. С момента получения вещевого выигрыша возникает право общей долевой собственности на выигранную вещь.

Денежный выигрыш распределяется между приобретателями соразмерно их доле: общая долевая собственность на полученные деньги существует лишь в течение короткого времени, поскольку без раздела полученной суммы между сособственниками использовать деньги практически невозможно.

Наиболее типичным объектом правоотношения общей долевой собственности является жилой дом. Среди других возможных объектов он выделяется в силу своей особой значимости. В условиях пока еще существующей жилищной проблемы жилой дом в качестве объекта личной собственности продолжает оставаться важнейшим средством удовлетворения потребности граждан в жилье.

Жилой дом представляет собой сложный имущественный комплекс, включающий жилое строение и земельный участок, на котором это строение расположено, поэтому говоря о праве собственности на дом, необходимо различать право собственности на жилое строение и право пользования обслуживающим его земельным участком.

Неизбежные неудобства совместного использования одной вещи несколькими лицами, носителями однородных прав, хотя и имеют место при общей долевой собственности на жилой дом, однако они в значительной мере перекрываются теми преимуществами, которые дает общая собственность: облегчается возможность приобретения дома, соответственно снижаются падающие на одного сособственника расходы на его содержание и сохранение, наличие права преимущественной покупки дает возможность увеличить размер доли и др.

Обладание жилым домом на праве общей долевой собственности имеет целью удовлетворение жилищных потребностей не только самих сособственников, но и их семей. Для этого необходимо обеспечить как

[3] Подобные отношения должны быть оформлены в виде договора. Именно наличие договора обусловило признание за сособственниками лотерейных билетов права на соответствующие части выигрыша. (См. определение судебной коллегии Верховного Суда Молдавской ССР по делу, возбужденному по иску Балана А. И., Петеля В. И. к Ралдугину Н. М. о взыскании 12 466 руб. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1959, № 5, стр. 39—40).

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

минимум раздельное проживание каждой из семей. Предоставление каждому из сособственников изолированных помещений в общем жилом доме зависит от возможности его раздела на части. При этом необходимо различать раздел общего жилого дома на части с предоставлением каждому из сособственников определенной части на праве индивидуальной собственности и распределение пользования жилыми помещениями в нем с сохранением общей долевой собственности на весь дом.

По действующему законодательству в личной собственности граждан может находиться как весь жилой дом, так и его части (ч. I ст. 25 Основ, ч. I ст. 106 ГК)[4]. Правило, устанавливающее возможность обладания на праве личной собственности частью жилого дома, означает допустимость в принципе раздела жилого дома в натуре. Однако ГК РСФСР не содержит каких-либо конкретных указаний о том, по какому принципу следует определять делимость (неделимость) жилого дома.

Критерий делимости жилого дома на реальные части установлен в нормах, закрепленных в ст. 101 ГК Казахской ССР, ст. 111 ГК Литовской ССР, ст. 134 ГК Узбекской ССР. Статьи 101 ГК Казахской ССР и 111 ГК Литовской ССР предусматривают право индивидуальной собственности граждан лишь на отдельные квартиры, являющиеся частями одного и того же жилого дома. Часть I, ст. 134 ГК Узбекской ССР определяет: «Участники общей долевой собственности на жилой дом вправе произвести с учетом принадлежащих им долей раздел дома с тем, чтобы в личной собственности каждого из них была закреплена обособленная часть дома (квартира либо отдельная изолированная комната».

Провозглашая право собственности на отдельную изолированную комнату, законодатель молчаливо допускает нахождение в совместном пользовании нескольких семей подсобных помещений (кухни, коридоры и др.).

В этой связи представляется более предпочтительным решение вопроса о критерии делимости жилого дома в законодательстве Литовской и Казахской ССР. Предоставление в собственность отдельной квартиры наилучшим образом удовлетворяет потребности граждан в жилье. Тот факт, что еще имеют место случаи совместного проживания в одной квартире нескольких семей, не может рассматриваться как характерное для социалистического строя явление. Коммунистическая партия Советского Союза провозгласила в качестве одной из основных задач в области повышения материального благосостояния советского народа решение жилищной проблемы. В Программе КПСС говорится, в частности, что «в итоге второго десятилетия каждая семья, включая семьи молодоженов, будет иметь благоустроенную квартиру»[5].

Реальный раздел жилого дома на части, переходящие в индивидуальную собственность, не ограничивается обособлением жилых и подсобных помещений в самом строении. Раздел жилого дома включает в себя и раздел земельного участка, обслуживающего расположенное на нем жилое строение. Споры о разделе земельного участка для образования нескольких самостоятельных домовладений суду не под-

---

[4] Однако фактически не согласуются с законом положения новой «Инструкции о порядке совершения нотариальных действий государственными нотариальными конторами РСФСР» («Советская юстиция», 1966, № 10, стр. 8) о том, что при отчуждении доли в жилом доме в тексте договора должны указываться арифметические доли, а не конкретные части дома.

[5] «Программа Коммунистической партии Советского Союза». Изд-во политической литературы, М., 1968, стр. 94.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ведомственны, в компетенцию суда входит рассмотрение лишь споров, возникающих в связи с землепользованием, но не с землеустройством.

Следствием реального раздела домовладения является индивидуализация его обособленных частей, как правило, не связанная с их пространственным перемещением. Жилой дом и после реального раздела продолжает оставаться единым архитектурно-строительным комплексом. На части дома, являющиеся общими для каждой из квартир, выделенной в индивидуальную собственность, распространяется режим общей долевой собственности.

Ввиду того, что владеть, пользоваться и распоряжаться общими частями дома невозможно обособленно от основного объекта, практически о наличии правоотношения общей долевой собственности на общие части жилого дома свидетельствуют лишь юридические обязанности сособственников участвовать в расходах по их содержанию в надлежащем хозяйственном состоянии.

При невозможности реального раздела общего жилого дома сособственники вправе выбрать любой из возможных вариантов: во-первых, передать неделимый дом одному из участников, возложив на него обязанность возместить остальным соответствующую сумму, во-вторых, реализовать дом и распределить вырученную от продажи сумму пропорционально размерам долей между всеми сособственниками и, в-третьих, сохранить существующее правоотношение общей долевой собственности, распределив пользование отдельными частями общего жилого дома. При этом вовсе не обязательна обособленность частей дома (не только жилых помещений, но и подсобных, вспомогательных), достаточно обособленности лишь жилых помещений (квартир, комнат). В общем пользовании могут находиться коридоры, кухни и другие подсобные помещения.

Жилые помещения, отведенные в пользование каждому из сособственников, представляют собой не что иное, как так называемую реальную долю[6]. По общему правилу, реальная доля должна определяться в соответствии с размером идеальной доли. Сособственники вправе установить по соглашению между собой порядок пользования жилыми помещениями и независимо от размера идеальной доли.

Нотариально удостоверенное и зарегистрированное в исполкоме местного Совета соглашение сособственников о пользовании обособленными помещениями в доме в соответствии с размерами идеальных долей приобретает обязательную силу для правопреемников (ст. 124 ГК).

Своеобразными объектами правоотношения общей долевой собственности являются общие части многоквартирного жилого дома, принадлежащего жилищно-строительному коллективу индивидуальных застройщиков. «Фундамент, крыша, лестничные клетки и другие части

[6] Некоторые авторы, комментирующие новый закон, допускают смешение понятий «реальная доля» и «реальная часть». С. И. Меерзон, например, пишет: «Если объектом общей долевой собственности является жилой дом, то возможно установление реальной доли в виде части дома. В этом случае вместо общей собственности возникает личная собственность на реальную часть дома — отдельную квартиру» (комментарий к ГК Казахской ССР, 1965, стр. 174).

Реальная доля как объект права пользования является понятием специфическим лишь для общей долевой собственности, тогда как выделение конкретной части имущества в индивидуальную собственность всегда сопровождается прекращением правоотношения общей долевой собственности на весь дом и возникновением индивидуальной собственности каждого из бывших собственников на выделенную реальную часть имущества.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

многоквартирного дома, которые обслуживают все квартиры, составляют общую собственность всех участников коллектива»[7].

В. Ф. Маслов считает, что «многоквартирные жилые дома, возведенные жилищно-строительным коллективом, принадлежат коллективу, то есть составляют общую собственность индивидуальных застройщиков... Каждый член жилищно-строительного коллектива является индивидуальным собственником отдельной квартиры и одновременно участником в общей собственности на дом в целом»[8].

В обоснование своей позиции автор не приводит каких-либо доводов, ограничиваясь ссылкой на Положения о жилищно-строительных коллективах, принятых в союзных республиках. Но из текста «Положения» вовсе не следует, что многоквартирный жилой дом, совместно построенный несколькими застройщиками, принадлежит им именно на праве общей долевой собственности. В пункте I «Положения» речь идет лишь о праве индивидуальной собственности каждого из созастройщиков на одну квартиру. Значит, на каждую из квартир в многоквартирном жилом доме жилищно-строительного коллектива индивидуальных застройщиков может распространяться лишь один правовой режим — режим индивидуальной собственности. Прямо определен в законе и правовой режим общих частей дома, построенного коллективом индивидуальных застройщиков (пункт 10 «Положения»). Земельный участок, на котором расположено жилое строение, может быть лишь объектом права пользования застройщиков, но не объектом их общей собственности. Таким образом, режим каждого из элементов единого архитектурно-строительного целого, выражающегося в понятии «жилой дом», четко определен в законе, поэтому и не может быть одного и того же правового режима общей долевой собственности для всего многоквартирного жилого дома жилищно-строительного коллектива индивидуальных застройщиков.

---

[7] Пункт 10 Положения о жилищно-строительных коллективах индивидуальных застройщиков, утвержденного постановлением Совета Министров РСФСР от 9 июля 1959, № 1184. (СП РСФСР 1959, № 9, ст. 77).

[8] В. Ф. Маслов. Основные проблемы права личной собственности в период строительства коммунизма в СССР. Изд-во Харьковского университета, 1968, стр. 193.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени КУЙБЫШЕВА

Том 219 Серия юридическая

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ДОГОВОРА НА ЭКСПЛУАТАЦИЮ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ПОДЪЕЗДНОГО ПУТИ

В. И. СУХИНИН

В большинстве случаев процесс перемещения грузов по железным дорогам зарождается и оканчивается на железнодорожных подъездных путях, которые приближают погрузку и выгрузку грузов к местам их производства и потребления. На этих путях производится 90% всех погрузочных работ и 80% работ по выгрузке[1].

Протяженность подъездных путей в стране составляет 77 тыс. км, а к 1975 г. она увеличится до 90—92 тыс. км[2]. О важном значении промышленного транспорта[3] в народном хозяйстве свидетельствует и тот факт, что на нем занят 1 млн. человек, а на погрузочно-разгрузочных работах 900 тыс. человек[4].

С целью улучшения технического содержания подъездных путей и сокращения их себестоимости в 1962 г. принято решение о передаче подъездных путей, не связанных с технологическими перевозками, в ведение железных дорог. В настоящее время в их подчинении находится подъездных путей протяженностью 16 тыс. км[5]. Стоимость содержания 1 км подъездного пути в г. Москве, после их передачи железной дороге, составила 1318 руб. в год, против 5600 руб. до передачи[6].

От нормальной работы подъездных путей и четкой, слаженной их работы с работой магистральных путей во многом зависит ритмичность грузовой работы как на тех, так и на других путях, маршрутизация перевозок. Четкость и быстрота выполнения погрузочно-разгрузочных работ на подъездных путях оказывает прямое воздействие на выполнение плана перевозок и эффективность работы магистрального транспорта. Своевременность выполнения этих операций влияет на оборот вагонов, а, следовательно, на эффективность их использования и на производительность подвижного состава. От повышения производительности вагона зависит своевременный вывоз готовой продукции со складов предприятий, а значит и выполнение плана по реализации продукции.

---

[1] См. «Гудок» 26 января 1968 года.

[2] Н. К. Левицкий. На уровень растущих требований («Железнодорожный транспорт», 1969, № 1, стр. 75).

[3] Понятие промышленного транспорта шире понятия «подъездные пути», так как сюда включаются и другие виды транспорта (подвижные канатные дороги и т. д.).

[4] Н. К. Левицкий. Указан. соч., стр. 75.

[5] См.: Г. В. Ферапонтов. К передаче подъездных путей железным дорогам («Железнодорожный транспорт», 1969, № 8, стр. 27 — 30).

[6] Там же.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Эти обстоятельства обусловливают необходимость координировать работу железных дорог и подъездных путей. Правовой формой такой координации является договор. Существует несколько разновидностей этого договора, опосредствующего отношения по эксплуатации подъездного пути.

Если подъездной путь принадлежит предприятию, организации, учреждению, то взаимоотношения железной дороги с владельцем подъездного пути опосредствуются договором на эксплуатацию подъездного пути (ст. 87 УЖД).

Если же подъездной путь принадлежит железной дороге, то в этом случае ее отношения с клиентами опосредствуются договором на подачу и уборку вагонов (ч. I ст. 90 УЖД). В зависимости от того, чьим локомотивом (железной дороги или владельца подъездного пути) обслуживается подъездной путь предприятия, организации, учреждения, различаются два вида договора на эксплуатацию подъездного пути:

1) договор на эксплуатацию железнодорожного подъездного пути при обслуживании локомотивом владельца подъездного пути;

2) договор на эксплуатацию железнодорожного подъездного пути при обслуживании локомотивом железной дороги.

Если к подъездным путям основного ветвевладельца (то есть владельца, подъездной путь которого непосредственно примыкает к железнодорожной станции МПС) примыкают подъездные пути других владельцев или на подъездных путях ветвевладельцев находятся склады других предприятий (собственные или арендованные) с отдельным фронтом погрузки и выгрузки грузов на этих путях и этот подъездной путь обслуживается локомотивом железной дороги, то между железной дорогой и каждым контрагентом заключается договор на подачу и уборку вагонов.

Если склады или погрузочно-разгрузочные площадки находятся на подъездном пути, принадлежащем дороге, то железная дорога с каждым из этих предприятий заключает договор на подачу и уборку вагонов [7].

Взаимоотношения железных дорог с владельцами подъездных путей довольно подробно исследованы в экономической литературе [8].

Вопросы правового регулирования этих отношений разработаны в юридической литературе недостаточно [9].

Проведение экономической реформы, внедрение новых форм организации работы на подъездных путях, утверждение МПС СССР новых

---

[7] См. § 7, 8 Правил эксплуатации железнодорожных подъездных путей, (Утв. МПС 16 декабря 1968 года). Сборник правил перевозок и тарифов. МПС, № 95, 1969.

[8] См.: Г. В. Ферапонтов. Железнодорожные подъездные пути необщего пользования. М., 1958 г.; Г. В. Ферапонтов. Эксплуатация железнодорожных подъездных путей. «Транспорт», М., 1966; В. П. Потапов, С. Ф. Маталасов. Грузовая и коммерческая работа железных дорог. «Транспорт», М., 1967.

[9] На эту тему в 1955 г. защищена диссертация (К. И. Александрова. Гражданско-правовые вопросы эксплуатации железнодорожных подъездных путей необщего пользования) и опубликовано несколько работ, главным образом статей (М. К. Александров-Дольник. Правовое регулирование эксплуатации железнодорожных подъездных путей необщего пользования. В сб. «Вопросы советского транспортного права», Госюриздат, М., 1957; И. В. Гуськова. Новое в правовом регулировании эксплуатации подъездных путей». «Ученые записки ВНИИСЗ», 3(2), 1964; И. Рукосуев. Эксплуатация железнодорожных подъездных путей. «Советская юстиция», 1964, № 1; Н. Н. Ширяев и Ю. А. Посудин. Споры по подъездным путям. М., 1962.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Правил эксплуатации подъездных путей[10] обусловливают необходимость дальнейшего исследования правовых отношений, возникающих в связи с осуществлением на подъездных путях ряда операций при перевозке грузов, изучение их правовой природы, более эффективного использования правовой формы для регулирования отношений по эксплуатации подъездных путей.

Прежде всего необходимо определить правовую природу договора на эксплуатацию подъездного пути[11], который заключается владельцами подъездных путей, выступающими в качестве участников грузоперевозочных отношений (грузоотправителей и грузополучателей) и подъездные пути обслуживаются локомотивом владельца этого пути.

Определить правовую природу того или иного гражданско-правового договора означает установить место, которое он занимает в существующей системе классификации договоров. При выяснении правовой природы договора на эксплуатацию подъездных путей нужно исходить из существующих между субъектами фактических связей и их правового опосредования этим договором. Изучение фактических связей между владельцем подъездного пути и железной дорогой и их юридического опосредования предполагает анализ экономической и организационно-правовой сторон этих связей.

Экономическая сторона рассматриваемых отношений включает оказание железной дорогой услуг владельцу подъездного пути в виде перемещения вагонов на подъездные пути для производства погрузочно-разгрузочных работ. Оказание этих услуг зависит от особенностей технологической работы как железнодорожной станции, так и подъездного пути. Поскольку у каждого подъездного пути и железнодорожной станции имеются свои особенности, которые невозможно предусмотреть нормативно, сторонам предоставляется право своим соглашением регламентировать процесс оказания этих услуг.

Порядок установления и содержание этого процесса характеризуют организационно-правовую сторону взаимоотношений владельцев подъездных путей и железных дорог. Она включает также и правовые основания возникновения обязанностей по производству той или иной операции по оказанию услуг. Выяснение правовых оснований возникновения названных обязанностей вызывается тем, что существует неразрывная, органическая связь этих отношений с перевозочными правоотношениями, которыми также опосредствуется оказание услуг в виде перемещения грузов по железным дорогам. В начальных и конечных моментах оказания этих услуг и возникают взаимоотношения (связи) железной дороги с владельцами подъездных путей. Эти связи и есть отношения по эксплуатации подъездного пути. Они возникают постольку, поскольку существуют перевозочные отношения, и они призваны их обслуживать, обеспечивать максимально эффективную реализацию последних. Связь отношений по эксплуатации подъездного пути с перевозочными отношениями находит свое отражение и выражение в условиях договора на эксплуатацию.

Поэтому для определения правовой природы договора эксплуатации необходимо исследовать связь условий этого договора с перевозочными отношениями.

При исследовании указанной связи представляется правильным исходить из того, что грузоперевозочные правоотношения образуют

---

[10] См. Сборник правил перевозок и тарифов МПС, № 95, 1969.
[11] В дальнейшем «договор эксплуатации».

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

единое структурно-сложное обязательство [12], состоящее из следующих групп относительно самостоятельных обязанностей:

а) обязанности, вытекающие из месячного плана перевозок;

б) обязанности грузоотправителя, вытекающие из совершаемого им принятия подвижного состава под погрузку;

в) обязанности железной дороги и грузоотправителя, вытекающие из договора железнодорожной перевозки;

г) обязанности грузоотправителя при принятии подвижного состава под выгрузку;

д) обязанности грузополучателя, вытекающие из совершаемого им принятия груза от железной дороги [13].

На каждой стадии перевозочного правоотношения стороны обладают определенным комплексом относительно самостоятельных прав и обязанностей. Исследование связи договора эксплуатации с каждой из стадий перевозочного обязательства дает возможность установить источник возникновения прав и обязанностей.

При определении правовой природы договора эксплуатации представляется более правильным исходить из сущности прав и обязанностей сторон [14]. Вопрос о критерии классификации договоров в гражданском праве полностью не решен и существует ряд точек зрения, рассматривать которые в настоящей статье представляется нецелесообразным [15].

Из месячного плана перевозок для железной дороги возникает обязанность предоставить конкретному грузоотправителю в установленный срок определенное количество перевозочных средств по родам грузов и дорогам назначения. Обязательство железной дорогой считается выполненным тогда, когда надлежащие перевозочные средства поданы под погрузку в установленные сроки.

Не случайно ряд авторов называет обязанность предоставить перевозочные средства обязанностью подать подвижной состав к местам погрузки [16].

Б. Л. Хаскельберг отмечает, что поскольку погрузка основной массы грузов производится на подъездных путях, правомерна характеристика обязанности железной дороги предоставить перевозочные средства как обязанности подачи вагонов под погрузку [17].

Квалификация обязанности железной дороги подать подвижной состав под погрузку как обязанности, вытекающей из плана перевозок,

---

[12] Хозяйственное право. «Юридическая литература», М., 1967, стр. 293.

[13] С. С. Алексеев. Гражданская ответственность за невыполнение плана железнодорожных перевозок грузов. М., 1954, стр. 35.

Положение о единстве обязательства железнодорожной перевозки не является бесспорным. Существует также противоположная точка зрения, согласно которой отношения железнодорожной грузовой перевозки опосредствуются двумя самостоятельными обязательствами: обязательством, которое возникает на основании плана перевозки и обязательством из договора перевозки. (См. М. А. Тарасов. Договор перевозки, 1965, стр. 63, 86; Р. О. Халфина. Правовое регулирование поставки продукции в народном хозяйстве. М., изд-во АН СССР, 1963, стр. 104 и сл. и др.).

[14] См.: Б. Л. Хаскельберг. Обязательство железнодорожной перевозки грузов по советскому праву. Автореферат докторской диссертации, 1969, стр. 13.

[15] См.: О. С. Иоффе. Советское гражданское право, ч. II, 1961, стр. 8.

К. К. Яичков. Договор перевозки и его виды в советском праве. (Сб. «Вопросы советского транспортного права», Госюриздат, М., 1957, стр. 284;

М. В. Гордон. Система договоров в советском гражданском праве. Ученые записки Харьковского юридического института, вып. 5, 1954, стр. 85.

[16] См.: М. А. Тарасов. Договор перевозки, 1965, стр. 73.

[17] См.: Б. Л. Хаскельберг. Обязательство железнодорожной перевозки грузов по советскому праву. Докторская диссертация. Томск, 1969, стр. 270.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

подтверждается ст. 144 УЖД, предусматривающей ответственность за невыполнение плана перевозок. В качестве оснований ответственности железной дороги за невыполнение плана перевозок в ст. 144 УЖД, в частности, называется «неподача железной дорогой вагонов».

Итак, обязанность подать вагоны под погрузку возникает из месячного плана перевозки.

Эта обязанность признается выполненной, когда вагоны поданы к месту производства погрузочных работ. Поэтому возникает необходимость определить место исполнения этой обязанности. Определение места исполнения важно и для наступления юридического факта принятия подвижного состава под погрузочные операции, так как из этого факта возникает у грузоотправителя обязанность загрузить вагоны. Обязанность производить погрузку подвижного состава на подъездных путях согласно ст. 45 УЖД возлагается на грузоотправителя, как участника перевозочного правоотношения[18]. Установлением места исполнения перевозочной обязанности по подаче перевозочных средств под погрузку определяется и место исполнения перевозочной обязанности грузоотправителя — предъявить груз к перевозке.

Инструментом определения места исполнения этих перевозочных обязанностей является договор эксплуатации. В силу того, что перемещение вагонов на подъездном пути производится локомотивом владельца этого пути, в договоре эксплуатации определяется не место непосредственной погрузки вагонов на подъездных путях (склад, эстакада и т. д.), а выставочные пути, то есть место, где производится передача вагонов, поданных железной дорогой, и их принятие владельцем подъездного пути под погрузку. Для выполнения обязанности по подаче вагонов под погрузочные операции необходимо определить календарное расписание погрузки, количество и вид вагонов, подлежащих подаче для погрузки в соответствии с календарным расписанием погрузки. В этих целях используется декадная заявка или заявки на более длительный срок, устанавливаемый начальником отделения дороги совместно с грузоотправителем (ст. 28 УЖД). Так, декадная заявка грузоотправителя является основанием для определения декадного задания начальника отделения дороги, которое устанавливает внутридекадные сроки погрузки. Этими актами еще не определяется порядок выполнения обязанностей на протяжении суток, не устанавливается, в какой час, сколько и какими партиями нужно подавать подвижной состав под погрузочно-разгрузочные операции.

В связи с этим предлагается указывать в декадных заявках не только дни подачи, но и часы подачи вагонов[19]. Однако представляется, что такое указание в декадной заявке не будет обеспечено реальной возможностью его выполнения, так как это зависит не только от специфики работы самого предприятия, но и от особенностей технологического процесса работы подъездного пути и станции примыкания. В то же время нет необходимости определять в декадной заявке точное время подачи подвижного состава, так как функцию дальнейшей конкретизации обязанностей сторон выполняет договор эксплуатации.

В договоре эксплуатации это достигается путем указания порядка подачи вагонов через определенные интервалы времени, по расписанию

---

[18] См.: А. Л. Маковский. Споры о простоях средств транспорта, 1963, стр. 38; Б. Л. Хаскельберг. Автореферат докторской диссертации, стр. 25.
[19] См.: М. А. Тарасов. Ук. соч., стр. 69.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

или по уведомлениям. Определение порядка подачи вагонов зависит от вагонооборота на подъездном пути [20].

В договоре эксплуатации устанавливается количество вагонов в единовременной передаче на подъездные пути. Это количество вагонов по весу брутто не должно превышать предельной нагрузки, допускаемой по нормам технической эксплуатации подъездного пути. Таким образом устанавливается способ исполнения перевозочной обязанности: сразу подавать все количество нужных (прибывших) вагонов под погрузку (выгрузку) на подъездной путь или отдельными партиями.

В договоре эксплуатации устанавливаются сроки нахождения вагонов на подъездных путях (сроки оборота вагонов).

В литературе не получил единообразного решения вопрос об основаниях возникновения обязанности произвести погрузочно-разгрузочные работы в установленный срок: является ли таким основанием договор эксплуатации или же иное основание.

М. К. Александров-Дольник считает эту обязанность элементом договора на эксплуатацию подъездных путей, так как «эти простои либо предшествуют договору перевозки, либо допускаются после его окончания» [21].

С этим утверждением нельзя согласиться, если то обстоятельство, что простои происходят до заключения договора перевозки, не означает, что обязанность выполнить погрузочно-разгрузочные работы в срок есть элемент договора эксплуатации. Нужно учесть то, что перевозочные отношения возникают до заключения договора перевозки, и в частности, обязанность погрузки возникает из плана и факта принятия подвижного состава под погрузку. Следовательно, она есть элемент перевозочного правоотношения. Простой перевозочных средств после окончания договора перевозки также не может произойти, так как разгрузка — это необходимый элемент исполнения договора перевозки [22].

Более верным представляется мнение, согласно которому обязанность погрузки и разгрузки есть элемент перевозочного правоотношения, что эта обязанность должна быть выполнена надлежащим образом, в частности, в срок, устанавливаемый в договоре на эксплуатацию [23]. Отсюда следует, что сроки выполнения погрузочно-разгрузочных работ есть элемент надлежащего исполнения обязанностей по погрузке и выгрузке субъектами перевозочного правоотношения [24], которые определяются в договоре эксплуатации. При обслуживании подъездного пути локомотивом ветвевладельца в договоре устанавливаются сроки оборота вагонов. Обязанность по соблюдению сроков есть элемент перевозочного правоотношения.

Если мы считаем, что обязанность производить погрузочно-разгрузочные работы (когда не установлен срок оборота вагонов) есть элемент перевозочного правостношения, а срок погрузки и выгрузки (когда не установлен срок оборота вагонов) есть элемент надлежащего исполнения этой обязанности, устанавливаемый в договоре на эскплуа-

---

[20] См. §§ 23—25 Правил эксплуатации железнодорожных подъездных путей.

[21] М. К. Александров-Дольник. Споры, вытекающие из правоотношений в железнодорожных грузовых операциях. Стр. 181.

[22] См.: М. А. Тарасов. Договор перевозки. 1965, стр. 230. См.: Б. Л. Хаскельберг. Ук. соч., стр. 8. Автор считает природу этой обязанности договорной.

[23] См.: А. Л. Маковский. Ук. соч., стр. 37—38.

[24] См.: Б. Л. Хаскельберг. Ук. соч., стр. 25.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

тацию, то и срок оборота вагонов также следует считать элементом надлежащего исполнения перевозочной обязанности по погрузке и выгрузке.

Обязанность произвести погрузочно-разгрузочные работы в срок иначе можно определить, как обязанность не задерживать свыше установленных сроков вагоны, поданные под погрузку или выгрузку[25], от изменения названия этой обязанности она не перестала быть элементом перевозочного правоотношения. Эта обязанность является элементом перевозочного правоотношения независимо от того, какой вид срока установлен. Сроки же, свыше которых грузоотправитель не должен задерживать вагоны под погрузочно-разгрузочными операциями, бывают 2-х видов:

а) сроки погрузки и выгрузки вагонов;

б) сроки оборота вагонов (включающие время на маневровые работы, на погрузку, разгрузку и др.).

Если не будет нарушен установленный в договоре эксплуатации срок производства погрузки (выгрузки), то обязанность не задерживать вагоны под этими операциями считается выполненной надлежащим образом. В зависимости от технологических особенностей подъездного пути в договоре эксплуатации устанавливается один из видов этих сроков и его продолжительность, который является элементом надлежащего исполнения обязанности не задерживать вагоны под погрузочно-разгрузочными операциями свыше установленных сроков.

В подтверждение того, что срок оборота вагонов есть элемент надлежащего исполнения названной обязанности, можно сослаться и на то, что по ст. 156 УЖД штраф взыскивается за нарушение любого из этих видов сроков, означающее, что обязанность не задерживать вагоны свыше установленных сроков выполнена не надлежащим образом.

Из договора эксплуатации не возникает обязанности возврата вагонов владельцем подъездного пути на выставочные пути. Возврат вагонов есть одна из ряда технических операций, производством которых выполняется перевозочная обязанность не задерживать вагоны на подъездных путях свыше установленных сроков. В договоре эксплуатации устанавливается лишь способ выполнения этой операции, который является элементом надлежащего исполнения указанной обязанности.

Итак, договор эксплуатации устанавливает место, срок, способ исполнения обязанностей, охватываемых обязательством перевозки, то есть элементы надлежащего исполнения этих обязанностей. Иначе говоря, договор эксплуатации выполняет функцию конкретизации прав и обязанностей, возникающих из перевозочных отношений.

Конкретизирующая[26] роль договора эксплуатации проявляется в том, что он дает конкретное содержание обязанности, возникшей из перевозочного отношения, точно устанавливает, в какое именно место, каким способом, в каком порядке подавать перевозочные средства для производства погрузочно-разгрузочных работ.

Отдельное перемещение железной дорогой подвижного состава под погрузочно-разгрузочные операции производится в силу того, что это было предписано планом или же представляет собой исполнение

---

[25] Это вытекает из ст. 156 УЖД.

[26] Слово конкретизация представляет собой «выражение в более наглядной, точной, конкретной форме, уточнение». (Словарь русского языка. М., 1958).

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

обязанностей из договора перевозки, но совершается это перемещение вагонов таким способом, в такое место, в таком порядке, которое определено договором эксплуатации.

Конкретизация договором эксплуатации обязанности, возникшей из плана перевозок, — есть своего рода изменение этой обязанности, которое выражается в установлении границ обязательного поведения железной дороги по подаче вагонов под погрузку, то есть обязанность по подаче вагонов из неопределенной во времени (в пределах суток), по месту и способу исполнения после заключения договора эксплуатации становится вполне определенной. После конкретизации содержание обязанности становится богаче и полнее за счет того, что она приобретает ранее неизвестные ей элементы и, следовательно, определяет более точно поведение обязанной стороны. Однако приобретение новых элементов не приводит к тому, что данное качественное состояние обязанности из перевозки перерождается в новое качественное состояние в обязанность из договора эксплуатации. Следовательно, обязанность, возникшая из плана перевозок, сохраняет свое основное содержание — подать вагоны для производства погрузочно-разгрузочных работ и после заключения договора эксплуатации, но она стала только лишь разносторонней по отношению к данным условиям, но не новой. Однако договор эксплуатации не только конкретизирует обязанности, вытекающие из плана перевозки, но и является основанием возникновения прав и обязанностей, которые устанавливаются путем свободного волеизъявления сторон. Он порождает обязанность у железной дороги: соблюдать установленный порядок подачи вагонов, применять установленный способ учета простоя вагонов, предоставить владельцу подъездного пути возможность организовать разметку вагонов на путях станции. Определенные обязанности, возникающие у владельца подъездного пути: вносить плату железной дороге за содержание ею земельного участка в полосе отвода, разработать и внедрить определенные мероприятия, направленные на сокращение оборота вагонов.

У обеих сторон возникает обязанность осматривать и передавать вагоны друг другу на выставочных путях.

Обязанность применять установленный способ учета простоя вагонов не влечет за собой выполнения самостоятельных, независимых действий по отношению к обязанностям из перевозки, а устанавливает прием (способ) учета выполнения перевозочной обязанности не задерживать вагоны на подъездных путях свыше установленных сроков.

Выполнение обязанности по соблюдению установленного порядка подачи подвижного состава под погрузочно-разгрузочные работы также не заключается в производстве самостоятельных материальных действий по перемещению вагонов под погрузочно-разгрузочные операции (эта обязанность — элемент перевозочного правоотношения), а представляет собой совершение действий по подаче вагонов в той последовательности, в какой это предусмотрено в договоре эксплуатации.

Следовательно, указанные обязанности, возникающие из договора эксплуатации, носят дополнительный, вспомогательный характер по отношению к перевозочным обязанностям и способствуют выполнению последних.

Поскольку эти обязанности, а, следовательно, и корреспондирующие им права появляются и существуют в связи с основными пра-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

вами и обязанностями, возникающими из перевозочных правоотношений, то они не могут определять сущности данного договора.

По вопросу о правовой природе договора на эксплуатацию подъездного пути в юридической литературе нет единства мнений.

М. К. Александров-Дольник считает, что договор на эксплуатацию подъездных путей есть договор об оказании услуг (в основном по подаче и уборке вагонов) и представляет собой разновидность договора подряда. Основное условие договора — это оказание услуги владельцу, владелец подъездного пути несет одну обязанность — произвести оплату за оказанные услуги [27].

К. И. Александрова рассматривает договор на эксплуатацию подъездных путей в качестве договора особого рода, поскольку основная обязанность по оказанию услуг «обрастает рядом обязанностей как с той, так и с другой стороны» [28].

Е. Д. Шешенин считает содержанием данного договора оказание услуг и относит его к разряду договоров по оказанию услуг [29].

Сравнительный анализ условий договора подряда и условий договора эксплуатации позволяет сделать вывод, что основное условие в договоре подряда — это производство работ, результаты которого принимают овеществленную форму [30].

В договоре же эксплуатации конкретизируются обязанности по оказанию услуг, полезный эффект которых «неотделим от того акта, в котором он производится» [31], устанавливается порядок оказания услуг, выражающихся в подаче (перемещении) вагонов к местам погрузки и выгрузки. Даже если и признать, что этот договор есть договор об оказании услуг, то, как правильно указывает К. И. Александрова, нельзя сводить обязанность железной дороги только к подаче вагонов, а ветвевладельца — к сбязанности оплаты оказанных услуг [32]. Когда выставочные пути находятся на железнодорожной станции МПС, плата за подачу вагонов на эти пути не взыскивается, то есть отсутствует существеннейшее условие договора подряда, что тоже не позволяет квалифицировать этот договор как договор подряда.

В пользу того, что договор эксплуатации не есть договор подряда, свидетельствует и то, что данные отношения регулируются нормами УЖД и при разрешении споров органы арбитража к этим отношениям не применяют норм ГК о подряде.

Как было уже установлено, из плана перевозок у железной дороги возникает обязанность подать вагоны под погрузку в места, определенные (установленные) договором эксплуатации, то есть обязанность оказать услугу в виде перемещения вагонов под погрузку на подъездные пути возникает из плана перевозок.

---

[27] М. К. Александров-Дольник. Правовое регулирование эксплуатации железнодорожных подъездных путей необщего пользования. (Сб. «Вопросы советского транспортного права», М., 1957, стр. 173).

[28] К. И. Александрова. Гражданско-правовые вопросы эксплуатации железнодорожных подъездных путей необщего пользования, автореферат диссертации, 1955, стр. 11.

[29] См.: Е. Д. Шешенин. Договоры хозяйственных услуг с участием транспортных организаций (Сборник ученых трудов, вып. 4, 1964, стр. 271, Свердловский юрид. институт).

[30] Там же, стр. 273.

[31] К. Маркс. Теория прибавочной стоимости, ч. 1, 1954, стр. 346.

[32] См. § 37 Прейскуранта № 10—01 Тарифного руководства № 1 (1967).

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Этот вывод позволяет не согласиться с утверждением, что обязанность оказать услуги в виде подачи вагонов под погрузку возникает из договора эксплуатации, является его основной обязанностью и что это дает возможность квалифицировать его как договор по оказанию услуг.

Из договора железнодорожной перевозки у железной дороги возникает обязанность доставить груз по назначению в установленные сроки. Груз считается доставленным в срок, если на станции назначения он выгружен железной дорогой или вагон с грузом **подан под выгрузку** средствами грузополучателя до истечения установленного срока доставки (ст. 57 УЖД). Поэтому местом исполнения договора перевозки, когда у грузополучателя имеются подъездные пути (так как в этом случае обязанность выгрузки грузов на этих путях, согласно ст. 45 УЖД, возлагается на грузополучателя), следует считать подъездной путь. Следовательно, обязанность оказания услуги в виде подачи вагонов под выгрузку на подъездной путь возникает из договора перевозки, а не из договора эксплуатации.

В исследуемых нами отношениях подъездной путь обслуживается локомотивом грузополучателя, поэтому необходимо установить место передачи вагонов на этот путь. Таким местом являются выставочные пути, которые определяются договором эксплуатации. Следовательно, подтверждается утверждение, что договор эксплуатации конкретизирует не только план перевозок, но и договор перевозки[33]. Договор эксплуатации предусматривает порядок и способ подачи вагонов под выгрузку на подъездные пути. Этим договором конкретизируется и такая обязанность из договора перевозки, как уведомление железной дорогой грузополучателя о прибывшем грузе. Конкретизация выражается в том, что устанавливается порядок и способ передачи уведомлений о прибывшем грузе.

К. И. Александрова также утверждает, что при нахождении выставочных путей в пределах станции местом исполнения договора перевозки является станция назначения, а если выставочные пути находятся на подъездных путях, то подъездной путь необщего пользования. Однако из этого утверждения нельзя точно установить место исполнения договора перевозки в границах этих пунктов. Поэтому представляется более точным утверждать, что местом исполнения договора перевозки являются выставочные пути, указанные в договоре эксплуатации, независимо от того, где они находятся.

Несколько иного мнения по вопросу о месте исполнения договора перевозки придерживается К. К. Яичков, считающий, что «когда... вагоны под выгрузку подаются на подъездной путь, то таким местом является место их разгрузки на подъездном пути»[34].

Для подъездного пути, обслуживаемого локомотивом владельца этого пути, это утверждение не приемлемо, так как до того, как подать вагоны непосредственно к месту разгрузки на подъездном пути, они уже были переданы железной дорогой на выставочных путях для производства разгрузки и этим самым обязанность железной дороги — доставить груз, вытекающая из договора перевозки, считается выполненной.

---

[33] См.: К. И. Александрова. Ук. соч., стр. 9.

[34] К. К. Яичков. Договор железнодорожной перевозки грузов по советскому праву. М., 1958, стр. 190.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Однако приведенное утверждение К. К. Яичкова совершенно правильно по отношению к подъездному пути, который обслуживается локомотивом железной дороги.

Итак, договор эксплуатации устанавливает элементы (место, порядок, способ) надлежащего исполнения отдельных обязанностей, возникающих из договора перевозки, но обязанность оказать услуги по подаче вагонов под разгрузку этим договором не порождается.

Существует также мнение, что договор на эксплуатацию подъездных путей «является особым видом договора об условиях рационального использования вагонов на подъездном пути ветвевладельца»[35].

Обязанность рационального использования вагонов есть обобщающее понятие таких обязанностей, как не задерживать вагоны на подъездных путях свыше установленных сроков, загружать вагоны до технических норм загрузки или полной грузоподъемности, не повреждать вагоны и т. д. Все эти обязанности являются элементами перевозочного правоотношения, которые возникают у грузоотправителя с момента принятия вагонов под погрузку или выгрузку[36]. В договоре эксплуатации действительно устанавливается срок оборота вагонов, как условие надлежащего исполнения обязанности (не задерживать вагоны на подъездных путях свыше установленных сроков), вытекающей из отношений перевозки. Но в этом договоре не устанавливаются условия о загрузке вагонов до технических норм или полной грузоподъемности, о бережном отношении к подвижному составу.

Поэтому едва ли можно, исходя только из того, что в этом договоре определяется условие выполнения одной из этих обязанностей, которая является элементом обобщающего понятия (рационально использовать вагоны), квалифицировать этот договор, как договор об условиях рационального использования вагонов на подъездных путях.

Следует согласиться с мнением К. И. Александровой, согласно которому договор эксплуатации является договором особого рода. Но сказать, что это договор «особого рода», еще недостаточно для определения правовой природы, необходимо указать место этого договора в договорной системе.

Между железной дорогой и владельцем подъездного пути существуют имущественные грузоперевозочные отношения. В начальных и конечных моментах перевозочного процесса сторонам необходимо организовать выполнение грузоперевозочных обязанностей. Поэтому между ними возникают определенные отношения (социальные связи), которые направлены на организацию выполнения имущественных перевозочных отношений. Это есть организационные отношения, так как они построены на началах координации и направлены на упорядочение (нормализацию) иных общественных отношений[37]. Поскольку эти отношения основаны на началах равенства их участников, к ним должен применяться метод гражданско-правового регулирования. Это и находит свое выражение в том, что правовой формой, опосредствующей эти отношения, является договор эксплуатации. Упорядочение имущественных отношений с помощью организационных отношений

---

[35] Комментарий к УЖД (под ред. Г. Б. Астановского). Госюриздат, М., 1966., стр. 137.

[36] См.: С. С. Алексеев. Ук. соч., стр. 38.

[37] См.: О. А. Красавчиков. Гражданские организационно-правовые отношения. «Советское государство и право», 1966, № 10, стр. 56.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

выражается в организованности, установлении (нормализации) процесса по передаче имущества, оказанию услуг, выполнению работ и т. д.[38].

Связь условий договора эксплуатации между собой, а также с отношениями, возникающими из перевозки грузов, свидетельствует о том, что этот договор упорядочивает начальные и конечные моменты перевозочных отношений путем установления места, срока, способа, порядка их исполнения, то есть устанавливает процесс, в котором протекает развитие начальных и конечных моментов имущественно-правовых перевозочных отношений.

Следовательно, из этого договора возникают обязанности по соблюдению установленного договором процесса выполнения перевозочных обязанностей, и это позволяет квалифицировать договор эксплуатации **как организационный договор.**

Содержанием обязанности по соблюдению этого процесса являются действия «нематериального характера». Их нельзя отделить от имущественных перевозочных обязанностей, так как они составляют определенную сторону (организационную) этих обязанностей. Без установления процесса выполнения этих действий они не могут быть выполнены, так как процесс их выполнения — это их форма жизни в динамике при данных условиях. Это есть рамки, в которых происходит дальнейшее развитие перевозочных отношений в начальный и конечный периоды перевозочного процесса, после того как они были конкретизированы декадным заданием.

Обязанность соблюсти место, способ, порядок подачи вагонов под погрузочно-разгрузочные операции возникает из договора эксплуатации. Обязанность подать вагоны под погрузочно-разгрузочные операции — из перевозочных правоотношений. Эта обязанность исполняется надлежащим образом, если вагоны поданы в место, способом, в порядке, установленном договором эксплуатации, так как это есть элементы надлежащего исполнения перевозочной обязанности. Исполнить обязанность по подаче вагонов надлежащим образом означает исполнить в той форме, которая установлена договором эксплуатации.

Следовательно, исполнение перевозочных обязанностей надлежащим образом — есть вместе с тем исполнение и обязанностей из договора эксплуатации. Как правило (иногда бывают исключения), нарушение какого-либо элемента, установленного процесса выполнения перевозочных обязанностей неизбежно влечет за собой невыполнение перевозочных обязанностей, являющееся основанием ответственности за нарушение перевозочного обязательства. Этим и объясняется то, что ни в УЖД, ни в типовом договоре на эксплуатацию не предусматривается самостоятельная ответственность за нарушение условий договора эксплуатации.

---

[38] Там же, стр. 5.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 219 Серия юридическая

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ
(по материалам Алтайского края)

П. С. ДРУЖКОВ

1. В деятельности юрисдикционных органов Алтайского края встречаются вопросы подведомственности, имеющие теоретическое и практическое значение. В этой связи прежде всего следует сказать о некоторых жилищных спорах.

2. Исполком районного Совета депутатов трудящихся выдал Вирич Г. П. ордер на однокомнатную квартиру. К моменту выдачи ордера дом еще не был отделан. По договоренности с владельцем дома каждый наниматель должен был принять участие в работе по отделке своей квартиры. Ввиду тяжелой болезни жены Вирич Г. П. не приступил к означенной работе и не занял квартиру. Одновременно он просил предоставить другую жилую площадь. При таких обстоятельствах райисполком аннулировал ордер и поселил в указанное жилое помещение другое лицо. Не соглашаясь с аннулированием ордера, Вирич Г. П. подал жалобу в вышестоящий орган[1].

Имел ли право райисполком аннулировать ордер? В нормативных актах ответа на данный вопрос не содержится. Ч. III ст. 296 ГК РСФСР регулирует только вопрос о подведомственности признания ордера недействительным[2] как выданного с нарушением установленного законом порядка. Между тем, как видно из приведенного примера, в практике иногда требуется признать ордер недействительным по иным, не предусмотренным в ч. III ст. 296 ГК РСФСР основаниям. На практике аннулирование ордера до вселения в квартиру осуществляется исполкомом районного (городского) Совета депутатов трудящихся. В литературе обосновывается как судебная, так и административная подведомственность указанных споров. Думается, что точка зрения, согласно которой ордер должен аннулироваться судом, является правильной. Все авторы, высказывающиеся по данному вопросу, подведомственность этих споров ставят в зависимость от момента, с которого возникает жилищное правоотношение.

Сторонники административного порядка полагают, что жилищное правоотношение возникает с момента вселения в квартиру по ордеру[3],

---

[1] Архив прокуратуры Угловского района Алтайского края, материал № 6—429 за 1969 г.

[2] Слова «аннулирование» и «признание недействительным» — синонимы (З. Е. Александрова. Словарь синонимов русского языка. Изд-во «Советская энциклопедия», 1968, стр. 331).

[3] В. Ф. Чигир. Советское жилищное право. Минск, 1968, стр. 48—55 и др.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

либо с получением ордера, вселением и заключением договора[4]. Авторы, отстаивающие судебную подведомственность таких споров, считают моментом возникновения жилищного правоотношения получение ордера[5]. Выявление данного момента имеет значение для установления подведомственности, поскольку к спорам, возникающим из жилищных правоотношений, применяется правило ст. 4 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик[6].

По нашему мнению, получение ордера образует юридический факт, порождающий жилищное правоотношение между ордеродержателем и домоуправлением, содержанием которого является субъективное жилищное право. Согласно ч. II ст. 296 ГК РСФСР, ордер предоставляет право на занятие жилого помещения. Это означает, что ордеродержатель приобретает субъективное право на помещение, указанное в ордере. Названное право гражданина, как и всякое другое, в случае его нарушения или оспаривания подлежит защите. Договором оформляется пользование жилым помещением (ч. I ст. 56 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик). В нем права и обязанности сторон жилищного правоотношения получают известную конкретизацию. Домоуправление обязано заключить с ордеродержателем договор жилищного найма. Означенная обязанность вытекает из жилищного правоотношения, так как домоуправление и гражданин выступают как равные субъекты.

В законе не сказано, что подведомственность спора о признании ордера недействительным зависит от того, вселился или не вселился гражданин в предоставленное ему помещение и заключен ли им договор жилищного найма.

Дела о признании ордера недействительным относятся к исковому производству, поскольку при их разбирательстве не применяются установленные законом изъятия из общих правил судопроизводства. Такие изъятия распространяются на гражданские дела административно-правового и особого производства, исчерпывающие перечни которых содержатся в ст. ст. 231 и 245 ГПК РСФСР. Дела о признании ордера недействительным в этих статьях не значатся. Поскольку дела о признании ордера недействительным относятся к исковому производству, они не могут вытекать из административных правоотношений. Указанный вывод следует из того, что согласно ст. 1 Основ исковое производство образуют дела, возникающие из гражданских, семейных, трудовых и колхозных правоотношений. Таким образом, выдача ордера является моментом, конститутивным для жилищного правоотношения.

Судебная подведомственность споров об аннулировании ордера обосновывается также соображениями практического характера. При рассмотрении указанных дел судом деятельность исполкомов местных Советов депутатов трудящихся по выдаче ордеров была бы поставлена под контроль нейтрального по отношению к сторонам органа. Такой контроль необходим, так как в практике встречаются злоупотребления в этом деле со стороны отдельных работников исполкомов местных Советов депутатов трудящихся.

---

[4] Э. Я. Лаасик. Возникновение жилищного правоотношения по гражданскому кодексу Эстонской ССР. Ученые записки Тартуского государственного университета, труды по правоведению, IV, 1966, стр. 76; Р. Е. Гукасян. Рассмотрение судами жилищных дел. Изд-во Саратовского университета, 1966. стр. 11 и др.

[5] Ю. Г. Басин. Вопросы советского жилищного права. Алма-Ата, 1963, стр. 31 и др.

[6] В дальнейшем — Основы.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

В целях совершенствования законодательства, регламентирующего подведомственность дел об аннулировании ордера до заключения договора жилищного найма или вселения в жилое помещение, целесообразно указать в ч. III ст. 296 ГК РСФСР, что ордер признается недействительным (аннулируется) судом во всех случаях.

3. В практике неясна подведомственность исков о выселении собственников и нанимателей из домов, угрожающих обвалом, принадлежащих гражданам на праве личной собственности. Дудко С. Н. занимал по договору найма помещение в доме, принадлежащем на праве личной собственности Палохину П. Д. В связи с тем, что дом угрожал обвалом и нуждался в капитальном ремонте, его собственник обратился в суд с иском о выселении Дудко С. Н. Определением народного суда Железнодорожного района г. Барнаула Палохину П. Д. в приеме искового заявления было отказано по мотивам неподведомственности. В кассационном порядке дело не рассматривалось. Президиум Алтайского краевого суда, рассмотрев протест прокурора, оставил определение в силе[7]. Упомянутое дело с точки зрения подведомственности имеет принципиальное значение. Ст. 63 Основ гражданского законодательства, регулирующая подведомственность споров о выселении из домов, грозящих обвалом, предусматривает, что из таких домов подлежат выселению в административном порядке наниматели. В этой статье не указано, охватываются ли данной нормой наниматели, проживающие в домах, принадлежащих гражданам на праве личной собственности, и не отмечено, в каком порядке выселяются собственники домов, угрожающих обвалом. Это порождает неясности в практике правоприменительной деятельности. В печати одни[8] авторы считают правильным судебный порядок выселения в означенных случаях, другие[9] — административный. Верховный суд СССР в данном вопросе занимает непоследовательную позицию. Если по иску Айзиной к Гущину о выселении из дома, грозящего обвалом, принадлежащего гражданину на праве личной собственности, Верховный Суд СССР пришел к выводу об административной подведомственности[10], то по делу о выселении Карпович по аналогичному основанию тот же суд высказался в пользу судебной подведомственности[11].

Представляется правильным в этом случае административный порядок выселения. Но при его обосновании нельзя исходить из того, что закон не обеспечивает жилой площадью названных лиц, как это иногда делается в литературе[12]. Право таких лиц на обеспечение жилой площадью является спорным. Во-первых, в ч. I ст. 337 ГК РСФСР не упоминаются собственники домов, во-вторых, ст. 331 ГК РСФСР имеет в виду лишь нанимателей, проживающих в доме местного Совета депутатов трудящихся или доме государственной, кооперативной или общественной организации. Кроме того, вопросы предоставления жилой площади и подведомственности носят самостоятельный характер и не зависят друг от друга. Закон знает судебное и административное выселение как с предоставлением, так и без предоставления жилого помещения.

---

[7] Постановление президиума Алтайского краевого суда № 44—277 от 19 декабря 1968 г.

[8] Ю. К. Толстой. Советское жилищное право. Изд-во Ленинградского университета, 1967, стр. 207 и др.

[9] В. Ф. Чигир. Указанная работа, стр. 193—194 и др.

[10] «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1951, № 4, стр. 43—44.

[11] «Социалистическая законность», 1954, № 10, стр. 87.

[12] В. Ф. Чигир. Указанная работа, стр. 193—194.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

При определении подведомственности этих споров нужно исходить из сущности административного выселения. Административное выселение, осуществляемое по постановлению прокурора, в отличие от судебного, содержит меньше гарантий законности рассмотрения спора. Поэтому случаи административного выселения, являясь исключением из правила ст. 4 Основ, не могут толковаться расширительно. Поскольку в ст. 63 Основ гражданского законодательства собственники домов не названы, они и не могут быть выселены в административном порядке из домов, угрожающих обвалом. Однако такое решение в законе вопроса о подведомственности не может быть признано удачным. Вследствие угрозы обвала дома гражданину, проживающему в нем, угрожает увечье либо смерть. Эта угроза не становится менее реальной от того, что гражданин владеет домом на праве личной собственности. Выселение из него должно быть немедленным. Такое выселение возможно только в административном порядке. Квартиры указанным лицам обязаны предоставлять местные органы власти. Это вытекает из единства интересов личности и государства в нашем обществе. Граждане в таких случаях, во-первых, остро нуждаются в жилой площади, во-вторых, из ведомственного фонда они могут ее не получить, например, ввиду того, что не находятся в трудовых отношениях с каким-либо предприятием (учреждением) или по основаниям фактической невозможности предоставить им ведомственную квартиру.

В связи с изложенным необходимо предусмотреть в ст. 63 Основ гражданского законодательства, что собственники из домов, угрожающих обвалом, подлежат выселению в административном порядке. Поскольку наниматели названы в ст. 63 Основ гражданского законодательства, они подлежат выселению по постановлению прокурора. Правда, в ней не сказано, наниматели каких домов имеются в виду. Последнее обстоятельство и порождает разноречивую практику. В целях устранения такого положения предлагается дополнить постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по гражданским жилищным делам»[13] пунктом, предусматривающим административное выселение из домов, угрожающих обвалом, всех нанимателей независимо от того, к какому жилищному фонду относится дом.

4. Согласно ст. 63 Основ гражданского законодательства в административном порядке подлежат выселению лица, самоуправно занявшие помещение. Между тем закон понятия самоуправного занятия жилого помещения не дает. Этим обстоятельством объясняется отсутствие единства в практике при установлении подведомственности данной категории споров.

Одни суды и горрайпрокуратуры Алтайского края исходят из широкого понятия самоуправного занятия помещения. Согласно этой точке зрения всякое занятие жилого помещения без ордера признается самоуправным[14]. Под такое понятие подпадают случаи занятия жилого помещения: с согласия нанимателя, с разрешения лиц, полномочных распоряжаться данной жилой площадью (администрации, местного комитета и т. д.), а также занятие нанимателем освободившейся в квартире комнаты, не изолированной от занимаемого им жилого помещения

---

[13] «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 3, стр. 22.

[14] Такая практика имеет поддержку в литературе (А. И. Мальгинова, П. Г. Соловьев. Договор жилищного найма и жилищные права граждан. М., 1951, стр. 49; В. Р. Скрипко, И. Б. Марткович, П. Г. Соловьев. Жилищное законодательство в СССР и РСФСР». М., 1965, стр. 207 и др.).

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

и смежной с ним[15]. Супруги Кононовы в 1964 г. поселили на принадлежащую им жилплощадь Петрову для осуществления ухода за малолетним ребенком. В октябре 1965 г. Кононовы из квартиры выехали, оставив проживать в ней Петрову. Народный суд Железнодорожного района г. Барнаула по иску владельца жилой площади Петрову из квартиры выселил, как временного жильца. Решение народного суда было отменено судебной коллегией по гражданским делам Алтайского краевого суда и дело прекращено производством по мотивам неподведомственности, поскольку, по мнению коллегии, Петрова заняла помещение самоуправно. Протест прокурора по делу отклонен президиумом того же суда[16].

Другие суды и горрайпрокуратуры Алтайского края понятие самоуправного занятия жилой площади толкуют в узком смысле. Они полагают, что нет самоуправного занятия жилого помещения даже в случаях, когда квартира занята с разрешения должностных лиц либо органов, не полномочных ею распоряжаться[17].

С приведенными точками зрения по поводу понятия самоуправного занятия жилого помещения согласиться нельзя. Слово «самоуправство» означает применение личного произвола, своеволие, нарушение законного порядка при разрешении каких-нибудь правовых вопросов[18]. Самоуправное вселение является грубым нарушением норм права и морали. Действия по самоуправному занятию жилого помещения могут быть только умышленными. Гражданин при этом сознательно избирает незаконный путь решения жилищного вопроса. Когда же, например, работник занимает квартиру, принадлежащую данной организации, по указанию ее руководителя, то он не считает свои действия самоуправными. Другое дело, если разрешение на занятие жилого помещения дано лицом, не полномочным распоряжаться этой жилой площадью. Гражданин, зная о том, что должностное лицо не вправе было распоряжаться данной жилой площадью и тем не менее занимает ее, становится соучастником незаконных (самоуправных) действий. Однако и в таком случае надо учитывать, что иногда между организациями существует спор по поводу принадлежности той или иной жилплощади. Если работник об этом знает и занимает жилую площадь по указанию лиц, считающих, что они полномочны ею распорядиться, то такое занятие нельзя рассматривать как самоуправное. Когда работник занимает квартиру по распоряжению лиц, полномочных распоряжаться данной жилой площадью, он подчиняется законному способу решения жилищного вопроса. Отсутствие при этом ордера не может быть поставлено ему в вину, ибо обязанность надлежащего оформления предоставления жилой площади лежит на владельце жилой площади. Данный вывод следует из того, что поскольку согласно ч. 1 ст. 56 Основ гражданского законодательства жилая площадь предоставляется указанными в ней органами, последние и должны позаботиться о надлежащем оформлении своего решения. Возможность такой ситуации, когда занятие квартиры без ордера не содержит признаков самоуправства, признавалось в обзоре Верховного Суда РСФСР по делам о выселении от

[15] См., например, архив прокуратуры Железнодорожного района г. Барнаула, материал № 30 и № 35 за 1969 г.

[16] «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1966, № 11, стр. 5.

[17] Архив прокуратуры Центрального района г. Барнаула, материал № 17 за 1969 г.; архив народного суда Центрального района г. Барнаула, 1969, дело № 33—477 и др.

[18] «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, т. IV, М., 1940, стр. 43.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

14 мая 1966 года, доведенном до сведения судов республики. Как сказано в обзоре, факт отсутствия ордера не всегда свидетельствует о самоуправстве вселившегося, который может заблуждаться относительно полномочий лица, предоставившего ему жилплощадь[19].

В силу ст. 323 ГК РСФСР временные жильцы вселяются на жилую площадь с согласия нанимателя и выселяются с нее в судебном порядке. Поэтому их нельзя считать лицами, самоуправно занявшими жилое помещение.

Согласно ч. VI ст. 316 ГК РСФСР, если в квартире, в которой проживает наниматель, освободилась комната, не изолированная от занимаемого им жилого помещения и смежная с ним, эта комната подлежит передаче в его пользование. При этих условиях занятие нанимателем такой комнаты может означать лишь нарушение им порядка оформления представленного ему законом субъективного права на освободившуюся жилую площадь, а не самоуправство. Самоуправство не может быть основано на законе. Более того, действующий закон направлен против случаев самоуправного занятия жилой площади. Статья же 316 ГК РСФСР предоставляет право гражданину занять комнату.

Отстаиваемая позиция по вопросу о понятии самоуправного занятия жилой площади находит поддержку в практике и в литературе[20]. Петрусенко В. П., не имея ордера, занял квартиру на основании совместного постановления администрации и построечного комитета домостроительного комбината. Спорная жилая площадь принадлежала домостроительному комбинату. Прокурор Октябрьского района г. Барнаула отказал в санкции на административное выселение Петрусенко В. П.[21].

В связи с изложенным целесообразно в ст. 63 Основ гражданского законодательства указать, что самоуправным признается занятие помещения по мотивам, не основанным на законе, а равно без какого-либо разрешения лиц, полномочных им распоряжаться, или без согласия нанимателя.

5. Большое значение имеет установление подведомственности дел с участием колхозов. Между Алтайским производственно-территориальным управлением «Вторчермет» и колхозом имени Н. К. Крупской Топчихинского района при заключении договора на сдачу вторичных черных металлов возник спор по поводу количества подлежащего поставке металлолома. Народный суд отказал управлению «Вторчермет» в приеме искового заявления по мотивам неподведомственности спора[22]. Отказ в приеме искового заявления представляется обоснованным.

Основанием заключения договора на сдачу металлолома служит план сдачи (заготовки)[23]. Последний составляется для каждого ломо-

---

[19] К сожалению, впоследствии Верховный Суд РСФСР в обзоре от 31 октября 1968 г. «Об итогах обобщения судебной практики по делам о выселении нанимателей с предоставлением жилой площади», также доведенном до сведения судов, отказался от этой правильной позиции и выразил новую, согласно которой занятие жилой площади без ордера рассматривается как самоуправное.

[20] В. Белолипецкий. Охрана жилищных прав граждан. «Советская юстиция», 1967, № 1, стр. 8 и др.

[21] Архив прокуратуры Октябрьского района г. Барнаула, материал № 23—6 за 1969 г. См. также архив прокуратуры Центрального района г. Барнаула, материал № 9 за 1969 г. и др.

[22] Архив народного суда Топчихинского района Алтайского края, определение от 20 марта 1969 г.

[23] П. 2 Особых условий сдачи и поставки лома и отходов черных и цветных металлов, утвержденных постановлением Государственного арбитража при Совете

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

сдатчика соответствующим органом государственного управления (фондодержателем) в порядке распределения фонда. Фонды же устанавливаются один раз в год Госпланом РСФСР, «Главснабсбытом» РСФСР и другими центральными организациями[24].

Колхозам Алтайского края план сдачи металлолома устанавливается крайисполкомом в соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР от 26 ноября 1960 г. «О мерах по вовлечению дополнительных ресурсов лома черных и цветных металлов в народное хозяйство и по улучшению его переработки и использования»[25]. Установленный для них план поставки в необходимых случаях может быть изменен фондодержателем не позднее, чем за 50 дней до начала периода поставки (квартала, месяца)[26]. Упомянутое изменение плана возможно лишь за счет его перераспределения между поставщиками, так как фондодержатель не вправе увеличивать или уменьшать фонд. Каких-либо иных путей изменения плана поставки металлолома нормативные акты не предусматривают. Следовательно, вопрос о количестве металлолома, подлежащего сдаче, разрешается в административном порядке планово-регулирующими органами.

Органы арбитража не могут принимать к рассмотрению такие иски, так как количество подлежащей поставке продукции определяется плановым актом (п. 27 Положения о поставках продукции производственно-технического назначения). Названные споры с участием колхоза арбитраж не полномочен рассматривать и в силу прямых предписаний, содержащихся в нормах права[27].

Разногласия по количеству металлолома, возникающие при заключении договора поставки, не являются преддоговорными спорами, относящимися к ведению арбитража. Преддоговорные споры, разбираемые арбитражем, возникают только из гражданских правоотношений. Что касается споров между ломосдатчиками и организациями «Вторчермета», то они вытекают из административных правоотношений. Организации «Вторчермет» являются снабженческо-сбытовыми. В их компетенцию входит принятие металлолома от ломосдатчиков и поставка его покупателям в соответствии с плановыми административными актами. Деятельность органов «Вторчермета» связана с имущественными операциями, происходящими в сфере управления. Такие отношения в печати правильно относят к составу организационных (административных)[28].

(Окончание. Нач. сноски на стр. 116).

Министров СССР от 16 марта 1960 г. («Положения о поставках продукции и товаров. Инструкции о порядке приемки по количеству и по качеству. Особые условия поставки». Изд-во «Юридическая литература», 1965, стр. 461).

[24] См., например, постановление Совета Министров РСФСР от 17 марта 1966 г. «О порядке планирования, распределения и реализации материальных ресурсов в РСФСР» (СП РСФСР, 1966, № 10, ст. 44).

[25] «Систематическое собрание законов РСФСР, Указов Президиума Верховного Совета РСФСР и решений правительства РСФСР», т. 3, изд-во «Юридическая литература», 1969, стр. 342.

[26] П. 8 Положения о поставках продукции производственно-технического назначения, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 9 апреля 1969 г. (СП СССР, 1969, № 11, ст. 64).

[27] См., например, п. 7 Положения о Государственных арбитражах при Советах Министров автономных республик, исполнительных комитетах краевых, областных и городских (гг. Москвы и Ленинграда) Советов депутатов трудящихся РСФСР, утвержденного постановлением Совета Министров РСФСР от 3 декабря 1960 г. (СП РСФСР, 1960, № 42, ст. 206).

[28] М. М. Агарков. Предмет и система советского гражданского права. «Советское государство и право», 1940, № 8—9, стр. 61; С. Н. Братусь. Предмет и система советского гражданского права. Госюриздат, 1963, стр. 43, 61, 64.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Споры, возникающие из административных правоотношений, по общему правилу не рассматриваются и судами. В силу ст. 6 Основ гражданского законодательства суд их может разбирать лишь в случае прямого указания в законе. Указаний же относительно подведомственности суду упомянутых споров закон не содержит.

Приведенный спор с участием колхоза только частный случай. В связи с ростом экономики колхозов возникают споры с их участием при заключении договоров: контрактации, комиссии сельскохозяйственных продуктов, на материально - техническое снабжение, строительные и мелиоративные работы и электрификацию. По вышеназванным соображениям эти споры разрешаются в административном порядке. Однако их подведомственность со временем может измениться. В свете экономической реформы, осуществляемой в соответствии с решениями сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, в отношения колхозов с государственными организациями, возникающие при заключении означенных договоров, все больше проникают элементы, характерные для гражданских правоотношений. Названная тенденция применительно к заключению договора закупок сельскохозяйственных продуктов выражена в материалах мартовского Пленума Центрального Комитета КПСС 1965 г.[29] и принятом на их основе Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1 апреля 1965 г. «О плане закупок сельскохозяйственных продуктов на 1966—1970 годы»[30], содержащих указания при закупках сельскохозяйственных продуктов: производить сверхплановые закупки излишков пшеницы и ржи на добровольных началах; расширять прямые связи колхозов с промышленными предприятиями и торговыми организациями; учитывать рентабельность хозяйств и т. д. Видимо, эта тенденция сохранится и в дальнейшем. Поэтому можно предполагать, что упомянутые споры в будущем станут гражданскоправовыми, характеризующимися, как известно, равенством сторон и действием закона стоимости. В этом случае их подведомственность будет судебная.

6. При рассмотрении дел особого производства судами не всегда верно применяется п. 3 ст. 247 ГПК РСФСР. Народный суд Октябрьского района г. Барнаула установил, что супруги Ноздрачевы в 1920 г. усыновили (удочерили) гражданку Олькову. Решение народного суда Ольковой было необходимо для получения свидетельства о наследовании дома, оставшегося после смерти Ноздрачевых. В кассационном порядке дело не рассматривалось. Президиум краевого суда, отменив решение народного суда и прекратив производство по делу, указал, что суд не вправе был устанавливать данный факт, поскольку в 1920 г. усыновление запрещалось[31].

С постановлением президиума трудно согласиться. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г., применявшийся в 1920 г., действительно не предусматривал усыновление. Однако декретом ВЦИК и СНК от 1 марта 1926 г. «Об изменениях кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве»[32] в названный кодекс были включены статьи, предусматривающие усыновление (183[1]—183[9]). Наряду с этим декрет придал правовую силу всем фактическим усыновле-

[29] «Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза 24—26 марта. Стенографический отчет», изд-во «Политическая литература», 1965, стр. 178.

[30] СП СССР, 1965, № 8—9, стр. 58.

[31] Постановление президиума Алтайского краевого суда № 44г—43 от 16 марта 1967 г.

[32] СУ РСФСР, 1926, № 13, ст. 101.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ниям, имевшим место в тот период, когда закон не предусматривал данного института. В примечании к ст. 183[6] кодекса в редакции декрета говорилось, что действие настоящей статьи распространяется на всех лиц, усыновленных, а также являющихся приемными или приймаками ко времени вступления в силу настоящего постановления. Согласно разъяснению Верховного Суда РСФСР от 1 февраля 1926 г. (дано в тот период, когда усыновление законом запрещалось) усыновленные приравниваются к детям по происхождению[33].

Перечень ст. 247 ГПК РСФСР примерный, поскольку в п. 10 последней сказано, что суд вправе устанавливать и другие факты, имеющие юридическое значение, если законодательством не предусмотрен иной порядок их установления. Судья не вправе отказывать в принятии заявлений об установлении фактов усыновления, произведенных в период с 11 октября 1918 г. по 21 марта 1926 г. (когда усыновление законом запрещалось), так как это лишило бы гражданина права на пенсию, наследство. Поэтому факты усыновления (удочерения), совершенные в указанный период, являются юридическими. Несудебный же порядок их установления законом не предусмотрен. Таким образом, путем толкования закона можно сделать вывод о судебной подведомственности названных дел[34]. Но изложенный способ определения подведомственности неудобен и порождает ошибки в практике. В связи с этим нужно уточнить редакцию п. 3 ст. 247 ГПК РСФСР.Его следовало бы сформулировать примерно так: «3) факта регистрации рождения, усыновления (в отношении усыновлений, совершенных в период, когда они законом запрещались — самого факта усыновления), брака, развода и смерти».

---

[33] «Сборник разъяснений Верховного Суда РСФСР», изд-во «Советское законодательство», 1935, стр. 136.

[34] Подобная точка зрения высказывается в литературе (А. И. Перг а м е н т. Судебная практика по вопросам семейного права. «Научный комментарий судебной практики по гражданским делам», Госюриздат, 1959, стр. 69—70; ее же. Опека и попечительство, изд-во «Юридическая литература», 1966.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 219 Серия юридическая

ПОРЯДОК ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ВНЕСУДЕБНОГО РАЗРЕШЕНИЯ СПОРА

П. С. ДРУЖКОВ

Гражданские дела обычно непосредственно подведомственны суду. Однако в ряде случаев судебная подведомственность таких дел опосредствована порядком предварительного внесудебного разрешения спора (п. 2 ст. 31 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик)[1]. Порядок предварительного внесудебного разрешения спора предполагает: во-первых, рассмотрение дела указанными в законе органами, во-вторых, соблюдение определенной последовательности такого рассмотрения. Все категории гражданских дел, по которым применяется названный порядок, по числу органов, его составляющих, можно разбить на две группы.

В первую группу (один государственный или общественный орган) входят дела: о первенстве на рационализаторские предложения (п. 55 Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 24 апреля 1959 г.)[2]; по жалобам граждан на неправильности в списках избирателей (ст. 23 Положения о выборах в Верховный Совет СССР)[3]; о взыскании с граждан штрафа в административном порядке (п. 18 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 г. «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке»)[4]; о взыскании с граждан ущерба по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1955 г. «Об ответственности за потравы посевов в колхозах и совхозах»[5].

Вторую группу (два государственных или общественных органа) образуют дела по спорам: трудовым (п. 1 Положения о порядке рассмотрения трудовых споров, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 января 1957 г.)[6]; изобретателей и рационализаторов, касающимся размера, порядка начисления и сроков выплаты вознаграждения за изобретения и рационализаторские предложения (п. 19 Положения от 24 апреля 1959 г.); о возмещении ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, связанным с работой (п. I Указа Президиума Верховного Совета СССР от

---

[1] В дальнейшем — Основы.
[2] СП СССР, 1959, № 9, ст. 59.
[3] «Сборник законов СССР 1938—1967», т. 1, М., 1968, стр. 218.
[4] «Ведомости Верховного Совета СССР», 1961, № 35, ст. 368.
[5] «Ведомости Верховного Совета СССР», 1955, № 1, ст. 4.
[6] «Ведомости Верховного Совета СССР», 1957, № 4, ст. 58. В дальнейшем — Положение.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

2 октября 1961 г. «О порядке рассмотрения споров о возмещении предприятиями, учреждениями и организациями ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, связанным с их работой»)[7].

Приведенная классификация, на наш взгляд, представляет интерес как для теории, так и для практики. В нормативных актах, во-первых, не указывается, что та или иная категория дел подчинена порядку предварительного внесудебного разрешения спора, во-вторых, не говорится о числе органов, его составляющих. В связи с этим возникают трудности при отграничении названного порядка от различных форм непосредственного урегулирования споров сторонами (внесудебное мировое соглашение, претензионный порядок и др.). Например, нелегко решить, является администрация по делам о возмещении вреда, причиненного увечьем работнику на производстве, органом предварительного внесудебного разрешения спора или стороной при непосредственном его урегулировании. Аналогичный вопрос возникает при наложении штрафа в административном порядке. Думается, что в этих случаях имеет место порядок предварительного внесудебного разрешения спора.

В п. 7 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1963 г. «О судебной практике по делам о возмещении вреда» говорится, что исковые заявления по делам о возмещении вреда, причиненного работнику увечьем на производстве, подлежат судебному рассмотрению лишь «тогда, когда по такому спору состоялось р е ш е н и е а д м и н и с т р а ц и и (разрядка моя, — П. Д.) и постановление фабричного, заводского, местного комитета профессионального союза»[8].

При рассмотрении администрацией заявлений о возмещении вреда, причиненного работнику увечьем на производстве, и в случае наложения штрафа в административном порядке устанавливаются юридические факты и по существу спора выносится приказ администрации либо постановление соответствующего органа (должностного лица), которые могут быть принудительно исполнены[9]. По упомянутым категориям дел спор властно разрешается одной из сторон в правоотношении. Такой способ разрешения споров присущ правоотношениям, субъекты которых находятся в отношениях власти и подчинения (административным, государственным, финансовым и земельным). Он объективно обусловлен характером указанных правоотношений. Одним из многочисленных примеров разрешения споров в административном порядке является взыскание штрафов. В гражданских правоотношениях ввиду равенства их субъектов административно-правовой способ разбирательства споров применяется как исключение в случаях, прямо указанных законом (ст. 6 Основ гражданского законодательства). Подобный случай и предусмотрен п. I Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1961 г.

---

[7] «Ведомости Верховного Суда СССР», 1961, № 41, ст. 420.

[8] «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963», М., 1964, ст. 449.

[9] Ст.ст. 26—37 Положения об административных комиссиях при исполнительных комитетах районных, городских Советов депутатов трудящихся РСФСР и о порядке производства по делам об административных нарушениях от 30 марта 1962 г. («Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1962, № 13, ст. 166) и пп. 21—26 Правил о возмещении предприятиями, учреждениями, организациями ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, связанным с их работой, от 22 декабря 1961 г. («Сборник постановлений президиума и секретариата ВЦСПС октябрь—декабрь 1961 года», Профиздат, 1962, ст. 92).

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

В связи с изложенным предлагается в законодательных актах, регулирующих данный вопрос, указывать категории дел, по которым применяется порядок предварительного внесудебного разрешения спора, и число органов, его образующих.

Порядок предварительного внесудебного разрешения спора является юрисдикционным. В литературе принято считать, что юрисдикционный порядок предполагает: разбирательство дела по существу путем установления юридических фактов; правовую квалификацию правоотношения; возможность принудительного исполнения вынесенного по делу акта[10]. Казалось бы, юрисдикционный характер разрешения дел в указанном порядке не вызывает сомнений. Между тем, в печати И. Б. Морейном высказано мнение, что решение КТС не столько юрисдикционный акт, разрешающий спор, сколько распорядительный акт, устраняющий этот спор в согласительно-примирительном порядке[11].

Приведенная точка зрения представляется неправильной. Спор в КТС не устраняется, а разрешается по существу. И. Б. Морейн смешивает порядок предварительного внесудебного разрешения спора с различными формами непосредственного урегулирования споров сторонами. В последнем случае спор действительно устраняется путем соглашения между лицами, имеющими материально-правовой интерес к делу, без участия юрисдикционного органа, и решения, принимаемые при таком урегулировании, рассчитаны на добровольное исполнение сторонами. КТС же является специально предусмотренным законом органом для рассмотрения трудовых споров по поводу применения условий труда, возникающих между рабочими и служащими, с одной стороны, и администрацией, с другой. Согласно п. 12 Положения трудовой спор разбирается комиссией, если работник не урегулировал разногласия при непосредственных переговорах с администрацией. КТС имеет право вызывать на заседание свидетелей, поручать проведение технических и бухгалтерских проверок, требовать от администрации представления документов и расчетов (п. 16 Положения). Решения указанных комиссий имеют обязательную силу и в каком-либо утверждении не нуждаются (п. 19 Положения). Для принудительного исполнения решения КТС выдается удостоверение, имеющее силу исполнительного листа (п. 36 Положения).

Теоретическое и практическое значение имеет вопрос о характере судебного рассмотрения дел, по которым установлен порядок предварительного внесудебного разрешения спора. В литературе было высказано мнение, что по делам о взыскании штрафа суд выступает в качестве второй инстанции по отношению к административному порядку взыскания штрафа[12]. С нашей точки зрения, суд в данном случае действует как первая инстанция[13]. В ст. 25 ГПК РСФСР говорится, что «судам подведомственны...[3] дела, возникающие из административно-правовых отношений, перечисленные в ст. 231 настоящего кодекса». В ст. 231 ГПК РСФСР в числе других значатся дела по жалобам на действия административных органов по наложению штрафов. Правила подведомственности, как

[10] См., например: С. Н. Абрамов. Гражданский процесс. Госюриздат, 1952, стр. 259.

[11] И. Б. Морейн. Правовая природа комиссии по трудовым спорам, Ученые записки высших учебных заведений Литовской ССР, право, т. VI, Вильнюс, 1966, стр. 175.

[12] А. Е. Лунев, Н. Г. Салищева, Л. М. Розин. Новое законодательство об административных штрафах и некоторые вопросы административной ответственности. «Советское государство и право», 1963, № 3, стр. 69.

[13] Указанная позиция уже подвергалась критике (А. Т. Боннер. Некоторые вопросы производства по делам, возникающим из административно-правовых отношений, «Правоведение», 1964, № 1, стр. 130).

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

известно, разграничивают юрисдикционную компетенцию органов государства и общественности. Юрисдикционная же компетенция не может принадлежать суду, действующему в качестве второй инстанции.

Суд разрешает дела о взыскании штрафа по существу путем установления юридических фактов, указанных в ст. 238 ГПК РСФСР. Установление же фактических обстоятельств по делу является исключительным правом суда первой инстанции. Дела о взыскании штрафа рассматриваются народным судом, который в силу Основ законодательства о судоустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик от 25 декабря 1958 г. не может действовать в качестве второй инстанции. По решению суда о взыскании штрафа может быть выдан исполнительный лист. Названные решения подлежат пересмотру в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам. Невозможность их кассационного пересмотра вполне объяснима, поскольку дела о взыскании штрафа относятся к административно-правовому производству. Дела административно-правового производства согласно ст. 1 Основ разбираются по общим правилам судопроизводства за отдельными изъятиями, установленными законодательством Союза ССР и союзных республик. Одно из таких изъятий, предусматривающее невозможность кассационного обжалования и опротестования решений по делам о взыскании штрафа, и содержится в п. 24 Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 марта 1962 г. «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке»[14].

Законодатель придает большое значение соблюдению заинтересованным лицом порядка предварительного внесудебного разрешения спора. При его несоблюдении суд обязан: либо отказать в приеме искового заявления (п. 2 ст. 31 Основ), либо прекратить производство по делу (п. 2 ст. 41 Основ), либо оставить иск без рассмотрения (п. 1 ст. 42 Основ). Такое отношение к означенному порядку не случайно. Его соблюдение: образует специальную предпосылку права на иск[15]; способствует сокращению количества дел, разбираемых судами; ускоряет правовую защиту; приближает рассмотрение спора к месту работы гражданина; служит средством привлечения к рассмотрению гражданских дел органов общественности; создает дополнительные гарантии правильности разрешения спора, так как в этих случаях дело разбирается по существу два либо три раза. Поэтому представляются неоправданными встречающиеся в практике случаи пренебрежительного отношения к упомянутому порядку. Манохин обратился с иском о восстановлении на работе в КТС, а затем в суд, минуя ФЗМК. Народный суд г. Рубцовска Алтайского края, рассмотрев это дело, не придал значения нарушению истцом порядка предварительного внесудебного разрешения спора[16]. Не менее характерно и другое дело. Бухгалтер совхоза «Раздольный» Горбунов был уволен с работы по п. «г» ст. 47 КЗоТ РСФСР без санкции местного комитета. Его иск о восстановлении на работе рассматривался КТС, а затем сразу судом. Однако ни народный суд, ни судебная коллегия по гражданским делам краевого суда не обратили внимания на нарушение порядка предварительного внесудебного разрешения спора. Ошибка исправлена президиумом того же суда[17]. В судебной практике нередки

[14] «Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1962, № 9, ст. 121.

[15] См. об этом: М. А. Гурвич. Право на иск. Изд-во АН СССР, М., 1949.

[16] Архив народного суда г. Рубцовска, 1968, дело № 2—220.

[17] Постановление президиума Алтайского краевого суда № 44г—212 от 14 сентября 1967 г.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

случаи несоблюдения порядка предварительного внесудебного разрешения спора по делам о возмещении ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, связанным с работой[18].

В печати нет единства мнений по поводу права прокурора обратиться с исковым заявлением в органы предварительного внесудебного разрешения спора[19]. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РСФСР при разрешении в порядке надзора дела о взыскании с работника материального ущерба в размере $^1/_3$ его должностного оклада высказала точку зрения о невозможности обращения прокурора в органы предварительного внесудебного разрешения спора[20].

Думается, что действующее законодательство не предусматривает права прокурора обращаться с исковым заявлением в указанные органы. В Положении о прокурорском надзоре в СССР, утвержденном Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1955 г.[21] и других нормативных актах предусматривается право прокурора подать исковое заявление в суд и ничего не говорится относительно возможности его обращения в органы предварительного внесудебного разрешения спора. Прокурор относится к числу лиц, не имеющих материально-правового интереса к делу. Этим лицам право подачи искового заявления в юрисдикционный орган предоставляется в силу прямого указания закона. Только в таком случае они приобретают юридический интерес к делу, дающий им право участвовать в процессе (ст. 6 Основ). И это правильно, ибо иное решение вопроса привело бы к вмешательству в чужие права и интересы неограниченного круга лиц, что не совместимо с существующим в гражданском процессе принципом диспозитивности.

С точки зрения действующего законодательства невозможность обращения прокурора в органы предварительного внесудебного разрешения спора не вызывает сомнения. Но существующее законодательство по упомянутому вопросу не соответствует растущим требованиям защиты субъективных прав и интересов граждан и организаций. В его рамках прокурор не может использовать преимущества порядка предварительного внесудебного разрешения спора. Защита гражданских прав наряду с судом осуществляется и иными юрисдикционными органами (ст. 6 Основ гражданского законодательства). Не разрешать прокурору обращаться во все органы, рассматривающие гражданские дела, — значит недооценивать его роль в охране прав и интересов граждан и организаций. Не оправдано ни теоретическими, ни практическими соображениями положение, при котором порядок рассмотрения гражданских дел зависит от субъекта обращения в юрисдикционный орган. По изложенным основаниям целесообразно предусмотреть в Положении о прокурорском надзоре в СССР, а также в Основах и ГПК Союзных республик

---

[18] А. М. Михайлич. Вопросы возмещения вреда, причиненного рабочим и служащим увечьем на производстве. «Научный комментарий судебной практики по гражданским делам за 1963 год», изд-во «Юридическая литература», 1965, стр. 90. См. также «Инструктивное письмо горрайпрокурорам Алтайского края и прокурору Горно-Алтайской области», наряд № 98 прокуратуры Алтайского края за 1967 г.

[19] В. В. Караваев, А. М. Кафтановская, Р. З. Лившиц. Разрешение трудовых споров (комментарий). Госюриздат, 1960, стр. 11, 127; «Юридический справочник хозяйственника», М., 1963, стр. 549 (автор главы — Я. Л. Киселев) и др.

[20] «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1969, № 1, стр. 1—2.

[21] «Ведомости Верховного Совета СССР», 1955, № 9, ст. 222.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

право прокурора обращаться в необходимых случаях с исковым заявлением (заявлением) по гражданским делам в суд и иные юрисдикционные органы.

Нормы, регулирующие порядок предварительного внесудебного разрешения спора, следует отграничивать от правил подведомственности. Если первые разграничивают юрисдикционную компетенцию при рассмотрении гражданских дел только между судом и органами, составляющими означенный порядок, то вторые — между всеми органами государства и общественности. Правила подведомственности устанавливают, в компетенцию какого органа государства либо общественности входит разбирательство дела. Нормы же, регламентирующие порядок предварительного внесудебного разрешения спора, указывают, что дело относится к ведению суда, но при соблюдении заинтересованным лицом определенных условий. При применении норм, регламентирующих порядок предварительного внесудебного разрешения спора, суд является не только юрисдикционным, но и контролирующим органом. В данном случае суд, осуществляющий правосудие в нашей стране, контролирует юрисдикционную деятельность других органов государства и общественности.

Если нарушение подведомственности влечет либо отказ в приеме искового заявления (п. I ст. 31 Основ), либо прекращение производства по делу (п. I ст. 41 Основ), то несоблюдение порядка предварительного внесудебного разрешения спора — кроме того оставление иска без рассмотрения (п. I ст. 42 Основ). Смешение указанных понятий может повлечь нежелательные процессуальные последствия. Прекращение производства по делу по основаниям подведомственности в случаях несоблюдения порядка предварительного внесудебного разрешения спора исключает рассмотрение дела судом. При несоблюдении же порядка предварительного внесудебного разрешения спора дело либо прекращается производством (п. 2 ст. 41 Основ), либо иск оставляется без рассмотрения (п. 1 ст. 42 Основ). В последнем случае судебное рассмотрение дела не исключается, поскольку в виду отсутствия, например, по трудовым спорам каких-либо сроков давности для обращения в КТС[22] заинтересованное лицо вправе в любое время обратиться в органы предварительного внесудебного разрешения спора, а затем в суд. Поэтому трудно согласиться с практикой прекращения производства по делу по мотивам неподведомственности при несоблюдении заинтересованным лицом порядка предварительного внесудебного разрешения спора[23].

Порядок предварительного внесудебного разрешения спора необходимо также отличать от установленных нормами права случаев, когда условием удовлетворения иска является применение к ответчику до суда мер общественного, административного либо дисциплинарного воздействия (п. 17 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 13 сентября 1957 г. «О судебной практике по гражданским трудовым делам»[24] и п. 13 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по гражданским жилищным делам»)[25]. В этих случаях органы государства либо общественности рассматривают

[22] Разъяснение Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы и Секретариата ВЦСПС от 29 августа 1963 г. («Бюллетень Государственного комитета Совета Министров по вопросам труда и заработной платы», 1963, № 10).

[23] «Советская юстиция», 1959, № 10, стр. 80; «Социалистическая законность», 1969, № 4, стр. 86.

[24] «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963», М., 1964, стр. 64.

[25] «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 3, стр. 22.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

не трудовой или жилищный спор, а противоправное поведение лица, выразившееся в нарушении им правил социалистического общежития либо неисполнении обязанностей, возложенных на работника по трудовому договору. Применение мер административного, общественного либо дисциплинарного воздействия служит доказательством обоснованности исковых требований (упомянутые меры оказались недостаточными) и относится поэтому к праву на иск в материальном смысле.

Некоторые правовые нормы, регламентирующие порядок предварительного внесудебного разрешения трудовых споров, нуждаются в совершенствовании. Это относится к нормам, регулирующим: взыскание с работника материального ущерба, причиненного предприятию (учреждению) при ограниченной материальной ответственности, и восстановление на работе лиц, уволенных без согласия фабричного, заводского, местного комитета профсоюза.

По мнению В. Панюгина и др.[26], порядок предварительного внесудебного разрешения спора по делам о взыскании с работника материального ущерба, причиненного предприятию (учреждению) при ограниченной материальной ответственности, состоит из одного органа (КТС). Указанный автор исходит из того, что администрация по делам о взыскании с работника материального ущерба в ограниченном размере не вправе переносить спор из КТС в ФЗМК. Аналогичная точка зрения выражена Верховным Судом СССР[27].

С подобной позицией согласиться нельзя. Она не учитывает пункт 28 Положения, согласно которому «фабричные, заводские, местные комитеты рассматривают: а) заявления о разрешении трудовых споров, по которым в общезаводской комиссии не было достигнуто соглашение». Утверждение В. Панюгина о невозможности обращения администрации в ФЗМК «ни по какому трудовому спору вообще» основано на нормах п. п. 23, 24 Положения. Между тем упомянутые нормы не согласуются с п. 28 Положения. Несогласованность их не устраняет и такой возможный довод, что в п.п. 23, 24 Положения имеются в виду субъекты обращения в ФЗМК, а в п. 28 Положения объекты пересмотра. Если рассматривать решение КТС, недостижение соглашения сторон в качестве объектов пересмотра, то они в равной мере есть как в п.п. 23, 24 Положения, так и в п. 28. Значит, дело здесь в другом. Между нормами, содержащимися в этих пунктах, разница в субъектах обращения. Действительно, в п. 23 Положения указано, что при недостижении соглашения сторон в КТС заявление в ФЗМК может подать работник. Из подп. же «а» п. 28 Положения можно сделать вывод о возможности обращения в ФЗМК не только работника, но и администрации[28]. Положение, не называя прямо администрацию как субъекта, имеющего право обращения в ФЗМК, в то же время и не запрещает администрации обращаться в ФЗМК. В Положении не говорится об исключительном праве работника на подачу заявления в ФЗМК.

---

[26] В. Панюгин. Рассмотрение трудовых споров о материальной ответственности. «Социалистическая законность», 1961, № 1, стр. 34; А. И. Ставцева. Порядок рассмотрения трудовых споров. Госюриздат, 1960, стр. 38 и др.

[27] П. 6 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 26 сентября 1967 г. «О повышении роли судов в соблюдении законодательства о труде и укреплении трудовой дисциплины на предприятиях и в учреждениях» («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1967, № 6, стр. 18).

[28] Вопрос о праве администрации переносить спор из КТС в ФЗМК в литературе ставился и раньше (см., например, П. Листопадов. О новом порядке рассмотрения трудовых споров. «Советская юстиция», 1957, № 5, стр. 49—50).

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Иногда невозможность обращения администрации в ФЗМК мотивируется тем, что ФЗМК как орган трудящихся не может рассматривать требования администрации. Между тем, ФЗМК является исключительно органом трудящихся лишь в спорах коллективного значения. В этом случае ФЗМК выступает как сторона, противостоящая администрации. При разрешении споров индивидуального значения ФЗМК, как и КТС, действует в качестве органа рассмотрения трудовых споров между администрацией, с одной стороны, и работником, с другой. Как любой юрисдикционный орган, ФЗМК в этом случае обязан выносить постановление на основе закона и в соответствии с действительными обстоятельствами.

Администрация, как правило, не заинтересована в перенесении спора в ФЗМК. По большинству трудовых споров, рассматриваемых в КТС, администрация, по мнению работника, нарушила его трудовое право (не оплатила сверхурочные работы, не выдала спецодежду и т. п.). Работник защищает нарушенное право путем обращения в КТС. В этих случаях в перенесении спора в ФЗМК заинтересован лишь работник. Иное положение создается при взыскании ущерба в ограниченном размере. Ст. 83[2] КЗоТ РСФСР предусматривает единственный случай, когда в КТС обращается администрация, а не работник. Не разрешить администрации по названной категории дел подать заявление в ФЗМК — значит поставить ее как сторону в процессе в неравное положение. Положением установлена система органов по рассмотрению трудовых споров, состоящая из трех звеньев — КТС, ФЗМК и суд.

Возможность обращения администрации в ФЗМК по вопросу о взыскании с работника материального ущерба в ограниченном размере увязывается с задачами решительной борьбы за возмещение ущерба, причиненного государству. Обращение администрации в ФЗМК по данной категории дел способствует неотвратимости возмещения материального ущерба. Это имеет также важное воспитательное значение (неотвратимость обязанности возместить ущерб будет содействовать воспитанию граждан в духе бережного отношения к государственному имуществу). Напротив, существующая практика способствует созданию обстановки безнаказанности.

Принимая во внимание сказанное, можно прийти к выводу, что по делам о взыскании с работника материального ущерба, в ограниченном размере порядок предварительного внесудебного разрешения спора образуют два органа (КТС и ФЗМК). В целях совершенствования норм права, регулирующих порядок разрешения указанных дел, предлагается: во-первых, несогласованность п. п. 23, 24 и 28 Положения устранить путем замены слова «работник» в п. 23 Положения выражением «лицо, возбудившее спор», во-вторых, ч. I п. 6 из постановления № 6 Пленума Верховного Суда СССР от 26 сентября 1967 г. исключить.

Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1964 г. «О судебной практике рассмотрения дел о восстановлении на работе лиц, уволенных без согласия фабричного, заводского, местного комитета профессионального союза»[29] установлено, что порядок предварительного внесудебного разрешения спора может избираться работником альтернативно (суд либо КТС, ФЗМК и суд). Думается, что установление порядка предварительного внесудебного разрешения спора по делам о восстановлении на работе лиц, уволенных без согласия ФЗМК, является неправильным. Работник по этим делам должен подавать исковое заяв-

[29] «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 4, стр. 11.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ление во всех случаях непосредственно в суд[30]. Данный вывод вытекает из постановления Президиума Верховного Совета СССР от 27 января 1959 г. «О порядке рассмотрения трудовых споров лиц, уволенных с работы по инициативе администрации с согласия фабричного, заводского, местного комитета профессионального союза»[31]. Хотя в нем и нет прямого ответа на вопрос о порядке восстановления на работе в упомянутых случаях, тем не менее в порядке толкования можно утверждать, что им охватываются и эти иски.

Президиум Верховного Совета СССР в постановлении от 27 января 1959 года не мог исходить из того, что администрация предприятий, организаций, учреждений, нарушая это постановление, будет производить увольнение без санкции ФЗМК. Это постановление является основным нормативным актом, регулирующим порядок восстановления на работе лиц, уволенных по инициативе администрации. Поскольку оно издано позднее Положения, то им в значительной степени ограничено применение подпункта «б» п. 10 Положения. Последний может применяться лишь при восстановлении на работе некоторых категорий работников, на увольнение которых согласия ФЗМК не требуется. В ст. 62 проекта Основ законодательства о труде Союза ССР и союзных республик не случайно предусматривается единый (непосредственно судебный) порядок восстановления на работе.

Отстаивая непосредственно судебный порядок рассмотрения споров о восстановлении на работе, следует учитывать не только толкование правовых норм, но и существо этих споров. На предприятиях (организациях) распространены нарушения прав граждан на труд. Об этом свидетельствуют данные о числе удовлетворяемых судами исков о восстановлении на работе (более 50%!)[32], а также увольнения работников без санкции ФЗМК[33]. Одним из способов устранения подобного положения является установление единого (непосредственно судебного) порядка разрешения исков о восстановлении на работе. При непосредственном обращении работника в суд обеспечивается своевременная и полная защита его трудовых прав. При обращении в КТС соглашения сторон по большинству споров не будет достигнуто, ибо администрация уже выразила свое мнение[34]. Указание Пленума Верховного Суда СССР, содержащееся в постановлении от 30 июня 1964 г., предусматривающее восстановление работников на работе по одному лишь факту нарушения администрацией п. 10 Положения о правах фабричного, заводского,

---

[30] Подобная точка зрения неоднократно высказывалась в литературе (М. Копыловская. Тревожная статистика, «Советская юстиция», 1960, № 7, стр. 13 и др.).

[31] «Ведомости Верховного Совета СССР», 1959, № 5, ст. 53.

[32] Н. Сергеева. Больше внимания предупреждению нарушений трудового законодательства, «Советская юстиция», 1966, № 9, стр. 5.

[33] В РСФСР по изученным делам, рассмотренным судами в 1967 г. и I квартале 1968 г., уволено без согласия ФЗМК 36% работников («Обзор судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР и отдела по надзору за законностью рассмотрения в судах гражданских дел прокуратуры СССР»; («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1968, № 6, стр. 39); По изученным делам за 1969 год в Курганской области было уволено без согласия ФЗМК 47%, в Волгоградской — 41,2%, в Новосибирской — 41% к числу лиц, восстановленных на работе (М. Маляров. Закон писан для всех. «Правда» за 13 января 1970 г.).

[34] Л. А. Николаева пишет, что из 157 споров, рассмотренных некоторыми КТС в шести городах Казахской ССР, только в двух случаях стороны пришли к соглашению и восстановили работников на работе (Л. А. Николаева. Организация и деятельность комиссий по трудовым спорам, Алма-Ата, 1963, стр. 50).

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

местного комитета профессионального союза, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 июля 1958 г.[35], не может распространяться на работу КТС, так как суд не осуществляет надзора за этим органом.

В силу ст. 99 ГПК РСФСР споры, вытекающие из трудовых правоотношений, рассматриваются судом в десятидневный либо при определенных условиях в двадцатидневный срок. При обращении работника первоначально в КТС разрешение его спора займет более длительный срок, так как только прохождение дел в КТС, ФЗМК и обращение в суд требуют больше месяца. По закону же денежная компенсация за время вынужденного прогула возможна лишь в пределах двадцати рабочих дней. Таким образом, при поступлении в суд спора из КТС и ФЗМК работник получит компенсацию не за все время вынужденного прогула.

Непосредственно судебный порядок стимулирует соблюдение администрацией трудовых прав работника, поскольку суд, в отличие от КТС и ФЗМК, может: взыскать с должностных лиц, виновных в незаконном увольнении работника, убытки, причиненные выплатой уволенному вознаграждения за прогул (ст. 39 ГПК РСФСР); вынести частное определение о незаконных действиях администрации (ст. 38 Основ); привлечь должностное лицо за незаконное увольнение работника к уголовной ответственности (ст. 138 УК РСФСР).

Дела о восстановлении на работе относятся к числу важнейших категорий. Для их правильного разрешения особенно важно глубокое знание закона лицами, рассматривающими спор. По этой категории дел, как ни по одной другой, необходимы беспристрастность и независимость от администрации членов КТС. Названным требованиям в достаточной мере отвечает суд.

Рассмотрение спора о восстановлении на работе в КТС, ФЗМК, а затем в суде невыгодно как для трудящегося, так и для государства. При поступлении дел в суд из КТС и ФЗМК в пользу работника взыскивается компенсация за двадцать дней вынужденного прогула. Поскольку работник и администрация, как правило, находятся в одном городе или районе, при обращении работника непосредственно в суд его спор должен быть рассмотрен в десятидневный срок. В этом случае и оплата за вынужденный прогул присуждается за период меньший, чем двадцать рабочих дней. Когда дело до поступления в суд предварительно рассматривается в КТС и ФЗМК, работник большее количество дней оторван от труда в социалистическом хозяйстве. На основании изложенного целесообразно из постановления Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1964 г. исключить норму, предусматривающую возможность обращения работника в органы предварительного внесудебного разрешения спора.

---

[35] «Ведомости Верховного Совета СССР», 1958, № 15, ст. 282.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 219 Серия юридическая

ПОРЯДОК ОЗНАКОМЛЕНИЯ ОБВИНЯЕМОГО И ЗАЩИТНИКА С МАТЕРИАЛАМИ ДЕЛА ПРИ ОКОНЧАНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

В. Г. АСТАШЕНКОВ

Право обвиняемого на ознакомление со всеми материалами дела при окончании предварительного расследования имеет чрезвычайно важное значение. В ходе производства по делу обвиняемому частично могут быть известны отдельные материалы, однако ознакомление со всем производством по делу до окончания предварительного следствия законом не предусмотрено. При ознакомлении с материалами дела обвиняемому становятся известными все доказательства, на которых базируется предъявленное обвинение и решение следователя о достаточности доказательств для составления обвинительного заключения. Это позволяет обвиняемому убедиться в обоснованности обвинения либо подвергнуть сомнению отдельные доказательства, ходатайствовать о дополнительном расследовании, указывая на недостатки и пробелы, допущенные при производстве по делу. Обвиняемый имеет право знакомиться с материалами дела как лично, так и с помощью защитника.

Зачастую обвиняемый и защитник знакомятся с материалами дела совместно. По просьбе обвиняемого или его защитника следователь вправе разрешить им знакомиться с материалами дела раздельно (ст. 201 УПК РСФСР). В инструктивном письме Генерального Прокурора Союза ССР от 16 июня 1960 г. № 3/49 указывается, что вопрос о способе ознакомления с материалами дела должны решать обвиняемый и защитник, и следователь не вправе возражать против принятого ими решения[1]. Уголовно-процессуальные кодексы Казахской ССР (ст. 183), Азербайджанской ССР (ст. 222), Грузинской ССР (ст. 202), Белорусской ССР (ст. 200), Узбекской ССР (ст. 179) говорят только об одновременном совместном ознакомлении с материалами дела обвиняемого и защитника. На практике следователи не возражают против самостоятельного ознакомления с материалами дела обвиняемого и защитника, а в случае о том просьбы знакомят их раздельно[2]. Поэтому следует редакции вышеупомянутых статей УПК союзных республик привести в соответствие со статьями УПК, которые не содержат подобного ограничения, в порядке ознакомления[3].

---

[1] См. «Социалистическая законность», 1960, № 8, стр. 84.

[2] См. Н. А. Якубович. Окончание предварительного следствия. Госюриздат, М., 1962, стр. 37.

[3] В связи с различным регулированием порядка ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела при окончании следствия в УПК союзных республик и в процессуальной литературе можно встретить различные рекомендации по этому вопросу. С. Яструбецкий считает целесообразным знакомить обвиняемого и защитника совместно, если дело однотомное, и раздельно, если дело

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Необходимость самостоятельного изучения материалов дела крайне важна для обеспечения обвиняемому права на защиту. Личное ознакомление гарантирует полное изучение всех материалов дела, позволяет осознать обвиняемому существо каждого доказательства. Восприятие же материалов «на слух» не всегда дает возможность обвиняемому полностью усвоить сущность доказательств, содержит реальную предпосылку неполного освещения всех материалов дела. Поэтому одновременное ознакомление обвиняемого и защитника особенно по сложным делам не всегда является целесообразным. После раздельного ознакомления с материалами дела обвиняемый и защитник совместно обсуждают отдельные материалы дела.

Когда при окончании следствия у обвиняемого имеется адвокат, он оказывает практическую помощь в изучении дела обвиняемому. Адвокат обращает внимание обвиняемого на обвинительные и оправдательные доказательства, излагает свое мнение по вопросам доказанности вины, обоснованности избранной меры пресечения, помогает разобраться обвиняемому в существе дела. Сложнее обстоит дело тогда, когда при окончании следствия у обвиняемого нет защитника. В силу юридической неосведомленности у обвиняемого может возникнуть целый ряд вопросов, нуждающихся в разъяснении. Многие ученые полагают, что материалы дела следователь предъявляет обвиняемому лично. Свою обязанность он не вправе перелагать ни на эксперта, ни на технических работников, ни на защитника обвиняемого, ни на работников милиции. Аргументируется это тем, что представленная обвиняемому возможность проверить полноту, объективность и всесторонность проведенного расследования может быть полностью реализована только в тех случаях, если при ознакомлении присутствует лицо, которое исчерпывающе знает все материалы дела и в состоянии дать обвиняемому необходимые разъяснения по вопросу о сущности обвинения, о значении того или иного доказательства, обстоятельствах его появления в деле, поможет разобраться в появившихся сомнениях по вопросу о полноте материалов дела[4].

В связи с этим Г. М. Миньковским было высказано суждение о том, что в отдельных случаях, при наличии в деле сложных и значительных по объему экспертных заключений, является целесообразным вызов эксперта при окончании предварительного следствия[5]. «Эксперт может лучше, чем кто-либо другой, помочь обвиняемому разобраться в имею-

(Окончание. Нач. сноски на стр. 130).

многотомное. (См. Ознакомление адвоката с делом. «Советская юстиция», 1963, № 14, стр. 19). П. С. Бондаренко пришел к выводу о том, что практика ознакомления обвиняемого и защитника раздельно себя не оправдала, что поэтому их следует знакомить с материалами дела совместно. (См. Некоторые вопросы дальнейшего совершенствования защиты в советском уголовном процессе. Материалы республиканской конференции «Роль правовой науки в совершенствовании практической деятельности государственных органов, хозяйственных и общественных организаций». Львов, 1967, стр. 241). См. также: Л. Карнеева. Предложения по законодательству. «Советская юстиция», 1959, № 3, стр. 36.

[4] См., например: П. И. Тарасов-Родионов. Предварительное следствие. М., 1955, стр.228; Г. М. Миньковский. Окончание предварительного расследования и право обвиняемого на защиту. Госюриздат, 1957, стр. 393—394; Н. А. Якубович. Окончание предварительного следствия. Госюриздат, М., 1962, стр. 42—43.

[5] И. М. Гальперин пишет о необходимости оказания обвиняемому помощи и содействия в том случае, когда он по тем или иным причинам не может или затрудняется изучить надлежащие материалы. (См. Охрана процессуальных прав граждан в уголовном процессе. «Советское государство и право». 1965, № 2. стр. 72).

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

щихся в деле заключениях, разрешить возникающие у него в связи с этими заключениями вопросы и тем самым, с одной стороны, предупредить заявление необоснованных ходатайств, а с другой, создать наиболее благоприятные условия для выявления действительных пробелов в материалах дела... Разумеется, эксперт... должен использоваться лишь постольку, поскольку для обеспечения ознакомления обвиняемого с делом нужны его специальные познания, и не может заменять следователя»[6].

Бесспорно, что следователь должен лично проводить ознакомление обвиняемого с материалами дела не только потому, что нельзя бесконтрольно передавать дело для ознакомления в руки обвиняемого, но и потому, что это является важным процессуальным действием. Практика показывает, что порой обвиняемый желает или пытается уничтожить материалы дела или сфальсифицировать их. Контроль за ходом ознакомления должен быть постоянным со стороны следователя. Бесспорно и то, что в отдельных случаях в силу непонимания отдельных специальных терминов, почерка следователя и т. д. обвиняемый нуждается в непосредственной помощи следователя. Следователь иногда может также и объяснить существо отдельных доказательств, собранных по делу. Но следователь, на наш взгляд, не вправе «помогать разобраться в появившихся сомнениях по вопросу о полноте материалов дела». Переходя к окончанию предварительного следствия, следователь убежден в доказанности вины обвиняемого и, следовательно, именно с этих позиций будет обосновывать свои выводы, излагая сущность собранных по делу доказательств и выводы, которые из них вытекают. Разъяснение следователя невольно для него самого может перерасти в навязывание своих убеждений обвиняемому. Вряд ли это можно признать правильным, ибо каждый участник уголовно-процессуальной деятельности, в том числе и обвиняемый, вправе оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению. Аналогичны и возражения против приглашения эксперта при окончании следствия. Кроме того, обвиняемый знакомится с заключением эксперта еще в ходе производства по делу, поэтому все сомнения обвиняемого должны быть разрешены при ознакомлении с заключением, а не при окончании следствия. Если же у обвиняемого возникают какие-либо сомнения в связи с заключением эксперта при окончании следствия, он вправе ходатайствовать о допросе эксперта, либо о проведении повторной или дополнительной экспертизы.

При ознакомлении защитника и обвиняемого с материалами дела должна быть создана благоприятная обстановка для работы. Нормальная обстановка позволяет сосредоточенно и вдумчиво проанализировать выводы следователя и обоснованно заявить ходатайство.

Обвиняемый и защитник не должны ограничиваться во времени и могут изучать материалы дела столько времени, сколько будет необходимо. Всякие попытки следователя ограничить во времени сроки изучения материалов дела обвиняемым и защитником являются грубым нарушением права на защиту. На практике имеют еще место случаи, когда следователь при окончании следствия в последние дни отчетного месяца в случае истечения сроков расследования не только ограничивает обвиняемого во времени при ознакомлении с материалами дела, но и вообще не предоставляет возможности изучить дело.

При рассмотрении Балашовским городским народным судом Саратовской области уголовного дела по обвинению Энтина В. Н. было ус-

---

[6] Г. М. Миньковский. Окончание предварительного расследования и право обвиняемого на защиту. Госюриздат, 1959, стр. 98—99.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

тановлено, что по материалам дела следственные действия проводились 23, 24, 25 января 1968 года. В частности, 25 января 1968 года по делу выполнялись требования ст.ст. 201—203 УПК РСФСР. В то же время выяснилось, что 23/I 68 г. Энтин был этапирован из г. Балашова в г. Саратов в следственный изолятор и знакомиться с материалами дела в г. Балашове не мог. Суд правильно поступил, возвратив дело через прокурора для выполнения требований ст.ст. 201—203 УПК РСФСР, одновременно указав на грубые нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные следователем[7]. При ознакомлении с делами невозможно определить стабильный срок изучения следственного производства, который следовало бы установить. Время, которое необходимо для изучения дела, определяется с учетом того, что обвиняемый должен прочитать его, сделать необходимые выписки, обсудить материал, вызывающий у него сомнения, с адвокатом и т. д.

На практике встречаются случаи, когда обвиняемый по тем или иным соображениям пытается затянуть сроки расследования, помешать следователю вовремя закончить производство по делу. Обвиняемая по ч. 1 ст. 108 УК РСФСР Щеглова С. Н., желая затянуть сроки производства по делу до предполагаемой амнистии, неоднократно нелегальным путем из следственного изолятора передавала сообвиняемой по делу Щегловой Т. Н. указания всячески затягивать следствие и пытаться уничтожить материалы дела при ознакомлении[8].

В этой связи ряд процессуалистов высказались за то, что при установлении явного злоупотребления со стороны обвиняемого временем при ознакомлении с материалами дела следователь может составить об этом особый протокол, в котором определит с учетом объема материала и индивидуальных особенностей обвиняемого достаточный для ознакомления срок[9]. (Такое правило закреплено в ст. 225 УПК Азербайджанской ССР). Г. М. Миньковский предлагает в подобной ситуации составлять соответствующий акт следователю совместно с прокурором[10]. Н. А. Якубович считает, что в этих случаях следователем должно выноситься мотивированное постановление, которое подлежит утверждению прокурором. (То есть следовать правилу, закрепленному в УПК Узбекской ССР (ст. 179) и Украинской ССР (ст. 218)[11].

Бесспорно, что попытки обвиняемого злоупотребить предоставленными ему процессуальными правами должны пресекаться. Но с нашей точки зрения, разрешение этого вопроса не стоит усложнять. Следует исходить из процессуальной самостоятельности следователя при производстве по делу. Все решения по делу следователь принимает самостоятельно и несет за них полную ответственность. Обнаружить случаи явного злоупотребления временем прокурору гораздо труднее, нежели следователю. Практически же невозможно участие прокурора при окончании следствия по всем делам. Непонятно также, каким образом про-

[7] См. Архив Балашовского городского народного суда Саратовской области за 1968 г. (Уголовное дело № 5363).

[8] См. Архив Ленинского райсуда Саратовской области за 1968 г. (Уголовное дело № 7740).

[9] См. Советский уголовный процесс (под ред. Д. С. Карева). Госюриздат, 1953, стр. 178; П. И. Тарасов-Родионов. Предварительное следствие. М., 1965, стр. 228; Комментарий УПК РСФСР (под. ред. В. А. Болдырева). М., Госюриздат, 1963, стр. 114; Е. Шейн. Процессуальная деятельность защитника на предварительном следствии. «Советская юстиция», 1963, № 3, стр. 12.

[10] Г. М. Миньковский. Окончание предварительного расследования и право обвиняемого на защиту. Госюриздат, 1957, стр. 103—104.

[11] Н. А. Якубович. Окончание предварительного следствия. Госюриздат., М., 1962, стр. 41.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

курор и следователь совместно будут выносить постановление (как это предлагает Миньковский Г. М.). Правильность же принятого решения следователем прокурор обязан проверить и всегда проверяет при изучении дела, поступившего с обвинительным заключением. Кстати, и на практике вопрос об ограничении обвиняемого во времени при ознакомлении с делом в случаях явного злоупотребления в большинстве случаев решается следователем самостоятельно.

При ознакомлении с материалами дела по многотомным, групповым делам следователь может составить график ознакомления с материалами дела обвиняемых и защитников. Приобщение графиков к материалам дела наглядно может свидетельствовать о том, что соответствующим лицам предоставлялось достаточно времени для изучения следственного производства.

Непредоставление же возможности обвиняемому и его защитнику ознакомиться с материалами дела, а равно предоставление явно недостаточного времени для изучения собранных по делу доказательств при окончании расследования должно являться безусловным основанием для возвращения дела на доследование в связи с нарушением права обвиняемого на защиту. На этом основании нельзя согласиться с определением судебной коллегии по уголовным делам Саратовского областного суда от 7 сентября 1967 года по делу Михайлова В. И.

Михайлов был осужден народным судом Озинского района Саратовской области. Адвокат осужденного, не оспаривая его вины в кассационной жалобе на приговор суда I инстанции, указывал на то, что органы предварительного следствия допустили нарушения ст. 47 УПК РСФСР: не пригласили адвоката ни на предъявление обвинения, ни на окончание следствия, хотя было установлено, что Михайлов страдает олигофренией. Кроме того, в нарушение требований ст. 201 УПК РСФСР следователь не ознакомил обвиняемого с его правами. На этом основании адвокат просил приговор отменить и дело возвратить на доследование. Судебная коллегия Саратовского областного суда сочла нецелесообразным отменять приговор и возвращать дело на доследование, так как, по мнению коллегии, народным судом недостаток органов следствия был исправлен в ходе судебного разбирательства — осужденному была обеспечена защита в лице адвоката Самсонова[12].

Уголовно-процессуальный закон (ст. 201 УПК РСФСР) требует, чтобы при окончании следствия обвиняемому и его защитнику предъявлялись все материалы дела без каких-либо исключений[13]. Не может быть признана правильной практика выборочного ознакомления с материалами дела. Обвиняемому важно ознакомиться со всеми доказательствами, которые могут быть положены в основу любого решения по делу, а не только относящимися к вопросу о виновности. Недопустимо предъявление материалов дела (по которым проходит несколько обвиняемых), только относящихся к преступной деятельности обвиняемого со ссылкой на то, что остальные материалы (изобличающие других лиц) для существа дела в отношении данного обвиняемого не имеют

---

[12] См. Архив Озинского районного народного суда Саратовской области за 1967 год (уголовное дело № 22—1653).

[13] В УПК Эстонской ССР (ст. 170) предусматривается возможность не предъявлять для ознакомления несовершеннолетнему отдельные материалы дела в воспитательных целях. В таких случаях эти материалы в отсутствие обвиняемого предъявляются защитнику или его законному представителю.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

никакого значения[14]. Выборочное ознакомление с материалами дела, в котором объединено в одно производство несколько эпизодов преступной деятельности группы лиц, противоречит закону и неверно по существу, так как в одном производстве могут быть объединены лишь дела по обвинению нескольких лиц в соучастии при совершении одного или нескольких преступлений, а равно в заранее необещанном укрывательстве этих преступлений и недонесении о них. Отсюда неизбежно следует, что все материалы дела к каждому из обвиняемых имеют определенное отношение. Обвиняемый вправе ознакомиться только с теми материалами, с которыми он пожелает, но следователь не может ограничивать обвиняемого в ознакомлении с материалами дела.

Обязательному предъявлению для ознакомления подлежат все имеющиеся при деле вещественные доказательства и произведенные в ходе следствия кино-фотосъемки, а также представлены для прослушивания записи на магнитофонной ленте. Прослушивание записей и просмотр киносъемок при окончании следствия позволяют наглядно убедиться в полноте материалов и правильности получения доказательств, обосновывающих окончательные выводы. Универсальность и высокая надежность письменной формы фиксации (протоколирование) дополнилось факультативной формой фиксации (звукозапись, кинофотосъемки), что позволяет в практике следственных органов использовать достоинства каждой из них и избежать какие-либо недостатки фиксации.

В связи с внедрением в следственную практику магнитофонной записи, кино-фотосъемок у некоторых практических работников иногда проявляется тенденция к чрезмерно широкому использованию этих способов фиксации при сборе доказательств. Вряд ли это можно признать правильным. По смыслу закона (ст. 141[1] УПК РСФСР) этим средствам фиксации отводится как бы вспомогательная роль: они приобретают доказательственную силу лишь при соблюдении всех требований процессуального закона и оформлении соответствующих письменных протоколов. Не говоря уже о ненужных материальных затратах и рабочего времени следователя (если отсутствовала необходимость в их применении), нетрудно себе представить, как осложняет окончание предварительного следствия необходимость в силу закона предъявления их для ознакомления соответствующим участникам. Поэтому думается, что использование этих средств фиксации должно производиться в исключительных случаях (когда налицо реальная возможность утраты или искажения доказательств, а также при крайней необходимости в констатировании до мельчайших подробностей всех фактов при проведении того или иного следственного действия). Исходя из этого, следователь должен удовлетворять просьбу обвиняемого, подозреваемого, свидетеля и потерпевшего об использовании этих средств фиксации в ходе производства по делу. При окончании следствия, по нашему мнению, целесообразно предъявлять для ознакомления кинодокументы и магнитофонные записи всем участникам одновременно и после ознакомления со всеми материалами дела (письменные материалы).

Как уже отмечалось выше, следователь обязан создать все необходимые условия для того, чтобы обвиняемый мог полностью реализовать свое право на защиту. Неоценимое значение для осуществления защиты имеет право обвиняемого на свидание наедине с избранным по

[14] С. Яструбецкий считает возможным в отдельных случаях зачитывать обвиняемому не все материалы дела (см. Ознакомление адвоката с делом. «Советская юстиция», 1963, № 14, стр. 19).

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

делу защитником, которое необходимо для обсуждения всех возникающих вопросов по делу и выяснения позиций. Именно в таких беседах в большинстве случаев защитник узнает об оправдательных доказательствах, отсутствующих в деле, но подлежащих дополнительному установлению материалами дела. Следователь обязан в любой момент окончания предварительного следствия предоставить свидание защитнику с обвиняемым наедине[15]. Препятствие этому должно рассматриваться как грубое нарушение уголовно-процессуального закона. Свидание должно быть предоставлено либо по месту содержания обвиняемого, либо в месте производства предварительного следствия. Время свидания не может быть необоснованно ограничено и может прерываться только в случае необходимости соблюдения режима по месту содержания обвиняемого. Обвиняемый и защитник при ознакомлении с материалами дела могут обсуждать возникающие вопросы и в присутствии должностного лица. Однако, если обвиняемый не желает, чтобы содержание беседы стало достоянием органов следствия, следователь не вправе препятствовать или ограничивать обвиняемого в свидании с защитником наедине. Р. Д. Рахунов полагает, что «возможны случаи, когда следователь, исходя из конкретных обстоятельств дела, не может в течение известного времени разрешить свидание защитника с подзащитным. Это будет, например, тогда, когда есть опасение, что находящийся под стражей обвиняемый передаст такие важные обстоятельства, разглашение которых серьезно повлияет на ход расследования. В таких случаях следователь, отказывая в свидании, должен мотивировать свой отказ и указать срок, в течение которого свидания не могут состояться. Запрещение свидания не может, однако, длиться долго, ибо такой запрет существенно отразится на интересах защиты»[16].

В уголовно-процессуальном законодательстве стран народной демократии имеются прямые указания на возможность в некоторых случаях ограничения бесконтрольного свидания обвиняемого с защитником. Например, венгерский процессуалист Денеш Баги отмечает, что абзац «3» параграфа 125 УПК Венгерской Народной Республики распоряжается, чтобы находящийся под следственным арестом обвиняемый имел возможность бесконтрольно связываться со своим защитником. О том же говорит и абзац «3» п. 31 Инструкции Генерального Прокурора № 7/1966. В то же время действующее законодательство в отношении контакта между находящимся под арестом обвиняемым и его защитником содержит определенные ограничения, которые сводятся к тому, что если бесконтрольный контакт может сорвать успех судопроизводства, абзац «8» п. 52 Инструкции Министерства Внутренних дел предусматривает определенные ограничения. Так, если после вынесения решения об окончании следствия возникает необходимость в установлении каких-либо фактов и в получении новых доказательств против обвиняемого, руководитель следственного органа должен позаботиться о

---

[15] См. Письмо Генерального Прокурора СССР № 3/49 от 16 июня 1960 г. «Социалистическая законность», 1960, № 8, стр. 84. Этот порядок законодательно закреплен в законе «О предварительном заключении».

[16] Р. Д. Рахунов. Участники уголовно-процессуальной деятельности. Госюриздат, М., 1961, стр. 219. Н. А. Акинча, касаясь этого вопроса, пишет: «Количество свиданий, на наш взгляд, зависит от усмотрения защитника и без достаточных на то оснований не может быть ограничено» (Участие защитника на предварительном следствии в советском уголовном процессе. Приволжское книжное изд-во. Саратов. 1967, стр. 23).

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

том, чтобы разговор обвиняемого с защитником происходил в присутствии и под надзором лица, знакомого с материалами следствия[17].

На наш взгляд, нельзя согласиться с возможностью ограничения права обвиняемого на свидание со своим защитником наедине по следующим соображениям: когда следователь приступает к окончанию предварительного следствия, он считает, что по делу собрано достаточно доказательств для составления обвинительного заключения. С того момента, как обвиняемый начинает знакомиться с материалами дела, предварительное следствие для обвиняемого и его защитника теряет свой негласный характер. И опасение появления каких-либо новых обстоятельств, обладателем которых является только обвиняемый, не имеет под собой никакой почвы. В задачи ареста не входит требование о том, чтобы следователь был информирован о беседах защитника с обвиняемым. Причем, если даже при свидании обвиняемого с защитником последнему станут известны какие-либо обстоятельства дела, не нашедшие отражения в собранных доказательствах, защитник в силу уголовно-процессуального закона не может быть о них допрошен. Полагать же, что защитник может стать источником информации для других лиц, желая вопреки закону помочь обвиняемому и тем самым помешать окончанию предварительного следствия, при современном составе кадров работников адвокатуры нет никаких оснований.

Свидания обвиняемого с защитником наедине могут быть в любой момент окончания следствия и до ознакомления с делом, и в ходе ознакомления, и после изучения следственного производства.

---

[17] См. Денеш Баги. Осуществление принципа защиты и обеспечение личной свободы обвиняемого в ходе уголовного судопроизводства. «Обзор Венгерского права», № 2, 1967 (ассоциация Венгерских юристов), стр. 15.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 219 Серия юридическая

К ВОПРОСУ О ГАРАНТИЯХ ВСЕСТОРОННЕГО, ПОЛНОГО И ОБЪЕКТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

А. И. ДАНИЛЮК

1. Под требованием всестороннего исследования обстоятельств дела в советском уголовном процессе следует понимать выдвижение и проверку всех возможных версий о наличии, характере преступления, лицах, его совершивших, а также выяснение всех обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела.

Полнота исследования обстоятельств уголовного дела означает достаточную совокупность доказательств, с помощью которой подтверждаются или опровергаются следственные версии, устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для дела.

Требование объективности означает, что на основании всестороннего и полного исследования обстоятельств дела следователь (и суд) в итоге правильной логической, мыслительной деятельности приходят к выводам, соответствующим фактическим обстоятельствам дела. Это вытекает из сопоставления ст.ст. 343, 344 УПК РСФСР.

2. Существенное значение приобретает вопрос о гарантиях, обеспечивающих всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела в процессе производства предварительного расследования.

Гарантии в советском уголовном процессе рассматриваются как система таких установленных процессуальных законами средств и способов, которые обеспечивают правильность расследования и разрешения уголовных дел [1]. Следовательно, гарантиями всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела являются закрепленные в законе средства и способы, обеспечивающие правильное осуществление этого принципа и служат цели достижения истины по каждому делу.

В целях обеспечения всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела законодатель устанавливает целый ряд гарантий, причем некоторые из них могут быть специфичными для того или иного элемента принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела; большинство же гарантий являются общими для всех элементов упомянутого принципа.

К числу специфичных гарантий, обеспечивающих всестороннее исследование обстоятельств дела, можно, в частности, отнести определение в законе обстоятельств, подлежащих доказыванию

[1] См.: М. С. Строгович. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. Изд-во АН СССР, М., 1955, стр. 159—182.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

(ст. 68 УПК РСФСР)[2], принятие мер по выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений (ст. 21, 140 УПК РСФСР).

К специфичным гарантиям, обеспечивающим полное исследование обстоятельств дела, в частности, относятся: обязанность органов расследования мотивировать достаточностью доказательств наиболее важные процессуальные решения (ст.ст. 143, 144, 201, 205, 209 УПК РСФСР), изложение в протоколах допросов показаний свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых в первом лице и по возможности дословно обязанность занесения в протокол их дополнений и поправок, а также предоставления им возможности написания показаний собственноручно (ст.ст. 123, 151, 152, 160—161, 163 УПК РСФСР).

Специфичными гарантиями объективного исследования обстоятельств дела являются, например, запрещение перелагать обязанность доказывания на обвиняемого и домогаться показаний путем насилия, угроз и иных незаконных мер (ст. 20 УПК РСФСР); правила об отводах следователя, лица, производящего дознание, эксперта, переводчика (ст.ст. 59—67 УПК РСФСР).

Общими гарантиями для всех элементов принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела являются: обязательность удовлетворения заявленных участниками процесса ходатайств, имеющих значение для дела (ст. 131 УПК РСФСР), участие защитника в стадии предварительного следствия (ст. 47 УПК РСФСР), прокурорский надзор за предварительным расследованием (ст.ст. 211—216 УПК РСФСР) и другие. Важными гарантиями всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела в стадии предварительного расследования является строгое соблюдение всех принципов советского уголовного процесса, всех норм уголовного судопроизводства.

В интересах дальнейшего обеспечения безусловного выполнения требования закона о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела возникает необходимость в законодательном закреплении и проведении в жизнь ряда дополнительных гарантий. На некоторых из них целесообразно остановиться.

а) Основой предмета доказывания по уголовному делу является состав преступления, как совокупность признаков, при наличии которых совершенное общественно-опасное деяние может быть признано преступлением. Необходимым элементом состава преступления является объект преступного посягательства. Однако ст. 68 УПК РСФСР не называет объекта преступного посягательства в качестве обстоятельства, подлежащего доказыванию. В этой связи следует согласиться с высказанным в литературе предложением о необходимости дополнения ст. 68 УПК РСФСР указанием на то, что при производстве дознания, предварительного следствия и разбирательстве в суде по каждому уголовному делу подлежит доказыванию также и объект преступления[3].

---

[2] При постановлении приговора закон также устанавливает круг вопросов, подлежащих разрешению в совещательной комнате (ст. 303 УПК РСФСР).

[3] См.: Л. А. Захожий. Осуществление принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела на предварительном следствии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, М., 1967, стр. 12.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

б) Выполняя требование закона по всестороннему исследованию обстоятельств дела, органы предварительного расследования обязаны выявлять всех соучастников преступления, определить роль и степень вины каждого из них. На это обстоятельство указано в определении судебной коллегии Верховного Суда СССР от 18 июля 1968 года по делу Г. и др.[4]

В п. 2 ст. 68 УПК РСФСР говорится только об обязанности доказывания виновности обвиняемого и не упоминается о необходимости установить всех соучастников преступления. Поэтому представляется целесообразным указать в ст. 68 УПК РСФСР на обязанность установления по каждому делу всех соучастников преступления, а также роли и степени вины каждого из них. Законодательное закрепление указанного положения необходимо тем более, что закон, устанавливая обстоятельства, подлежащие доказыванию по делам несовершеннолетних, обязывает органы предварительного следствия и суд выяснить наличие взрослых подстрекателей и иных соучастников преступления (п. 4 ст. 392 УПК РСФСР).

в) Требование всесторонности обязывает следователя устанавливать влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого обстоятельства, указанные в статьях 38 и 39 УК РСФСР, а также иные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого (п. 3 ст. 68 УПК РСФСР). На важность выяснения личности обвиняемого при производстве предварительного расследования и в суде неоднократно обращалось внимание высшими судебными органами[5] и в литературе[6]. Неустановление данных о личности обвиняемого (нарушение требования всестороннего исследования обстоятельств дела) или поверхностное их установление (нарушение требования полноты) — законодателем рассматривается как одностороннее и неполно проведенное расследование (ст. 343 п. 3 УПК РСФСР) и является основанием к отмене или изменению приговора (ст. 342 п. I УПК РСФСР)[7].

В последние годы в литературе все большее внимание стало уделяться проблеме изучения личности потерпевшего[8]. Доказано, что изучение личности потерпевшего положительно сказывается на всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств дела. Однако в законе обязанность органов расследования выяснять личность потерпевшего не предусмотрена, что в ряде случаев может привести к одностороннему, неполному и необъективному исследо-

---

[4] См. «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса, 1946—1962 гг.», стр. 36.

[5] См., например, постановление Президиума Верховного Суда РСФСР от 10 апреля 1963 г. по делу И. («Бюллетень Верховного суда РСФСР», 1963, № 6, стр. 9).

[6] См., например, Б. Л. Корсаков, А. А. Любавин. Исследование личности обвиняемого. «Социалистическая законность», 1959, № 2, стр. 23; Н. Т. Ведерников. Некоторые вопросы изучения личности обвиняемого на предварительном следствии. Труды Томского университета, т. 183, 1966, стр. 222—236.

[7] За 1968 год и 6 месяцев 1969 года из числа дел, законченных следователями прокуратуры и МВД Томской области и возвращенных судами на дополнительное расследование, по 32% дел основанием для возвращения дела, наряду с другими, послужило неполное изучение личности обвиняемого.

[8] См., например, В. Я. Дорохов. Показания потерпевшего как доказательство в уголовном процессе. Госюриздат, М., 1959; В. М. Савицкий, И. И. Потеруха. Потерпевший в советском уголовном процессе. Изд-во «Юридическая литература», М., 1963.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ванию обстоятельств дела[9]. Поэтому следует поддержать предложение Л. А. Захожего о необходимости дополнить ст. 68 УПК РСФСР указанием на обязанность устанавливать по каждому уголовному делу сведения о личности потерпевшего[10].

г) В обеспечение требования всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела закон предусматривает право обвиняемого на заявление отвода следователю, прокурору, эксперту, переводчику (ст.ст. 59—67 УПК РСФСР). Право на заявление отводов предоставлено также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику (ст.ст. 53—55 УПК РСФСР). Однако согласно ст. 52 УПК РСФСР подозреваемый таким правом не наделен. Предоставление подозреваемому права на заявление отвода явилось бы дополнительной гарантией всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. В этой связи представляется целесообразным дополнить ст. 52 УПК РСФСР указанием на то, что подозреваемый имеет право на заявление отводов.

д) Ст. 210 УПК РСФСР предусматривает право прокурора отменить постановление следователя о прекращении уголовного дела и возобновить по нему производство. В законе не указано, должен ли проводить дополнительное расследование следователь, уже однажды проводивший расследование и вынесший постановление о прекращении уголовного дела, или другой следователь. На практике в таких случаях проведение дополнительного расследования, как правило, поручается тому же следователю, который уже проводил расследование и вынес постановление о прекращении дела. Такую практику нельзя признать правильной. Во-первых, приняв дело к своему производству, следователь нередко старается направить ход расследования таким образом, чтобы подтвердить свои прежние выводы. К этому может побудить отдельных следователей самолюбие, интересы престижа, честь мундира и другие мотивы. Во-вторых, следователь уже высказал свое определенное мнение по делу, реализовал свое внутреннее убеждение в постановлении о прекращении дела, а с указаниями прокурора о проведении дополнительного расследования и привлечении к уголовной ответственности определенных лиц он подчас не согласен. Хотя, ч. II ст. 127 УПК РСФСР и предусматривает право следователя представить в этих случаях дело вышестоящему прокурору с письменным изложением своих возражений, на практике это бывает крайне редко[11].

Еще более серьезное сомнение вызывает указанная практика в случаях, когда после отмены постановления о прекращении дела

---

[9] За 1968 год и 1-е полугодие 1969 года из числа дел, законченных следователями прокуратуры и МВД Томской области и возвращенных судами на дополнительное расследование, по 18% дел основанием для возвращения дела, наряду с другими, послужило неполное изучение личности потерпевшего.

[10] Л. А. Захожий. Осуществление принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела на предварительном следствии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, 1967, стр. 14.

[11] За 1968 год и 1-е полугодие 1969 года из числа прекращенных следователями прокуратуры и МВД Томской области лицами прокурорского надзора возобновлено 80 дел, дополнительное расследование которых было поручено тем же следователям. Характерно, что ни один следователь не представил дело вышестоящему прокурору со своими возражениями.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

его расследование поручается тому же дознавателю [12]. При несогласии с указаниями прокурора органы дознания вправе обжаловать их вышестоящему прокурору, не приостанавливая выполнения этих указаний (п. 3 ст. 120 УПК РСФСР). Поэтому, если дознаватель, например, прекратит уголовное дело, а прокурор отменит постановление о прекращении дела и возобновит производство по нему, то, несмотря на сложившееся внутреннее убеждение в правильности принятого им решения, дознаватель обязан выполнять указание прокурора. Все это может привести к одностороннему, неполному и необъективному подходу в исследовании обстоятельств дела. В этой связи представляется целесообразным указать в ст.ст. 210 и 120 УПК РСФСР, что в случае отмены прокурором постановления следователя или дознавателя о прекращении уголовного дела расследование его должно быть поручено другому следователю или дознавателю [13].

По этим же соображениям было бы правильным дополнить ст. 116 УПК РСФСР указанием на то, что в случае отмены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела расследование должно быть поручено другому следователю, дознавателю.

е) Согласно ст. 23 УПК РСФСР в качестве экспертов не могут принимать участие в производстве по уголовному делу лица, если они лично, прямо или косвенно заинтересованы в этом деле.

В настоящее время сложилась такая практика, когда в качестве экспертов нередко выступают работники милиции из так называемых научно-технических отделов (НТО), функционирующих при Управлении внутренних дел обл (край) исполкомов [14]. Эксперты из НТО в административном отношении подчиняются руководству УВД. Последнее осуществляет также руководство оперативной работой органов дознания и работой следователей системы МВД. Руководство УВД несет ответственность за раскрытие каждого преступления, и в силу этого в отдельных случаях заключение эксперта может оказаться необъективным.

Поэтому следует поддержать высказанное в литературе предложение о необходимости выделить научно-технический отдел из системы МВД и подчинить его системе Научно-исследовательской лаборатории судебной экспертизы (НИЛСЭ) [15].

ж) В соответствии со ст.ст. 59, 67 УПК РСФСР эксперт не может принимать участие в производстве по делу в случае, если он участвовал в этом деле в качестве лица, производившего дознание. При расследовании дел о пожарах эта важная гарантия всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела фактически

---

[12] За 1967—1968 гг. и 6 месяцев 1969 года по 90% возобновлено прокурорами дел из числа прекращенных органами дознания Томской области, проведение дополнительного расследования поручалось тем же дознавателям. Характерно, что ни один дознаватель не обжаловал решения о возобновлении дела вышестоящему прокурору.

[13] Представляется последовательным и правильным решение этого вопроса при рассмотрении дел судом. Ст. 348 УПК РСФСР предусматривает, что в случае отмены приговора вышестоящим судом и направления дела для нового рассмотрения в суд, оно должно быть рассмотрено иным составом судей.

[14] За 1967—1968 гг. и 10 месяцев 1969 года по делам, расследованным следователями прокуратуры и МВД Томской области, количество заключений по криминалистическим экспертизам, проведенным работниками НТО УВД Томского облисполкома, составило 82%.

[15] См.: С. Митричев. Криминалистика и криминалистическая экспертиза. «Социалистическая законность», 1966, № 5, стр. 13—15.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

игнорируется. Известно, что органом дознания по этой категории дел является специальный отдел при УВД — отдел пожарной охраны (ОПО). Наряду с профилактикой пожаров в задачу указанного отдела входит также проведение дознания по делам о них. Работники упомянутого отдела также дают заключения о причинах пожара и лицах, повинных в его возникновении[16]. Однако ОПО, как и всякий другой орган дознания, несет ответственность за раскрытие преступления. Поэтому не исключена возможность необъективного подхода к даче заключений о причинах возникновения пожара и лиц в этом ответственных.

Более того, в практике нередко можно встретить такие случаи, когда следователи назначают пожарно-технические экспертизы, производство которых поручается работникам указанного выше отдела[17] и другим лицам, проводившим дознание по этим пожарам. Такие заключения пожарно-технического эксперта, как правило, кладутся в основу обвинения, а впоследствии и приговора. Все это может привести к необъективному исследованию обстоятельств дела. В этой связи целесообразно указать в законе, что органы дознания, в частности, упомянутый отдел системы МВД, не имеет права давать заключения по делам о пожарах и проводить экспертизы по ним. Такое право следует представить экспертам НИЛСЭ.

з) В отличие от обвиняемого, потерпевшему не предоставлены права, предусмотренные ст. ст. 184, 185, 193 УПК РСФСР при производстве экспертизы и в соответствии с п. 2 ст. 120 УПК РСФСР он не имеет права знакомиться с материалами дознания, тем самым потерпевший ставится в неравное процессуальное положение с обвиняемым. Если обвиняемому права, предусмотренные в указанных нормах закона, предоставляются в целях защиты от необоснованного обвинения, то потерпевшему эти права необходимы тоже для отстаивания своих интересов. Потерпевший во многих случаях знает лучше других подлинные обстоятельства дела и нередко искренне хочет помочь органам расследования в изобличении преступника. Непредоставление потерпевшему права знакомиться с материалами дознания может привести к упущениям, которые в последующих стадиях уголовного процесса подчас невозможно восполнить. В связи с изложенным права, предоставленные ст. ст. 184, 185 и 193 УПК РСФСР обвиняемым, следует распространить на потерпевших,— изменив п. 2 ст. 120 УПК РСФСР, путем указания, что потерпевший имеет право знакомиться с материалами дознания и заявлять ходатайства о его дополнении.

и) Существующий порядок участия защитника в стадии предварительного расследования ставит в неравное положение обвиняемого по делам, по которым проводится предварительное следствие, и по делам, по которым проводится дознание. Пункт 1 ст. 120 УПК РСФСР запрещает участие защитника при производстве дознания. С учетом сокращенных сроков расследования по делам, по которым производство предварительного следствия не обязательно и меньшей квалификации работников, проводящих дознание, не исключена возможность одностороннего, неполного и необъективного исследования обстоятельств

[16] Характерно, что за последние 3 года по всем делам о пожарах по Томской области заключения о причинах пожара давались работниками ОПО УВД Томского облисполкома.

[17] Так, по уголовным делам о пожарах по Томской области технические экспертизы проводились работниками ОПО УВД Томского облисполкома в 1967 году по 85,5% дел, в 1968 году по 79,1% дел, за 6 месяцев 1969 года по 96,3% дел.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

дела. Опасно это тем более, что санкция ряда статей уголовного кодекса по делам, по которым проводится дознание, иногда выше, чем по некоторым делам, подследственным следователю. Поэтому следовало бы п. 1 ст. 120 УПК РСФСР исключить, дополнив ее указанием на то, что по делам, по которым проводится дознание, участие защитника обязательно с момента предъявления обвинения.

к) В практике возникает важный вопрос, как обеспечить всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела по приостановленным делам о нераскрытых преступлениях. Пункт 3 ст. 195 УПК РСФСР предусматривают, что в случае неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, предварительное следствие по делу приостанавливается. Приостановив расследование, следователь обязан принимать как непосредственно, так и через органы дознания меры к установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (ст. 197 УПК РСФСР). Закон не называет этих мер, но поскольку следствие по делу приостановлено, под ними, очевидно, следует понимать непроцессуальные действия следователя и органов дознания. Понятно, что без сочетания этих мер с процессуальными действиями раскрыть преступление трудно, а подчас невозможно. Органы дознания не могут возобновить приостановленное дело, так как оно находится в производстве следователя. Следователя же обстановка ставит нередко в такое положение, когда он вынужден проводить следственные действия без возобновления производства (проведение всего 1—2 следственных действий, необходимость продления срока следствия и т. д.), что противоречит требованиям ст. 198 УПК РСФСР [18].

Исходя из смысла ст. ст. 133, 195, 198 УПК РСФСР, следователь обязан строго соблюдать сроки расследования. Это обязывает его каждый раз возобновлять, а затем приостанавливать дело при необходимости производства по нему дополнительных или неотложных следственных действий (нередко единственного следственного действия). Все это приводит к тому, что некоторые следователи неохотно идут на возобновление приостановленных дел, а приостановив дело, подчас не считают нужным заниматься им в дальнейшем [19].

Очевидно, что существующее положение затрудняет проведение всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела по приостановленным делам о нераскрытых преступлениях. В целях выполнения задачи быстрого и полного раскрытия преступления и изобличения виновных представляется целесообразным в законодательном порядке запретить приостановление дел, по которым не установлено лицо, совершившее преступление. Расследование по делам о нераскрытых преступлениях не должно ограничиваться какими-либо сроками, а продолжаться до тех пор, пока преступление не будет раскрыто или пока дело не будет прекращено по указанным в законе основаниям. Такие дела нельзя приравнивать к делам, приостановленным по другим основаниям.

---

[18] Следует отметить, что ст. 164 УПК Эстонской ССР, ст. 200 УПК Латвийской ССР, ст. 190 УПК Армянской ССР, ст. 186 УПК Киргизской ССР предоставляют следователю право в случае необходимости проводить процессуальные действия по делу и после его приостановления для принятия мер к установлению преступника. Но в этом случае приостановление дела по существу теряет всякий смысл.

[19] Из числа приостановленных уголовных дел об убийствах, совершенных за последние 10 лет на территории Томской области, раскрыто лишь 10% преступлений.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

* * *

Закрепление всех указанных выше предложений в законодательном порядке содействовало бы, на наш взгляд, всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела, способствовало бы укреплению социалистической законности в уголовном судопроизводстве.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 219 Серия юридическая

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗМЕНЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

И. И. КРУКОВСКИЙ

30 июня 1969 г. Пленум Верховного Суда СССР принял постановление «О судебном приговоре»[1]. В нем затрагиваются вопросы изменения обвинения, на отдельных из которых мы остановимся.

1. В литературе и судебной практике спорным представлялся вопрос о том, как поступить суду, если он установит, что подсудимый совершил одно преступление (например, злостное хулиганство, предусмотренное ч. II ст. 206 УК РСФСР), а его действия ошибочно квалифицированы не одной, а двумя статьями уголовного закона (например, ч. II ст. 206 и ч. I ст. 109 УК РСФСР). Одни считали, что в подобных случаях подсудимый по статье закона, излишне предъявленной, подлежит оправданию. Другие, наоборот, полагали, что излишне предъявленная статья закона подлежит исключению из обвинения[2].

Так, например, Ф. М. Фаткуллин утверждал, что обвинение должно быть изменено путем исключения уголовно-правовой нормы, которая не может быть включена в правовую квалификацию при конкуренции законов (нормы общей и специальной), при отсутствии идеальной совокупности, ошибочно ранее признанной, и в других случаях, когда «...при полной доказанности всех противоправных действий и фактов, вмененных ранее в вину подсудимому, возникает необходимость сузить только правовую квалификацию содеянного...»[3].

Об изменении обвинения и исключении ошибочно вмененной статьи уголовного закона при конкуренции общего и части (например, причинение телесных повреждений как часть состава разбойного нападения), поскольку общая норма «имеет преимущество перед нормой, предусматривающей лишь часть того, что совершил преступник», говорил и В. Н. Кудрявцев[4].

---

[1] «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1969, № 4, стр. 9—15.

[2] См., например: Ф. Н. Фаткуллин. Обвинение и судебный приговор, докт. дисс., Казань, 1965; его же. Обвинение и изменение его в суде. Казань, 1963; В. Н. Кудрявцев. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963; Г. Н. Омельяненко. Основания и процессуальный порядок возвращения судом уголовных дел на дополнительное расследование, автореф. канд. дисс., Киев, 1968; Я. О. Мотовиловкер. Вопросы теории и практики советского уголовного процесса, докт. дисс., Томск, 1965.

[3] Ф. Н. Фаткуллин. Обвинение и судебный приговор, докт. дисс., Казань, 1965, стр. 649—650, 537—541.

[4] В. Н. Кудрявцев. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963, стр. 253, 262.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Судебная практика также допускала исключение ошибочно примененных статей уголовного закона[5].

Сторонники противоположного взгляда ссылались на ст. 315 УПК РСФСР, согласно которой «если подсудимому предъявлено обвинение по нескольким статьям уголовного закона, то в резолютивной части приговора должно быть точно указано, по каким из них подсудимый оправдан и по каким осужден». Ошибочность этого взгляда очевидна. Допустим, что подсудимому М. предъявлено обвинение по ч. II ст. 146 и ч. I ст. 108 УК РСФСР, поскольку он при разбойном нападении причинил потерпевшему тяжкие телесные повреждения. Но причинение тяжких телесных повреждений в подобном случае охватывается составом разбоя. Ст. 108 УК РСФСР подлежит поэтому исключению. Можно ли в этой части постановить оправдательный приговор? Нет, ибо это противоречило бы ст. 309 УПК РСФСР, предусматривающей постановление оправдательного приговора в трех случаях: когда не установлено событие преступления, когда в деянии подсудимого нет состава преступления и когда не доказано участие подсудимого в совершении преступления. В приведенном же примере событие преступления (включая причинение тяжких телесных повреждений) установлено, состав преступления в действиях М. налицо и его участие в преступлении доказано. Следовательно, о каком-либо оправдании речи быть не может.

Цитируемое постановление Пленума внесло полную ясность в рассматриваемый вопрос. В постановлении (п. 7) указывается, что «если подсудимый совершил одно преступление, которое ошибочно квалифицировано несколькими статьями уголовного закона, суд только в описательной (описательно-мотивировочной, мотивировочной) части приговора должен указать об исключении ошибочно вмененной подсудимому статьи уголовного закона, приведя соответствующие мотивы[6].

Независимо от этого целесообразно в законодательном порядке, по нашему мнению, привести ст. 315 УПК РСФСР в соответствие со ст. 309 того же Кодекса, указав в ней на случаи предъявления нескольких обвинений, а не обвинения по нескольким статьям уголовного закона.

В таких случаях, если одно обвинение подтверждается, а другое не подтверждается, суд в приговоре признает подсудимого виновным по одному и оправдывает по другому обвинению. Именно такой была редакция части четвертой ст. 335 УПК РСФСР 1923 года.

В уголовно-процессуальных Кодексах Украинской ССР (ст. 335), Грузинской ССР (ст. 318), Литовской ССР (ст. 347), принятых несколько позже, чем УПК РСФСР, также речь идет не об обвинении по нескольким статьям уголовного закона, а о предъявлении подсудимому нескольких обвинений.

2. В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР «О судебном приговоре» не содержится ответ на вопрос, как должна поступить кассационная или надзорная инстанция, если она установит ошибку в квалификации, на которую указывалось выше.

Судебная коллегия Верховного суда РСФСР, рассматривая в кассационном порядке дело по обвинению Ш., осужденного Алтайским краевым судом по ч. II ст. 206 и ст. 77—1 УК РСФСР, отменила приговор в части обвинения Ш. по ст. 206 УК РСФСР и дело производством

---

[5] См., например, Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 5 от 31 марта 1962 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» («Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963», М., 1964, стр. 241).

[6] «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1969, № 4, стр. 11.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

прекратила. При этом коллегия указала, что действия, вмененные Ш. по приговору как хулиганские, фактически охватываются составом преступления, предусмотренного ст. 77—1 УК РСФСР[7]. Не возражая против последнего утверждения судебной коллегии, мы вместе с тем не можем согласиться с ее решением об отмене приговора с прекращением дела производством в части обвинения Ш. по ст. 206 УК РСФСР.

Судебная коллегия признала, что Ш. фактически совершено одно преступление (ошибочно квалифицированное по двум статьям закона). Это преступление нашло свое подтверждение, постановлен обвинительный приговор. Следовательно, обвинение Ш. не отпало. Поэтому нельзя было признать Ш. и виновным и невиновным в совершении установленных судом действий.

Частичная отмена приговора может иметь место лишь в случаях реальной совокупности преступлений, т. е. при множественности обвинений, когда одно из них не нашло в суде своего подтверждения.

В данном случае Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР не сделала того, что должен был сделать согласно рекомендации Пленума Верховного суда СССР суд первой инстанции.

3. Судебная практика в ряде случаев положительно решала вопрос о праве суда квалифицировать отдельные эпизоды преступления, совершенного подсудимым, по статье закона, по которой не было ему предъявлено обвинение (например, при переквалификации с ч. II ст. 89 на ч. I ст. 89 и ч. II ст. 96 УК РСФСР либо с ч. II ст. 92 на ч. II ст. 92 и ст. 172 УК РСФСР)[8].

В юридической литературе высказывались различные и порою противоположные взгляды на это право суда[9].

Пленум Верховного Суда СССР признал возможность квалификации отдельных эпизодов преступления по статье закона, по которой подсудимому не было предъявлено обвинение. В своем постановлении «О судебном приговоре» (п. 8) он, правда, ограничивает эту возможность определенными условиями: «...если действия подсудимого, квалифицируемые по новой статье закона, вменялись ему в вину при предании суду, не содержат признаков более тяжкого преступления и существенно не отличаются по фактическим обстоятельствам от обвинения, по которому он был предан суду, а изменение обвинения не ухудшает положения подсудимого и не нарушает его право на защиту»[10].

В связи с этим возникает вопрос, не является ли подобное изменение обвинения, когда подсудимому вменяется статья закона, по которой ему ранее не было предъявлено обвинение, фактически предъявлением нового обвинения? На поставленный вопрос необходимо, по нашему мнению, ответить отрицательно. Квалификация отдельных эпизодов совершенного подсудимым преступления по другой статье закона не может превратить обвинение, предъявленное подсудимому, в новое в смысле ст. 255 УПК РСФСР. В данном случае в суде не устанавливаются новые обстоятельства, дополнительные факты. В основе обвинения остается прежнее преступное событие, а следовательно, и прежнее обви-

---

[7] Архив Алтайского краевого суда, 1969, дело 2—21.

[8] См., например, «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1961, № 6, стр. 12.

[9] См. указанные выше работы Ф. Н. Фаткуллина, В. Н. Кудрявцева, а также М. И. Бажанова. Изменение обвинения в советском уголовном процессе. Госюриздат, М., 1954; Н. А. Выборнов. Изменение обвинения в советском уголовном процессе, канд. дисс., М., 1953; М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, изд. АН СССР, М., 1958.

[10] «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1969, № 4, стр. 11.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

нение. Речь идет лишь об изменении его вследствие изменения правовой квалификации содеянного[11].

В связи с этим возникает и такой вопрос, может ли иная правовая квалификация действий подсудимого при условиях, указанных в постановлении Пленума, быть признана существенным изменением обвинения. Не требует ли это направления дела на дополнительное расследование? На это мы отвечаем также отрицательно.

И ст. 254 УПК РСФСР, и новое постановление Пленума Верховного Суда СССР «О судебном приговоре» понятие существенного изменения обвинения связывают только с изменением фактических обстоятельств дела, т. е. с фактической фабулой обвинения. Если вместо ст. 15 и п. «б» ст. 102 УК РСФСР (покушение на убийство из хулиганских побуждений) суд изменил квалификацию на две статьи — ч. II ст. 206 и ст. 207 УК РСФСР (злостное хулиганство и угроза убийством), при тех же фактических обстоятельствах нет существенного изменения обвинения в смысле ст. 254 УПК РСФСР или нового обвинения в смысле ст. 255 УПК РСФСР, нет и ухудшения положения подсудимого. Ф. Н. Фаткуллин, однако, считает, что все же было бы неверным допускать в суде такие изменения обвинения, ибо это ущемляет право подсудимого на защиту, лишает его возможности привести возражения против переквалификации его деяний подобным образом. А поэтому автор полагает, что было бы логичнее признать эти изменения юридической формулировки и правовой квалификации обвинения существенным и, в силу этого, признать существенным и изменение всего обвинения, а дело — подлежащим направлению на дополнительное расследование[12].

С приведенными соображениями автора согласиться трудно, ибо это значит вложить в понятие существенного изменения обвинения иной смысл, чем тот, который предусмотрен ст. 254 УПК РСФСР.

Нельзя согласиться и с теми, кто утверждает, что квалификация действий обвиняемого двумя статьями уголовного закона в связи с иной квалификацией отдельных эпизодов преступления, хотя обвинение было предъявлено по одной статье закона, всегда ухудшает положение подсудимого.

Как указывает профессор В. Н. Кудрявцев, дело не в количестве статей уголовного закона при изменении обвинения, а в сущности измененного обвинения. Можно при изменении обвинения квалифицировать отдельные эпизоды по новой статье, ранее не вменявшейся в обвинение подсудимому, и улучшить его положение, а можно исключить одну статью и ухудшить положение[13].

Нам представляется неубедительной ссылка профессора М. С. Строговича и на то, что «...предъявление подсудимому на суде еще нового, дополнительного обвинения, хотя бы и более легкого, чем то, по которому он был предан суду, всегда стесняет право подсудимого на защиту, так как к защите против этого нового обвинения подсудимый заблаговременно не мог подготовиться»[14].

---

[11] Аналогичную позицию в этом вопросе занимает Я. О. Мотовиловкер (Я. О. Мотовиловкер. Вопросы теории и практики советского уголовного процесса, докт. дисс., Томск, 1965, стр. 130—143).

[12] Ф. Н. Фаткуллин. Обвинение и его изменение в суде. Казань, 1963, стр. 141.

[13] В. Н. Кудрявцев. Теоретические основы квалификации преступлений, М., 1963, стр. 239.

[14] М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 426.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Во-первых, в ряде случаев подсудимый фактически защищается и против измененного обвинения. Так, допустим, что в вину подсудимому вменялось совершение четырех случаев хищения государственного имущества путем злоупотребления служебным положением. Суд пришел к выводу, что хищение доказано лишь в двух случаях, а в двух других случаях налицо злоупотребление служебным положением без признаков хищения. Вместо одной статьи 92 суд применил две — 92 и 170 УК РСФСР. Право подсудимого на защиту не нарушено, ибо он, защищаясь против обвинения в хищении путем злоупотребления служебным положением, защищался и против обвинения в злоупотреблении служебным положением.

Во-вторых, в отдельных случаях на изменении квалификации настаивает сам подсудимый или его адвокат. Соглашаясь с их доводами, суд квалифицирует действия подсудимого, например, вместо ст. 15 и п. «б» ст. 102, ст. 207 и ч. II ст. 206 УК РСФСР. В данном случае нельзя говорить о нарушении права на защиту.

С другой стороны, нельзя отрицать и того, что на практике могут встречаться случаи, когда изменение квалификации действий подсудимого представляется для него настолько неожиданным, что право на его защиту может быть нарушено.

Указание постановления Пленума Верховного Суда СССР о допустимости изменения обвинения в случаях, предусмотренных пунктом восьмым, должно поэтому применяться судами осторожно и лишь в тех пределах, в каких право обвиняемого на защиту не окажется нарушенным.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 219 Серия юридическая

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВЕННОМ НАРУШЕНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ

Б. С. ИБРАГИМОВ

При всей своей важности для практической деятельности судебно-следственных органов вопрос о существенном нарушении уголовно-процессуальной формы мало разработан теорией советского уголовного процесса. Этим и обусловлена предпринимаемая в настоящей статье попытка рассмотрения некоторых его сторон.

1. Определение существенного нарушения уголовно-процессуальной формы дается в ч. I ст. 345 УПК РСФСР и в соответствующих статьях УПК других союзных республик[1] в порядке конкретизации одного из оснований отмены или изменения приговоров кассационной инстанцией, предусмотренных ст. 49 Основ уголовного судопроизводства.

Между тем во всех союзных республиках законодатель имеет в виду понятие существенного нарушения уголовно-процессуальной формы, регулируя не только рассмотрение дел кассационной инстанцией, но и движение дел в предыдущих и последующих стадиях уголовного процесса. Так, в УПК РСФСР мы встречаемся с этим понятием в ст. 211, устанавливающей полномочия прокурора по осуществлению надзора за исполнением законов при производстве дознания и предварительного следствия, в ст. 232, предусматривающей основания возвращения дела на дополнительное расследование судом в распорядительном заседании, в ст. 379, формулирующей основания к отмене или изменению вступивших в законную силу приговора, определения и постановления суда.

Отсутствие единого для всех стадий процесса определения существенного нарушения уголовно-процессуальной формы создает большие неудобства в практической деятельности, а в теоретическом отношении не находит никакого оправдания[2].

---

[1] Ст. 345 УПК РСФСР и соответствующие статьи других союзных республик предусматривают нарушения именно уголовно-процессуальной формы, хотя озаглавлены иначе. См. об этом: Я. О. Мотовиловкер. Вопросы дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Изд-во Томского университета, 1966, стр. 93.

[2] Отмеченное обстоятельство побудило В. И. Баскова рекомендовать суду и прокурору в распорядительном заседании, когда принимается решение о возвращении дела на дополнительное расследование, «исходить» из признаков существенного нарушения уголовно-процессуальной формы, указанных в ст. 345 УПК РСФСР. (См.: В. И. Басков. Прокурор в суде первой инстанции. М., 1968, стр. 66—67). Однако такая рекомендация явно вынуждена несовершенством действующего законодательства в этой части.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

В связи с этим, по-видимому, было бы правильнее, если бы статья, излагающая понятие существенного нарушения уголовно-процессуальной формы, располагалась в уголовно-процессуальных кодексах в главе «Основные положения», а определение существенного нарушения уголовно-процессуальной формы было бы дано законодателем применительно не к отдельным стадиям, а ко всему процессу в целом.

В пользу такого предложения говорят и следующие соображения:

а) Сравнительно большое количество уголовных дел получает разрешение не в стадии судебного разбирательства, а в одной из предыдущих стадий, и до кассационного рассмотрения не доходит[3].

Это находится в полном соответствии с волей законодателя, прямо указывающего на право суда, прокурора и следователя, с согласия прокурора, разрешать при определенных обстоятельствах дела прежде, чем процесс достигнет стадии судебного разбирательства. Осуществляется это путем прекращения дел по реабилитирующим обвиняемого основаниям. Именно такой вывод можно сделать из содержания, например, ст. 7—9 УПК РСФСР[4].

По делам, разрешенным в стадиях, предшествующих судебному разбирательству, вопрос о допущенных нарушениях уголовно-процессуальной формы в стадии кассационного пересмотра приговоров вообще не рассматривается (разумеется, если только процессуальное решение, которым завершилось производство в стадии возбуждения уголовного дела, или предварительного расследования, или предания суду, не было затем отменено и дело не получило дальнейшего движения).

б) Вопрос о характере допущенного нарушения уголовно-процессуальной формы постоянно возникает на практике и при принятии любого промежуточного, не итогового процессуального решения. В таких случаях то или иное нарушение оценивается под углом зрения его последующего влияния на принятие итогового, заключительного процессуального решения.

в) Задолго до того, как будет постановлен приговор или будет принято иное заключительное процессуальное решение суда первой инстанции, также встает на практике вопрос о возможном влиянии допущенного нарушения уголовно-процессуальной формы на всесторонность, полноту и объективность исследования обстоятельств дела. И если в стадии кассационного пересмотра приговора отрицательное влияние нарушений процессуальной формы проверяется применительно к законченному исследованию фактических обстоятельств, то в предыдущих стадиях процесса по данному делу тот же вопрос возникает и получает определенное решение при выполнении управомоченными должностными лицами любого процессуального действия, и при том нередко еще до того, как нарушение допущено.

Например, следователь встретился с известными трудностями при подыскании понятых для привлечения к участию в обыске и поэтому решился обойтись без них. Несомненно, что в этом случае еще до выполнения запланированного следственного действия он сопоставил свое намерение относительно понятых с требованиями ч. I ст. 169 УПК РСФСР об обязательном их присутствии при производстве обыска.

---

[3] Так, в Томской области в 1968 г. в стадии предварительного расследования по различным основаниям было прекращено около 25% от общего числа оконченных производством дел.

[4] Ср.: Р. Д. Рахунов. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961, стр. 57; М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968, стр. 200.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

2. В формулировке ч. I ст. 345 УПК РСФСР понятие существенного нарушения уголовно-процессуальной формы включает в себя следующие три признака:

1) указание на характер нарушения («путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участников процесса при рассмотрении дела» или «иным путем»),

2) несомненное отрицательное влияние допущенного нарушения уголовно-процессуальной формы на разбирательство дела («помешали суду всесторонне[5] разобрать дело»),

3) несомненное или вероятное отрицательное влияние на постановление законного и обоснованного приговора («повлияли или могли повлиять на постановление законного и обоснованного приговора»).

Думается, что научный анализ исследуемого понятия может быть плодотворным только при условии, если не упускать из виду все три названных признака.

Сопоставление ч. I ст. 345 УПК РСФСР с соответствующими статьями УПК других союзных республик позволяет выявить между ними сходство в том отношении, что и другие УПК предусматривают все три названных выше признака существенного нарушения уголовно-процессуальной формы. Но имеется и расхождение между ч. I ст. 345 УПК РСФСР, с одной стороны, и соответствующими статьями УПК некоторых других союзных республик, с другой.

В ч. I ст. 345 УПК РСФСР законодатель, излагая признаки существенных нарушений уголовно-процессуальной формы, наряду с отрицательным влиянием допущенных нарушений на постановление приговора нашел нужным указать и на отрицательное влияние таких нарушений на разбирательство дела. Однако, по мысли законодателя, как она изложена в ч. I ст. 345, последствия нарушения уголовно-процессуальной формы, признаваемого существенным, могут быть неодинаковыми для разбирательства дела и для постановления приговора.

Всесторонности разбирательства нарушение уголовно-процессуальной формы определенно должно помешать — лишь тогда оно считается существенным. На постановление законного и обоснованного приговора нарушение или должно повлиять определенно, или хотя бы вызвать сомнения в том смысле, что оно «могло повлиять», — и такое нарушение также будет признано существенным.

Налицо явное несоответствие требований законодателя по вопросу о характере влияния нарушения уголовно-процессуальной формы на всесторонность разбирательства дела, с одной стороны, и на постановление приговора — с другой. Этим создается препятствие для правильного разграничения существенных и несущественных нарушений уголовно-процессуальной формы.

Несоответствие становится еще более очевидным, когда обращается внимание на то, что всестороннее рассмотрение дела служит предпосылкой и основой принятия по нему правильного процессуального решения, вынесения правосудного приговора. Из текста же ч. I ст. 345 УПК РСФСР вытекает, что признаются существенными нарушения уголовно-процессуальной формы, если они породили сомнения в выводах, излагаемых судом в приговоре. И не могут быть признаны существенными нарушения, если они породили сомнения в доброкачественности разбирательства, на которое опираются эти выводы.

[5] Более совершенной в этой части является редакция ст. 370 УПК УССР, предусматривающей в качестве признака существенного нарушения уголовно-процессуальной формы воспрепятствование объективному, полному и всестороннему рассмотрению дела.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Предпочтение должно быть отдано той формулировке отрицательного влияния нарушений уголовно-процессуальной формы, признаваемых существенными, которая дана в ст. 361 УПК Азербайджанской ССР, ст. 330 УПК Казахской ССР, ст. 370 УПК Украинской ССР и ст. 310 УПК Эстонской ССР. Согласно перечисленным статьям, существенными являются нарушения уголовно-процессуальной формы, которые воспрепятствовали или могли воспрепятствовать суду всесторонне разобрать дело. Таким образом, для признания допущенного нарушения уголовно-процессуальной формы существенным достаточно того, что оно могло отрицательно повлиять на всесторонность рассмотрения дела, и не требуется, чтобы нарушение несомненно воспрепятствовало всестороннему рассмотрению, как этого требует ч. I ст. 345 УПК РСФСР.

3. Обобщая сказанное выше, следует констатировать, что по признаку влияния на рассмотрение и разрешение уголовного дела существенными являются такие нарушения уголовно-процессуальной формы, которые:

а) несомненно отразились отрицательным образом на всесторонности рассмотрения дела и на законности и обоснованности приговора, либо

б) могли отрицательно повлиять на всесторонность рассмотрения дела и на законность и обоснованность приговора.

Признаки «могли воспрепятствовать» (помешать), «могли повлиять» предусмотрены законодателем для случаев, когда по имеющимся в деле материалам невозможно достоверно установить, повлияло ли в действительности допущенное нарушение уголовно-процессуальной формы отрицательным образом или не повлияло на рассмотрение дела и на постановление законного и обоснованного приговора, и по этой причине нельзя исключить такое отрицательное влияние.

Например, не представляется возможным установить, отразилось ли на всесторонности рассмотрения дела и постановлении приговора слушание дела с нарушением требования об обязательном присутствии обвиняемого в судебном заседании суда первой инстанции (ст. 246 УПК РСФСР), и поэтому нельзя исключить, что отсутствие в судебном заседании обвиняемого сказалось отрицательно на качестве исследования обстоятельств и правильности приговора[6].

Подобные нарушения уголовно-процессуальной формы отличаются от нарушений, отрицательное влияние которых на всесторонность рассмотрения и на законность и обоснованность приговора по конкретному уголовному делу можно установить достоверно.

Так, составной частью формы судебного рассмотрения и разрешения уголовных дел является опрос судом участников судебного разбирательства о наличии или отсутствии у них ходатайств об исследовании доказательств и удовлетворение либо мотивированный отказ в удовлет-

---

[6] По этим соображениям неубедительно следующее утверждение, высказанное в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1966 г. по делу Карапетяна («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1966, № 4, стр. 27): «Отсутствие (при рассмотрении дела) защитника сказалось (разрядка моя. — **Б. И.**) на соблюдении таких важных требований закона, как обеспечение в суде полноты, всесторонности и объективности исследования всех обстоятельств дела...». Думается, что у суда не было оснований для столь категорического утверждения, потому что в подобных случаях суд лишен возможности установить путем проверки материалов дела, что односторонность и неполнота рассмотрения являются результатом именно отсутствия защитника, а не других нарушений уголовно-процессуальной формы или уголовно-процессуального закона в целом.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ворении заявленных ходатайств (ст. 276 УПК РСФСР). Невыяснение судом наличия или отсутствия ходатайств, а также немотивированный отказ в удовлетворении заявленного кем-либо из участников процесса ходатайства представляют собой нарушения уголовно-процессуальной формы[7].

Существенны ли эти нарушения, кассационная инстанция может ответить потому, что проверяет по имеющимся в деле материалам и устанавливает, повлекли ли за собой названные нарушения односторонность рассмотрения дела.

В этой связи представляется уместным высказать следующее соображение. Значение уголовно-процессуальной формы для установления истины таково, что при ознакомлении с конкретными уголовными делами по тому или иному поводу (например, судьей кассационной инстанции по протесту прокурора на мягкость наказания) обнаружение нарушений уголовно-процессуальной формы служит своеобразным сигналом возможной некачественности исследования обстоятельств дела судом первой инстанции. Предпринимаемое затем углубленное изучение материалов дела иногда ведет к выявлению односторонности исследования как последствия нарушений уголовно-процессуальной формы.

4. Надлежит присоединиться к трактовке роли сомнений при разграничении существенных и несущественных нарушений уголовно-процессуальной формы, данной М. С. Строговичем:

«Общая установка... может быть только такая: ввиду значения процессуальных форм для правильности разрешения уголовных дел по существу ...только очевидная и несомненная несущественность процессуального нарушения позволяет его расценивать как несущественное, если же такой очевидности и несомненности в данном случае нет — процессуальное нарушение следует расценивать как существенное, которое отразилось или по крайней мере могло отразиться на правильности приговора»[8].

При этом, правда, следует иметь в виду, что сомнения во всесторонности (а равно полноте и объективности) исследования материалов дела либо в правильности приговора порождает любое нарушение уголовно-процессуальной формы[9]. Но одни сомнения могут отпасть в результате проверки материалов дела, а другие сохраняются, будучи неустранимыми при имеющейся на момент проверки совокупности материалов дела.

Вывод об «очевидной и несомненной несущественности» нарушения форм, установленных в интересах постановления истинного и законного приговора, должен явиться результатом именно проверки материалов дела. В противном случае легко впасть в ошибку, так как без проверки материалов дела подобный вывод будет нести на себе печать субъективных оценок. То, что кажется очевидным, несомненным одному, представляется неясным, сомнительным другому. Кроме того, при обстоятельствах одного уголовного дела данное нарушение уголовно-процессуальной формы производит на первый взгляд впечатление очевидно

[7] Ср.: М. М. Гродзинский. Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе. М., 1953, стр. 126.

[8] М. С. Строгович. Проверка законности и обоснованности судебных приговоров. М., 1956, стр. 80.

[9] Это не относится лишь к нарушениям таких уголовно-процессуальных форм, которые предназначаются не для обеспечения достижения истины по делу и принятия правильного решения по нему, а для оказания процедурой расследования, рассмотрения и разрешения дела необходимого воспитательного воздействия на определенную, неустойчивую часть населения. См., например, ст. 262, 300, ч. I ст. 318 УПК РСФСР.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

и несомненно несущественного, а при обстоятельствах другого уголовного дела предварительная оценка такого же процессуального нарушения может оказаться иной.

Таким образом, при разграничении существенных нарушений уголовно-процессуальной формы от несущественных по признаку вызываемых ими сомнений во всесторонности, полноте и объективности рассмотрения дела либо в законности и обоснованности приговора необходим объективный критерий. И этим критерием могут быть лишь материалы конкретного уголовного дела.

Настоящее утверждение относится и к существенным нарушениям уголовно-процессуальной формы, составляющим группу так называемых безусловных кассационных оснований, хотя при сомнениях, вызываемых такими нарушениями, последние признаются существенными «во всяком случае» (ч. II ст. 345 УПК РСФСР), то есть по любому делу. Мы встретились со случаем, когда исключением лишь подтверждается правило. Сомнения, порождаемые нарушением, которое входит в группу безусловных кассационных оснований, автоматически влекут за собой признание нарушения существенным и не требуют проверки материалов дела именно потому, что по любому делу результат проверки последствий такого нарушения будет один: сомнения окажутся неустранимыми при имеющейся совокупности материалов дела.

5. Последствием признания допущенного по делу нарушения уголовно-процессуальной формы существенным должна быть отмена приговора. В ст. 413 УПК РСФСР 1923 г. эта мысль была выражена достаточно четко: «Основаниями к отмене приговоров в кассационном порядке являются:... 2) существенное нарушение форм судопроизводства...»

Тем не менее отдельные авторы иногда произвольно истолковывают четкое веление закона и смягчают жесткую связь между существенным нарушением уголовно-процессуальной формы и судьбой приговора. Так, извлечение из определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 19 января 1949 г. по делу Стыскина составители сборника, в который включено данное извлечение, сопровождают следующим тезисом: «Непредоставление подсудимому последнего слова является существенным нарушением его прав, которое может (?!) повлечь отмену приговора (разрядка моя. — **Б. И.**)[10].

В УПК РСФСР 1960 г. соответствующая формулировка, к сожалению, дана в ухудшенной редакции: «Статья 342... Основаниями к отмене или изменению (разрядка моя. — **Б. И.**) приговора при рассмотрении дела в кассационном порядке являются:... 3) существенное нарушение уголовно-процессуального закона...».

При такой редакции нетрудно предположить, что существенное нарушение уголовно-процессуальной формы может повлечь за собой не непременную отмену, а всего лишь изменение приговора.

Этого недостатка лишены УПК Армянской, Латвийской и Литовской ССР. В ст. 339 УПК Латвийской ССР и ст. 383 УПК Литовской ССР, соответствующих ст. 342 УПК РСФСР, после перечисления оснований к отмене или изменению приговора помещена часть вторая статьи. В ней указывается, что существенное нарушение уголовно-процессуального закона (а также односторонность и неполнота предварительного и судебного следствия) «влекут только отмену приговора». Аналогичное указание в УПК Армянской ССР помещено в ст. 343, соответствующей ст. 345 УПК РСФСР. Исходя из этого, представляется необходимым внести в редакцию ст. 342 УПК РСФСР надлежащее дополнение.

[10] «Сборник постановлений Пленума и определений Коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса (1946—1962 гг.)». М., 1964, стр. 26.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 219 Серия юридическая

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Б. С. ИБРАГИМОВ, Я. О. МОТОВИЛОВКЕР

1. В последнее время советские юристы усиленно изучают вопрос о дальнейшем совершенствовании уголовно-процессуального законодательства, развитии демократических начал правосудия, улучшении правовой регламентации отдельных институтов уголовного процесса.

Недостаточно внимания, однако, уделяется, по нашему мнению, вопросу о совершенствовании уголовно-процессуальной терминологии. Между тем, было бы неправильно недооценивать значение точности юридических формулировок и, в частности, согласованного, единообразного употребления уголовно-процессуальных терминов. Неудачно примененный в законодательстве термин, несоответствие наименования тому содержанию, которое оно должно выражать, нередко приводит в теории уголовного процесса, следственной и судебной практике к неправильным по существу решениям.

Достаточно было законодателю употребить в пункте 1 ст. 309 (пункт 1 ст. 5) УПК РСФСР термин «не установлено событие преступления» в качестве ответа на вопрос, «имело ли место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый» (пункт 1 ст. 303 того же Кодекса), и появилась почва для серьезных расхождений по вопросу о критериях разграничения оправдания (прекращения дела) за отсутствием события и за отсутствием состава преступления[1]. Действительно, термин «событие преступления» дает повод думать, что речь идет о наличии в этом событии состава преступления. Можно ли при этих условиях, признав, что имевшее место событие преступно (пункт 1 ст. 5 УПК РСФСР), прекратить затем дело за отсутствием состава преступления (пункт 2 той же статьи)?

Как видим, началось с терминологической неточности: применено наименование «событие преступления» (пункт 1 ст. 5, пункт 1 ст. 309 УПК РСФСР) вместо наименования «деяние» (пункт 1 ст. 213, пункт 1 ст. 303 того же Кодекса). А впоследствии эта редакционная неточность приводит к тому, что дело в отношении невиновного лица может оказаться прекращенным не по тому основанию, которое законодатель предусмотрел для данной ситуации, со всеми вытекающими отсюда по-

---

[1] Эти имеющие место на практике расхождения были особенно наглядно выявлены в результате проведенного выборочным методом специального исследования. См.: Л. Карнеева. Прекращение уголовного дела за отсутствием состава и события преступления. «Социалистическая законность», 1970, № 5, стр. 53.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

следствиями (например, оставление иска без рассмотрения вместо отказа в нем — пункты 1, 2 ст. 310 УПК РСФСР).

Редакционная неточность иногда выражается в неудачном применении законодателем того или иного союза, что лишь на первый взгляд кажется незаслуживающим особого внимания. Так, согласно ч. 2 ст. 200 УПК РСФСР, в случае ходатайства об этом «следователь знакомит потерпевшего и гражданского истца или их представителей с материалами дела». Применение союза «или» вместо «и» вполне может навести на мысль, что если с материалами дела следователь ознакомил представителя, то потерпевший или гражданский истец лишаются права ознакомления с делом. Но толкуя так закон, мы поставили бы потерпевшего и гражданского истца в положение, при котором пользование услугами представителя было бы связано для них с ограничением процессуальных прав. Трудно полагать, что такова была воля законодателя. Более правдоподобно, что налицо терминологическая неточность, которая тем не менее на практике может привести к необоснованному ограничению прав участников процесса[2].

Значительные трудности в научных исследованиях создаются вследствие того, что одним и тем же термином нередко выражаются в уголовном процессе разные понятия (омонимы). В обыденной жизни это может и не вызвать особых затруднений. Например, когда мы говорим: «данный спор выносится на суд общественности», «гражданин обратился с иском в народный суд», то вряд ли неясно, в каком именно смысле («суждение» или «орган правосудия») применено слово «суд».

Иное положение создается в уголовном процессе, когда мы, например, термин «доказательство» применяем в одном случае для обозначения доказательственного факта, в другом — средства доказывания, в третьем — источника доказательств, в четвертом — результата доказывания. Здесь трудности в изложении материала и понимании текста становятся неизбежными. Приведем один из примеров. Применяя термин «доказательство» в смысле доказательственного факта, М. Л. Якуб утверждал: «Косвенные обвинительные доказательства называются косвенными уликами»[3]. Используя на той же странице термин «доказательство» в смысле результата доказывания, автор далее указывал: «Отдельная косвенная улика... не является еще доказательством виновности обвиняемого». Выходит, что косвенная улика и является доказательством виновности и «не является еще» доказательством виновности.

Отдельные научные дискуссии страдают тем, что в них предмет спора подменяется как раз в результате того, что спорящие стороны вкладывают в то или иное наименование различное содержание.

Примером может служить спор о том, является ли суд субъектом обязанности доказывания. Одни, понимая под этим термином обязанность суда собирать, проверять и оценивать доказательства, отвечают на вопрос положительно[4]. Другие, подразумевая под обязанностью доказывания обязанность обосновать истинность выдвинутого еще до на-

---

[2] Ср.: В. Г. Асташенков. Вопросы теории и практики окончания предварительного следствия с направлением дела для предания обвиняемого суду. Автореферат кандидатской диссертации. Саратов, 1969, стр. 8—9.

[3] Советский уголовный процесс. Под редакцией Д. С. Карева. М., Госюриздат, 1956, стр. 85.

[4] См., например, Ц. М. Каз. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе. Саратов, 1966, стр. 36.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

чала судебного разбирательства тезиса, конечно, отвечают на тот же вопрос отрицательно[5].

В такой же мере (хотя несколько в иной связи) иногда происходит подмена предмета спора, когда речь заходит о том, лежит ли на суде обязанность доказывать виновность подсудимого. Одни понимают это в смысле появления у суда в самом начале судебного разбирательства такой обязанности и отвечают на вопрос отрицательно[6]. Действительно, предавая обвиняемого суду, суд вовсе не предрешает тем самым вопроса о виновности (ст. 227 УПК РСФСР). Поэтому на суд, в отличие от прокурора, не может быть возложена обязанность доказывать именно виновность подсудимого. Функция суда состоит в другом: он обязан всесторонне, полно и объективно рассмотреть дело и в итоге вынести либо обвинительный, либо оправдательный приговор.

Другие приходят к противоположному ответу на тот же вопрос, понимая под обязанностью суда доказывать виновность подсудимого, его бесспорную обязанность мотивировать обвинительный приговор после того, как суд в совещательной комнате пришел к выводу о виновности подсудимого[7]. Получается видимость спора там, где по сути спора и нет[8].

В следственной и в судебной практике неточное употребление уголовно-процессуальных наименований может привести к искаженному представлению о характере прав и обязанностей субъектов правоотношений, возникающих в результате того или иного обращения участника процесса к органу, наделенному властными полномочиями. В этом нетрудно убедиться на примере неотграничения ходатайства, которое может быть в зависимости от конкретных обстоятельств дела либо удовлетворено, либо отклонено от иного рода обращений участников процесса, не являющихся ходатайствами. Если, скажем, изъявление воли подсудимого иметь защитника именовать ходатайством, то можно прийти к ошибочному выводу о том, что в просьбе подсудимого назначить ему защитника, как в любом другом ходатайстве, может быть в зависимости от тех или иных обстоятельств конкретного дела отказано. Совершенно очевидно, однако, что подобный отказ означал бы нарушение конституционного права обвиняемого на защиту. Подробнее об этом будет сказано ниже.

[5] См., например, М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., изд-во «Наука», 1968, стр. 354.

[6] М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. Т. 1, М., изд-во «Наука», 1968, стр. 356.

[7] См.: П. А. Лупинская. Доказывание в советском уголовном процессе. М., 1966, стр. 94.

[8] Следует, однако, подчеркнуть, что спор по вопросу об обязанности доказывания в уголовном процессе носит далеко не терминологический характер, когда он ведется с позиций сторонников или противников размежевания функций обвинения, защиты и решения дела. Так, по мнению М. А. Чельцова, запрет перелагать обязанность доказывания на обвиняемого предполагает, что «обязанность доказывания лежит одинаково на прокуроре... и на суде», так как точка зрения о размежевании в нашем процессе функций обвинения, защиты и решения дела противоречит закону (М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. М., Госюриздат, 1962, стр. 127).

С указанной точкой зрения трудно согласиться. Свои соображения по этому вопросу мы здесь однако не излагаем, поскольку данный вопрос выходит за пределы темы статьи. Мы на нем попутно остановились лишь для того, чтобы небыть понятыми в том смысле, будто вопрос, лежит ли на суде обязанность доказывать виновность подсудимого (и связанный с ним вопрос о размежевании процессуальных функций), носит исключительно терминологический характер. Хотелось бы обратить внимание на то, что в этот важный спор по существу вкрадываются и расхождения, основанные на том, что в один и тот же термин вкладывается различное содержание.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Трудности, которые возникают из-за отдельных неточностей в юридической терминологии, вызваны в ряде случаев и тем, что не одним термином, как указывалось выше, выражаются разные понятия, а, наоборот, одно и то же понятие обозначается разными терминами (синонимами). Так, поводом к возбуждению уголовного дела служат заявление гражданина, сообщение должностного лица, жалоба потерпевшего по делам частного и частно-публичного обвинения. Не совсем понятно, почему об одном и том же преступлении должностное лицо «сообщает» (пункт 3 ст. 108 УПК РСФСР), а гражданин «заявляет» (пункт 1 той же статьи), хотя это заявление представляет собой ничто иное, как сообщение. Далее, вряд ли потерпевший «жалуется», если его оскорбили (дело частного обвинения) и не «жалуется», а лишь «заявляет», если ему причинили тяжкое телесное повреждение (дело публичного обвинения).

Следует признать, что редакция ныне действующего уголовно-процессуального законодательства во многих отношениях значительно улучшена. Нельзя, однако, сказать, что во всех случаях новая редакция лучше редакции ранее действовавшего закона.

Так, ст. 415 УПК РСФСР 1923 года предусматривала в качестве одного из кассационных оснований «существенное нарушение форм судопроизводства». Это совершенно точное наименование заменено в пункте 3 ст. 342 УПК РСФСР 1960 г. наименованием «существенное нарушение уголовно-процессуального закона». С точки зрения терминологической точности сделан, по нашему мнению, шаг назад. Ибо о существенном нарушении уголовно-процессуального закона речь идет и в пунктах 1, 2 ст. 342 УПК РСФСР. В самом деле, разве односторонность или неполнота расследования (пункт 1 ст. 342) или несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела (пункт 2 ст. 342) не означают, что существенно нарушены те статьи уголовно-процессуального закона, которые требуют всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 20 УПК РСФСР), вынесения законного и обоснованного приговора (ст. 301 УПК РСФСР). Следовательно, в пункте 3 ст. 342 УПК РСФСР, содержащем указание на самостоятельное, отличное от перечисленных в пунктах 1, 2 той же статьи кассационное основание, речь должна идти о существенном нарушении именно «форм судопроизводства», а не «уголовно-процессуального закона» вообще.

Выше упоминалась формулировка закона, согласно которой приговор должен быть не только законным, но и обоснованным. Выходит, что приговор может быть законным, но не обоснованным. А таким свойством он обладает, видимо, тогда, когда отвечает всем требованиям закона, кроме тех, которые обеспечивают обоснованность приговора. Возникает сложная проблема: соблюдение каких норм закона требуется для того, чтобы обеспечить, с одной стороны, законность приговора, с другой — его обоснованность. Отвечая на первую часть вопроса, М. С. Строгович указывает, что законность приговора означает, что «приговор вынесен с соблюдением установленных законом юридических норм, и в нем правильно применен закон к действиям обвиняемого»[9].

Действительно, в свете ст. 301 УПК РСФСР термином «законность» не может охватываться ничего больше, кроме соблюдения форм судопроизводства и правильности юридической квалификации деяния. Соблюдение же требований закона, касающихся вопроса об оценке доказательств и о соответствии процессуальных решений фактическим обстоя-

[9] М. С. Строгович. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955, стр. 47.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

тельствам дела, характеризует приговор с точки зрения его обоснованности. «Нередко суды при кассационном рассмотрении дела, — указал Пленум Верховного Суда СССР, — не входят в оценку доказательств и, таким образом, не могут прийти к правильному выводу об обоснованности приговора...» И далее: «Проверка же обоснованности приговора не может быть произведена без оценки доказательств по делу»[10].

Наименование «законность и обоснованность приговора», казалось бы, разъяснено. Можно ли, однако, признать удачной приведенную формулировку закона, согласно которой законность приговора противопоставлена его обоснованности и сведена, применительно к процессуальным нормам, лишь к соблюдению форм судопроизводства? Думается, что ответ должен быть отрицательным. Именно этим объясняется, что и в гражданско- и в уголовно-процессуальной литературе встречаются возражения против искусственного раздвоения единого понятия законности. Так, Р. Д. Рахунов полагает, что «признание приговора законным означает также признание его обоснованным...»[11]. По мнению К. С. Юдельсона, «необоснованность решения, как процессуальное понятие, охватывается понятием незаконности. Незаконность решения — более широкая процессуальная категория»[12].

Нельзя не признать, что предложенное авторами разъяснение наименования «законность судебного решения» вполне соответствует тому понятию, которое данным термином обычно обозначается и, по нашему мнению, должно обозначаться. Но это разъяснение не вытекает, к сожалению, из текста и смысла действующего закона. В связи с этим от формулировки «законность и обоснованность приговора», как содержащей ненужное противопоставление, на наш взгляд, на будущее целесообразно отказаться.

2. Ст. 34 УПК РСФСР озаглавлена: «Разъяснение некоторых наименований, содержащихся в настоящем Кодексе». Из текста закона следует, во-первых, что разъяснены не все, а лишь некоторые наименования, во-вторых, что содержащиеся в Кодексе наименования, которых не разъяснил сам законодатель, подлежат разъяснению теорией уголовного процесса и судебной практикой. К таким наименованиям относятся, в частности, те, которые характеризуют различные по своему характеру, содержанию, целевому назначению и процессуальным последствиям высказывания и обращения (в устной или письменной форме) участников процесса.

Так, содержанием одних высказываний является то, что участник процесса знает (например, показания свидетеля), других — то, что он желает, о чем просит (например, ходатайство о направлении дела на доследование), третьих — то, что и как он оценивает (например, оценка доказательств подсудимым в последнем слове), четвертых — то, что он думает, полагает (например, объяснение обвиняемого, в чем, по его мнению, возможная причина неправдивых или недостоверных показаний свидетеля).

Бывают случаи, когда высказывание не имеет для органов следствия и суда обязательной силы, например, когда обвиняемый настаивает на изменении квалификации его действий. В других случаях изъявление воли участником процесса обязательно для следователя и суда, на-

[10] «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1963 гг.». М., изд-во «Известия», 1964, стр. 338.

[11] Р. Д. Рахунов. Пересмотр приговоров и определений в президиумах судов. М., Госюриздат, 1956, стр. 80.

[12] К. С. Юдельсон. Судебные доказательства в гражданском процессе. М., Госюриздат, 1956, стр. 12.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

пример, когда гражданский истец заявляет следователю о своем желании ознакомиться с материалами дела (ч. 2 ст. 200 УПК РСФСР).

По общему правилу, закон требует, чтобы органы, которым адресованы обращения участников процесса, определяли свое отношение к ним с приведением мотивов (например, при полном или частичном отказе в удовлетворении ходатайства обвиняемого о вызове свидетелей следователь обязан вынести постановление с указанием мотивов отказа). Имеются, однако, случаи, когда такая обязанность на указанные органы не возложена (например, в случае несогласия суда с предлагаемой формулировкой решения, представленной в порядке ст. 298 УПК РСФСР).

Высказывания и обращения участников процесса отличаются друг от друга и по тому, в каких стадиях и на каких этапах той или иной стадии они встречаются.

Так, последнее слово подсудимому предоставляется после окончания судебных прений; давать же показания подсудимый вправе в любой момент судебного следствия. Представлять предлагаемую формулировку решения стороны вправе по окончании судебных прений, но до удаления суда в совещательную комнату; подавать же замечания на протокол судебного заседания они вправе в течение трех суток после подписания протокола.

С учетом приведенных различий законодатель разграничивает высказывания участников процесса и терминологически, говоря о показаниях, объяснениях, заключениях, мнениях, просьбах, сообщениях, заявлениях, ходатайствах, жалобах, речах, репликах, последнем слове, замечаниях.

Подобное терминологическое разграничение представляется весьма полезным, если термины точно отражают соответствующие понятия и если они применяются единообразно и до конца последовательно в законодательной деятельности, в научных исследованиях, в следственной и судебной практике. На сегодня мы еще, к сожалению, не достигли ни того, ни другого.

3. Особенно важным представляется разъяснение наименований «ходатайство» и «заявление» участников процесса. Дело в том, что природа уголовно-процессуального отношения существенно меняется в зависимости от того, «ходатайствует» ли, например, обвиняемый или он «заявляет». Разграничение указанных наименований в уголовном процессе осложняется тем, что в обыденной речи слова «ходатайство», «заявление», «жалоба» весьма близки по своему смысловому значению. Так, в общеупотребительном смысле ходатайство означает «официальную просьбу», заявление — «письменную просьбу о чем-нибудь», жалоба — «официальное заявление с просьбой...»[13].

В уголовном процессе, однако, смешивать эти наименования нельзя. На недопустимость их смешения указывает и закон, в частности, в ст. 203 УПК РСФСР, согласно которой в протоколе объявления об окончании предварительного следствия отмечается, «какие ходатайства были заявлены обвиняемым и его защитником и какие заявления были им сделаны». На различия приведенных понятий законодатель обращает внимание также в статьях 223 («рассмотрение ходатайств и заявлений»), а равно 224 («заявления и ходатайства участвующих в деле лиц») УПК РСФСР.

---

[13] С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М., изд-во «Советская энциклопедия», 1968, стр. 852, 222, 183 соответственно.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Чем же отличается ходатайство от того, что не является ходатайством, хотя часто с понятием ходатайства смешивается? Известное указание на этот счет мы находим в письме В. И. Ленина Г. И. Бокию от 9 августа 1921 года. В. И. Ленин подчеркивает: «Запрос, посланный мною, не есть... «ходатайство». Я обязан запросить, раз мне указывают на сомнения в правильности. Вы обязаны мне по существу ответить. Ходатайства... можете отклонить... Ваше смешение запроса... с ходатайством... ошибочно»[14].

В приведенном письме Ленина особое значение для рассматриваемого нами вопроса имеет его указание, во-первых, на то, что нельзя смешивать ходатайство с обращением, не являющимся ходатайством, и во-вторых, на признак ходатайства, заключающийся в возможности его отклонения.

Содержание возбуждаемых в уголовном процессе ходатайств различно. В одних случаях ходатайства касаются исследования доказательств (например, ходатайство о вызове свидетеля); в других — обеспечения нормальных условий и хода процесса (например, ходатайство об отводе); в-третьих — порядка ведения процесса (например, ходатайство об объявлении перерыва судебного разбирательства). Но в любом случае при рассмотрении ходатайства возможно альтернативное решение: либо удовлетворение ходатайства, либо полный или частичный отказ в его удовлетворении. Если обвиняемый ходатайствует, например, о выяснении тех или иных обстоятельств, то удовлетворение данного ходатайства зависит от предварительного признания того, что обстоятельства, о выяснении которых просит обвиняемый, имеют значение для дела (ч. 2 ст. 204 УПК РСФСР). В случае, скажем, когда лицо, имеющее право на подачу кассационной жалобы или протеста, ходатайствует о восстановлении пропущенного срока, то удовлетворение ходатайства зависит от предварительной констатации, что срок пропущен по уважительной причине. Таким образом, ходатайство характеризуется прежде всего тем, что оно может быть в зависимости от конкретных обстоятельств рассматриваемого дела либо удовлетворено, либо отклонено — с тем, однако, что в случае отказа в удовлетворении должны быть приведены мотивы.

Наряду с этим закону известны случаи, когда орган, к которому лицо обращается, обязан удовлетворить просьбу заявителя независимо от обстоятельств конкретного дела. Это имеет место при изъявлении участником процесса воли к тому, чтобы воспользоваться тем или иным предоставленным ему субъективным правом.

Так, если потерпевший заявил следователю о своем желании ознакомиться с материалами дела либо обвиняемый заявил о желании знакомиться с делом с помощью защитника, или, наоборот, об отказе по собственной инициативе от защитника (мы здесь не касаемся случаев, предусмотренных в ч. 2 ст. 50 УПК РСФСР), или о желании дать показания в тот или иной момент судебного следствия, то эти обращения не должны рассматриваться как ходатайства.

По тем же основаниям обвиняемый не ходатайствует, а заявляет об отказе от ознакомления с материалами дела или от удостоверения его подписью факта предъявления постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

Не может быть (хотя и по другому основанию) расценена как ходатайство предложенная участниками судебного разбирательства в порядке ст. 298 УПК РСФСР формулировка решения. Дело здесь в том,

[14] В. И. Ленин. Полн. соб. соч., т. 53, стр. 108—109.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

что предложение такой формулировки не обязывает суд (как это имеет место при ходатайстве) выносить мотивированное решение о согласии или несогласии с ней.

В заключение напрашивается вывод, что термином «заявление» следует обозначать волеизъявление уполномоченного на то лица, направленное на осуществление гарантированного законом права, в осуществлении которого ему отказано быть не может независимо от конкретных обстоятельств данного дела.

4. В законе, процессуальной теории, следственной и судебной практике термин «ходатайство», надо сказать, нередко применяется там, где, по нашему мнению, речь идет о заявлении. Так, в ч. 2 ст. 201 УПК РСФСР, наряду с правильной формулировкой «обвиняемый не заявил о желании иметь защитника», в дальнейшем говорится о случаях, «когда обвиняемый ходатайствует о вызове защитника».

И. Д. Перлов справедливо (если иметь в виду существо высказывания) указывает, что «ходатайство подсудимых» о назначении или допущении защитника «подлежит обязательному удовлетворению судом и не может быть отклонено». Далее автор подчеркивает, что отказ в удовлетворении такого ходатайства «всегда влечет за собой отмену приговора»[15]. Именно поэтому речь в таком случае должна идти о заявлении, а не о ходатайстве подсудимого.

В определении Судебной Коллегии Верховного Суда РСФСР от 30 ноября 1967 года указывается: «Если ходатайство обвиняемого об обеспечении защитой было заявлено им на предварительном следствии, суд обязан рассмотреть дело с участием адвоката»[16]. И в этом случае применен термин «ходатайство», хотя на самом деле имеется в виду заявление обвиняемого.

Для того, чтобы, отграничивая понятие заявления от понятия ходатайства, вместе с тем избежать положения, при котором одним и тем же термином «заявления» выражаются различные по содержанию понятия, целесообразно, по нашему мнению, заменить в пункте 1 ст. 108 УПК РСФСР формулировку «заявления граждан» формулировкой «сообщения граждан».

Действительно, если поводом к возбуждению уголовного дела служат «сообщения» профсоюзных и комсомольских организаций, учреждений, предприятий и должностных лиц, то почему применительно к гражданам (пункт 1 ст. 108 УПК РСФСР) этот повод перестает быть сообщением и становится «заявлением».

Необходимо далее четко разграничить процессуальные понятия ходатайства, предметом которого является предстоящее и желательное для данного участника процесса действие или решение, и жалобы, предметом которой является уже состоявшееся и нежелательное для подателя жалобы действие или решение государственных органов, наделенных властными полномочиями. Исходя из этого и для устранения положения, при котором одним и тем же термином «жалоба» выражаются различные по содержанию понятия, было бы целесообразно отказаться от него применительно к волеизъявлению потерпевшего по делам частного и частно-публичного обвинения. Его нетрудно было бы заменить для таких случаев другим термином, например, «требование» потерпевшего.

---

[15] И. Д. Перлов. Подготовительная часть судебного разбирательства в советском уголовном процессе. М., Госюриздат, 1956, стр. 167.

[16] «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1968, № 4, стр. 10.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

* * *

Подводя итоги сказанному, необходимо отметить следующее. Спор о словах, о терминах, конечно, нельзя смешивать со спором о существе. Можно договориться о том, что тому или иному уголовно-процессуальному понятию в большей степени отвечает не тот, а другой термин. Суть вопроса состоит в том, что после того, как мы нашли термин, адекватно отражающий определенное понятие, этот термин должен применяться в одном и том же смысле всеми, кто его применяет. В этих целях желательно значительно расширить в ст. 34 УПК РСФСР перечень наименований, которые разъясняет сам законодатель. От этого выиграют интересы законодательной техники (одно и то же наименование будет применено в Кодексе в одном и том же смысле), интересы следственной и судебной практики, а нередко и интересы личности в процессе (будет устранено основание для ошибочного определения характера правоотношений, возникающих в результате обращения участника процесса к органу с властными полномочиями), интересы теории уголовного процесса (отпадут основания для бесплодных порой споров, вызванных тем, что спорящие стороны вкладывают в то или иное наименование неодинаковое содержание).

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 219 Серия юридическая

К ВОПРОСУ О МОТИВИРОВКЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ПРИВЛЕЧЕНИИ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО

Е. Н. ЛИФАНОВ

Решение привлечь лицо к уголовной ответственности следователь излагает в специальном постановлении, форма которого не может быть произвольной, так как она определена законом. То же самое относится и к содержанию постановления о привлечении в качестве обвиняемого [1]. В этой связи представляет интерес требование мотивировать названное постановление, тем более, что понятие мотивированности не раскрыто ни в УПК РСФСР 1923 г. (ст. 128), ни в ныне действующем УПК (ст. 143). Не содержится достаточно четких предписаний на этот счет и в уголовно-процессуальном законодательстве других союзных республик.

В результате вопрос о мотивированности постановления о предъявлении обвинения не нашел единообразного разрешения в юридической литературе. И это несмотря на то, что здесь особенно важны правильные рекомендации для практики: следователь сталкивается с необходимостью мотивировать постановление о привлечении в качестве обвиняемого при предъявлении обвинения по большинству уголовных дел.

В свете прямого указания закона в процессуальной литературе нет и не может быть расхождений по вопросу о том, что постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого должно быть мотивированным. Споры вызывают другое — какое содержание вкладывается в понятие мотивированности.

Обязан ли следователь, учитывая право обвиняемого на защиту, ссылаться в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого на доказательства, обосновывающие обвинение? Многие авторы отвечают на этот вопрос положительно [2].

Аргументируется обязательность приведения доказательств в постановлении, прежде всего, тем соображением, что для осуществления

---

[1] В дальнейшем будет проводиться знак равенства между постановлением о привлечении в качестве обвиняемого и постановлением о предъявлении обвинения, как это сделано в главе XI УПК РСФСР.

[2] Р. Д. Рахунов. Предварительное расследование в советском уголовном процессе. Автореферат, М., 1953, стр. 15.

Его же. Участники уголовно-процессуальной деятельности, Госюриздат, М., 1961, стр. 196—198.

Н. Н. Полянский. Вопросы теории советского уголовного процесса, изд. МГУ, 1956, стр. 196.

В. М. Савицкий. Прокурорский надзор за дознанием и предварительным следствием. Госюриздат, 1959, стр. 197—199. В. М. Савицкий считает, что в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого должны приводиться

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

своего права на защиту обвиняемый должен «не только знать, в чем он обвиняется, но также и почему он обвиняется»[3].

Другим доводом сторонников рассматриваемой точки зрения является то, что под мотивированностью постановления о предъявлении обвинения подразумевается обоснование вывода о виновности только доказательствами, а не чем-нибудь иным. При этом делается ссылка на ст. 162 УПК Литовской ССР и ст. 158 УПК Казахской ССР, согласно которым в постановлении о привлечении к уголовной ответственности должны приводиться «основные доказательства, которые найдет возможным указать следователь». Что же касается ст. 144 УПК РСФСР, не требующей, как известно, чтобы в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого приводилось соответствующее основание, то, по мнению указанных авторов, законодателем термину мотивированности придается смысловое значение, применимое к другим процессуальным актам (например, приговору), где под мотивированностью понимается именно ссылка на соответствующие фактические данные[4]. Небезынтересно отметить, что согласно § 3 ст. 269 УПК Польской Народной Республики мотивы постановления о предъявлении обвинения приводятся по требованию обвиняемого и оглашаются либо вручаются ему в письменном виде в 14-дневный срок.

В пользу данной точки зрения приводятся и такие соображения. Раз обвиняемый при предъявлении обвинения узнает, на основании чего он обвиняется, то он сразу же и в значительном объеме может реализовать свое право на защиту. Опасение же, что осведомленный о доказательствах обвиняемый помешает расследованию, не может быть принято во внимание по двум причинам: во-первых, к этому моменту органы следствия уже собрали бесспорные доказательства его виновности, а те, которые не собраны, лежат главным образом за пределами состава преступления, и, во-вторых, следователь располагает достаточными мерами, чтобы пресечь и устранить попытки отдельных обвиняемых помешать расследованию. Необходимость сообщения обвиняемому доказательств при предъявлении обвинения обосновывается и тем, что это соответствует интересам быстроты следствия, так как впоследствии следователю предстоит выполнить меньший объем работы при ознакомлении обвиняемого с оконченным производством[5].

В пользу указанной точки зрения высказывается и то соображение, что таким образом усиливаются гарантии права обвиняемого на защиту и это содействует дальнейшей демократизации советского уголовного процесса.

(Окончание. Нач. сноски на стр. 166).

не доказательства, а «основные источники доказательств, на которых строится обвинение» (см. указ. соч., стр. 199).

Ф. Н. Фаткуллин. Обвинение и изменение его в суде. Изд. Казанского университета, 1963, стр. 67—73.

Н. В. Жогин. Прокурорский надзор за предварительным расследованием уголовных дел. М., 1968, стр. 141.

«Советский уголовный процесс» под ред. проф. Д. С. Карева, М., 1968, стр. 243, 244.

[3] Н. Н. Полянский. Назв. работа, стр. 196.

[4] См.: Н. Ф. Фаткуллин. Указ. соч., стр. 69—71.

[5] По этому поводу см.: В. З. Лукашевич. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе. Изд. ЛГУ, 1959, стр. 102—111.

Его же. Обоснованность обвинения и гарантии прав обвиняемого в стадии предварительного расследования. Ученые записки ЛГУ, № 202, серия юридич. наук, вып. 8, 1956, стр. 190—197.

См. также: Ф. Н. Фаткуллин. Назв. работа, стр. 71, 72.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Приведенные соображения, однако, встречают в нашей литературе серьезные возражения[6]. С такими возражениями выступают за последнее время и отдельные авторы, занимавшие ранее противоположную позицию по данному вопросу[7]. Так, М. С. Строгович пришел к выводу, что «в постановлении о привлечении не следует ссылаться на имеющиеся в деле доказательства, так как это может преждевременно раскрыть объем доказательств, которыми располагает следователь, и повредить успешности расследования преступлений»[8]. М. А. Чельцов признал, что за исключением ст. 158 УПК Казахской ССР, предписывающей приводить в постановлении основания привлечения, «следователь не обязан указывать в постановлении о привлечении обвиняемого те доказательства, которыми оно обосновывается»[9]. В. З. Лукашевич рекомендует мотивировать постановление о предъявлении обвинения не доказательствами, а изложением «всех обстоятельств совершения преступления»[10].

Требование приводить доказательства в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого не вытекает из действующего законодательства и противоречит сложившейся следственной практике.

Ст. 144 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик не предлагают мотивировать постановление о привлечении в качестве обвиняемого таким образом, чтобы в нем указывались доказательства виновности привлекаемого лица. Только в ст.

---

[6] С. А. Голунский. Привлечение обвиняемого. «Советская юстиция», 1936, № 23, стр. 16.

Б. Шавер. Методика допроса. «Социалистическая законность», 1940, № 4, стр. 21.

П. И. Тарасов-Родионов. Предварительное следствие. Госюриздат, 1955, стр. 198, 199.

Е. Б. Богданов. Проверка версий и показаний обвиняемого на предварительном следствии в советском уголовном процессе. Автореферат, изд. МГУ, 1956, стр. 5.

В. А. Решетов. Некоторые вопросы обоснованности обвинения. Вестник МГУ, серия экономики, философии и права, 1957. № 4, стр. 192.

Н. Я. Калашникова. Обеспечение обвиняемому права на защиту. Ученые записки ВЮЗИ, вып. IV, 1958, стр. 154—156.

Л. М. Карнеева. Привлечение в качестве обвиняемого. Госюриздат, 1962, стр. 58—60.

«Советский уголовный процесс» под общ. ред. проф. С. В. Бородина и проф. И. Д. Перлова. М., 1968, стр. 207, 208.

[7] См.: М. С. Строгович, Д. А. Карницкий. Уголовно-процессуальный кодекс, текст и постатейный комментарий. Юриздат, 1925, стр. 105.

М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. Госюриздат, 1951, стр. 275.

В. З. Лукашевич. Обоснованность обвинения и гарантии прав обвиняемого в стадии предварительного расследования. Ученые записки ЛГУ, № 202, серия юридических наук, вып. 8, 1956, стр. 190, 200.

В указанных работах выражен взгляд об обязанности следователя приводить доказательства в обоснование предъявленного обвинения.

[8] М. С. Строгович. Привлечение в качестве обвиняемого на предварительном следствии. Труды ВЮА, вып. 3, 1943, стр. 64 и сл.

В работе «Курс советского уголовного процесса» М. С. Строгович несколько изменяет приведенную выше точку зрения и пишет: «...следователь может указать в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого те доказательства, на которых основано обвинение, может изложить содержание этих доказательств... Но обязанность излагать в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого содержания самих доказательств на следователе не лежит». (См.: Курс советского уголовного процесса, изд. АН СССР, 1958, стр. 302).

[9] М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. Госюриздат, 1962, стр. 308.

[10] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года, Комментарий, изд. ЛГУ, 1962, стр. 146.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

162 УПК Литовской ССР и ст. 158 УПК Казахской ССР, как отмечалось, указывается, что в постановлении о предъявлении обвинения приводятся доказательства с той оговоркой, однако, что речь идет об основных доказательствах, «которые найдет возможным указать следователь».

Законодатель, перечисляя в ст. 144 УПК РСФСР обстоятельства вмененного лицу преступления, на которые необходимо указать в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, и требуя ссылки на уголовный закон, предусматривающий это преступное деяние, дает тем самым возможность уяснить смысл мотивировки обвинения. В случаях, когда мотивировка процессуального акта предусматривает приведение доказательств, а не что-нибудь другое, то такое требование прямо указывается в соответствующей норме закона. Так, например, закон устанавливает, что в подтверждение обвинения (или оправдания) суд обязан ссылаться в приговоре на доказательства, то есть на объективные конкретные факты, положенные в его основу. Об этом прямо указано в ст. 314 УПК РСФСР. Точно так же ст. 205 УПК прямо предусматривает, что в описательной части обвинительного заключения вывод о виновности лица в совершении преступления должен быть подтвержден доказательствами.

Нельзя не учитывать и требований уголовно-процессуального законодательства некоторых зарубежных социалистических государств Европы, в частности, Болгарии. Так, по УПК НРБ в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого должны быть указаны обстоятельства, обосновывающие обвинение, кроме тех, которые соответствующие органы в интересах расследования обязаны сообщить обвиняемому позже[11]. Это правило аналогично установленному ст. 162 УПК Литовской ССР и ст. 158 УПК Казахской ССР.

Возникает вопрос: не нарушается ли право обвиняемого на защиту, если в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого доказательства виновности не приводятся? На этот вопрос следует дать положительный ответ. Одна только ссылка на доказательства в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого без непосредственного ознакомления обвиняемого с самими доказательствами не гарантирует права обвиняемого, а в отдельных случаях, как справедливо замечает М. С. Строгович, «может лишь ввести его в заблуждение относительно действительного состояния того доказательственного материала, которым располагает следствие»[12]. Поэтому закон и не требует обязательного приведения в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого доказательств, положенных в основу обвинения. Следователь обязан предъявить обвиняемому все материалы дела, весь собранный доказательственный материал только с момента окончания расследования (ст. 201 УПК РСФСР). До объявления следствия оконченным такая обязанность на нем не лежит. Но вместе с тем, законом закреплено право следователя разглашать данные предварительного следствия в том объеме, в каком он считает возможным и необходимым в интересах следствия (ст. 139 УПК РСФСР). Следователь сам решает, как ему поступить: составить постановление так, чтобы в нем перечислялись не только обстоятельства преступления, но и доказательства виновности обвиняемого, либо исключить из по-

[11] См.: «Уголовный процесс зарубежных социалистических государств Европы» под ред. проф. В. Е. Чугунова, изд. «Юридическая литература», М., 1967, стр. 204.

[12] М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, изд. АН СССР, 1958, стр. 302.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

становления доказательства вовсе. При этом он исходит из того, что ссылка на доказательства не должна препятствовать запланированному тактическому плану предстоящего допроса и возможности непосредственного предъявления в ходе допроса того или иного доказательства.

Изложенное дает основание считать, что не может быть признана правильной практика, когда отдельные следователи «по многотомным большим делам предъявляют обвиняемому материалы расследования не в момент окончания расследования, а по отдельным томам»[13]. Такая практика окончания расследования помимо того, что она не соответствует требованиям ст. ст. 201, 203 УПК РСФСР, предусматривающих одновременное предъявление всех материалов дела, не оправдывается интересами быстроты расследования, так как быстрота расследования не может вступать в противоречие с интересами принципа всесторонности, полноты и объективности. Если же может пострадать качество расследования, то быстрота его производства теряет всякий смысл. Так, прокурор возвращает дело на доследование прежде всего ввиду ненадлежащего качества расследования, хотя и в ущерб установленным законом срокам на его производство.

Следует признать правильной рекомендацию Б. Шавера о правилах ознакомления обвиняемого с фактическими данными в момент предъявления обвинения. Следователь может включить в постановление о предъявлении обвинения изложение доказательств, если он убежден, что ознакомление обвиняемого с доказательствами не будет им использовано во вред расследованию «для измышлений, затрудняющих следствие, что, напротив, приведение доказательств будет способствовать более добросовестным показаниям обвиняемого». Наряду с этим Б. Шавер подчеркивает, что «предъявлять основные доказательства обвиняемому целесообразно тогда, когда собраны иные доказательства по делу, подкрепляющие эти наиболее существенные доказательства»[14]. Во всех других случаях в постановлении достаточно указать лишь установленные в результате оценки имеющихся в деле доказательств фактические обстоятельства преступления. Изложение фактических обстоятельств совершенного преступления, вмененного обвиняемому, правильная уголовно-правовая оценка деяния и составляет мотивировку постановления о привлечении к уголовной ответственности в качестве обвиняемого.

Нужно отметить, что в следственной практике не встречаются (за крайне редким исключением) постановления о предъявлении обвинения со ссылкой на лежащие в его основе доказательства [15]. Это объясняется в первую очередь, как указывалось, соображениями тактического порядка. Известно, что закон не обязывает обвиняемого оказывать содействие производству предварительного следствия. Не возлагается на него и обязанность совершать какие-либо активные действия. И, конечно, обвиняемый обязан воздержаться от всяких действий в ущерб расследованию. Но обвиняемый часто ведет себя совсем не так, как ему предписано. Являясь действительно виновным, он не только не выражает готовности нести ответственность за совершенное преступление, а, наоборот, стремится избежать ее, предпринимает все от него

[13] В. З. Лукашевич. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе. Изд. ЛГУ, 1959, стр. 111.

[14] Б. Шавер. Методика допроса, «Социалистическая законность», 1940, № 4, стр. 21.

[15] Изучение практики органов следствия и дознания г. Томска за 1969 г. показало, что в направленных в суд делах ни одно постановление о предъявлении обвинения не мотивировалось путем приведения доказательств виновности привлекаемого лица.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

зависящее, чтобы воспрепятствовать установлению действительных обстоятельств дела, ввести в заблуждение следователя.

Обвиняемый, зная доказательства виновности, получает возможность уничтожить, фальсифицировать доказательства с целью своего оправдания или смягчения вины, повлиять на свидетелей, и иных лиц, чтобы они дали ложные показания, или же изменили ранее данные показания в его пользу. Неединичные случаи подобной деятельности обвиняемого, приводившие в конечном итоге к браку в судебно-следственной работе, в том числе и прекращению дела за недоказанностью, служат тому предостерегающим примером. Эта опасность усугубляется при привлечении обвиняемого к уголовной ответственности, так как на данном этапе расследования собрана далеко не вся совокупность доказательств, которая может быть противопоставлена таким попыткам обвиняемого. Опасность противодействия следствию со стороны обвиняемого не может быть полностью исключена и в дальнейшем, однако его возможности в этом направлении ограничиваются по мере того, как возрастает доказательственный материал. Поэтому, чтобы не пострадали интересы объективной истины, следователь должен иметь перед обвиняемым установленные законом тактические преимущества, дающие ему право не делать достоянием обвиняемого путь, по которому идет следствие.

Всегда ли следователь в состоянии устранить возможные попытки помешать расследованию применением мер пресечения? Ответить на этот вопрос положительно — значит, прежде всего, утверждать, что следователь всегда может достоверно предусмотреть отрицательное поведение обвиняемого в будущем. В действительности же следователь на этот счет имеет только обоснованное предположение, (ст. 89 УПК РСФСР не требует большего), а это означает, что он руководствуется ни чем иным, как вероятностью. И случается, что следователь сталкивается с уже наступившим результатом подробной деятельности обвиняемого на следствии. Ни мастерство следователя, ни избрание меры пресечения в виде заключения под стражу не дают полной гарантии всегда и во всех случаях нейтрализовать попытки обвиняемого нарушить ход следствия. Известно, что иной раз даже заключенные под стражу могут передавать разные поручения и наставления заинтересованным лицам, и действовать в нужном им направлении через своих посредников. Отсюда требование закона, чтобы арестованные по одному и тому же делу, в отношении которых имеются распоряжения соответствующих органов об изоляции их друг от друга, содержались раздельно, не общались между собой, чтобы им не разрешалась переписка, а также свидания, за исключением случаев, когда имеется разрешение лица или органа, в производстве которого находится дело (ст.ст. 8, 12, 13 Положения о предварительном заключении под стражу).

* * *

В итоге следует прийти к следующему выводу. Вопрос о допустимости или недопустимости ознакомления обвиняемого в момент предъявления обвинения с доказательствами, имеющимися в следственном производстве, разрешается самим следователем в том объеме, в каком он признает это возможным, в зависимости от обстоятельств и условий каждого конкретного дела. Поскольку закон не запрещает предъявлять доказательства, то обвиняемый может быть с ними ознакомлен не только до окончания расследования, но и в момент предъявления

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

обвинения как непосредственно, так и путем ссылки в постановлении о предъявлении обвинения, но лишь при условии, если это не воспрепятствует установлению истины по делу и тактически не разоружит следователя.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 219 Серия юридическая

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХИЩЕНИЕ И НЕБРЕЖНОЕ ХРАНЕНИЕ БОЕПРИПАСОВ

Е. Н. ТИХОНОВ

Уголовная ответственность за хищение огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ установлена законодательством не всех союзных республик. До издания Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 июня 1967 г. «О внесении дополнений в Уголовный кодекс РСФСР»[1] она не была предусмотрена и в УК РСФСР. В настоящее время соответствующие статьи действуют в уголовных кодексах восьми союзных республик (РСФСР, Украинской, Латвийской, Таджикской, Грузинской, Киргизской, Туркменской и Казахской ССР).

С введением ст. 218[1] в УК РСФСР появилось несколько работ, посвященных вопросам уголовной ответственности за хищение оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ[2].

Хищение огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ является одним из наиболее опасных преступлений против общественной безопасности. Имущественный ущерб, причиняемый такими преступлениями, может быть невелик, однако опасность их состоит в том, что указанные предметы похищаются, как правило, для совершения с их помощью других преступлений (убийств, бандитизма, разбоя и др.). Кроме того, завладение оружием или боеприпасами, независимо от целей этого завладения, создает возможность наступления несчастных случаев с людьми, пожаров, причинения вреда имуществу и т. п.

Похищая огнестрельное оружие, боеприпасы или взрывчатые вещества, преступник посягает на два объекта: общественную безопасность и государственную (общественную) собственность или личную собственность граждан. Однако основным объектом здесь все-таки является общественная безопасность, поскольку, как правильно отмечает П. С. Матышевский, «...похищенным оружием или взрывчатыми веществами могут воспользоваться как сам похититель, так и другие антиобщественные элементы для совершения тяжких преступлений. Во-вторых, хищение таких предметов даже в самых малых размерах и незначительной стоимости (например, хищение нескольких боевых гранат или пистолета) не может рассматриваться как мелкое хищение. Наконец, хищение оружия и взрывчатых веществ совершается в силу различ-

---

[1] «Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1967, № 23/453, ст. 533.

[2] Л. Ф. Соколов. Уголовная ответственность за хищение огнестрельного оружия. «Научные труды», вып. 4а, Омск, 1968, стр. 27—42; Ю. Ткачевский. Ответственность за хищение оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ. «Советская юстиция», 1968, № 7, стр. 19; С. Улицкий. Уголовная ответственность за хищение огнестрельного оружия, боеприпасов взрывчатых веществ, «Социалистическая законность», 1969, № 2, стр. 33—35; В. Малков. Ответственность за хищение огнестрельного оружия. «Советская милиция», 1969, № 4, стр. 91—92.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ных мотивов, в то время как любая форма хищения имущества предполагает корыстную заинтересованность»[3].

Предметом рассматриваемого преступления является огнестрельное оружие, боевые припасы или взрывчатые вещества[4]. Но в УК союзных республик этот вопрос решается по-разному. Согласно УК РСФСР, Латвийской и Таджикской ССР предметом данного преступления не может быть гладкоствольное охотничье оружие, УК Грузинской и Киргизской ССР — любое гладкоствольное оружие, УК Туркменской и Казахской ССР — любое охотничье оружие. Из смысла статей уголовных кодексов следует, что соответственно и боеприпасы (патроны), предназначенные к этим видам оружия, не являются предметами настоящего преступления.

Так, в ст. 203 УК Казахской ССР и ст. 250 УК Туркменской ССР указано: «(кроме охотничьего)». Но ведь охотничье оружие может быть не только гладкоствольным, но и нарезным, либо комбинированным. Причем патроны, применяемые в таком оружии, могут использоваться и для боевого и спортивного оружия. Если исходить из смысла указанных статей, то, например, малокалиберные патроны и патроны к охотничьим карабинам не входят в предмет настоящего преступления. Поэтому редакция этих статей нам представляется неудачной.

Также неудачной, по нашему мнению, является и редакция ст. 230 УК Киргизской ССР и ст. 240 УК Грузинской ССР, где сказано: «(кроме гладкоствольного»). Гладкоствольным ведь является не только охотничье оружие. Более половины атипичного огнестрельного оружия (самодельные пистолеты и револьверы и т. п.), используемого преступниками, как раз и является гладкоствольным, а боеприпасы к нему могут быть и самодельными и предназначенными для боевого оружия.

Исходя из этих соображений, мы полагаем, что редакция перечисленных статей УК Казахской, Грузинской, Киргизской и Туркменской ССР требует соответствующего уточнения и формулироваться так, как, например, ст. 218[1] УК РСФСР.

Хищение гладкоствольного охотничьего оружия и предназначенных к нему боеприпасов (патронов) образует хищение социалистического или личного имущества граждан.

Пневматические винтовки и пистолеты, стартовые, сигнальные и строительно - монтажные пистолеты не являются огнестрельным оружием и хищение их должно квалифицироваться по соответствующим статьям УК о преступлениях против социалистической собственности или личной собственности граждан. То же самое относится и к патронам, предназначенным к этим пистолетам.

«Однако,— как правильно отмечает С. Я. Улицкий,— если эти предметы переделаны или приспособлены для поражения цели снарядом, выбрасываемым энергией пороховых газов, то их хищение надо квалифицировать по ст. 218[1] УК РСФСР».[5]

Предметом рассматриваемого преступления могут быть патроны к огнестрельному оружию, а также средства, предназначенные для взрывов (мины, гранаты, бомбы, артиллерийские снаряды и т. п.). Од-

---

[3] П. С. Матышевский. Ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения, изд. «Юридическая литература», М., 1964, стр. 29.

[4] Поскольку вопрос об уголовной ответственности за хищение и небрежное хранение огнестрельного оружия довольно подробно проанализирован в литературе, в данной работе мы обращаем главное внимание на некоторые аспекты уголовной ответственности за хищение и небрежное хранение боеприпасов.

[5] С. Улицкий. Указанная работа, стр. 33.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

нако по УК двух союзных республик — Украинской (ст. 223) и Таджикской (ст. 233) предметом преступления являются только боеприпасы, предназначенные для указанного в статьях огнестрельного оружия. Поскольку в диспозициях этих статей указывается на «хищение огнестрельного оружия (кроме гладкоствольного охотничьего), боевых припасов к нему...», то из понятия предмета преступления выпадает большой круг боеприпасов иного рода (гранаты, мины и т. п.), хищение которых представляет не меньшую, а иногда и большую общественную опасность, так как использование их может привести к более тяжким последствиям, чем использование патронов.

Боеприпасы, а также огнестрельное оружие и взрывчатые вещества, являющиеся предметом рассматриваемого преступления (в том числе и незаконно хранящиеся), могут принадлежать как частным лицам, так и государственным либо общественным организациям, предприятиям и учреждениям.

С объективной стороны хищение боеприпасов может производиться в любой форме: путем кражи, грабежа, разбоя, мошенничества, присвоения и т. п. Форма хищения влияет на квалификацию содеянного по той или иной части соответствующих статей УК союзных республик. УК Латвийской ССР предусматривает лишь одну форму хищения — кражу, разделяя ее на два вида — простую и квалифицированную.

В зависимости от наличия и характера обстоятельств, отягчающих ответственность за хищение боеприпасов, оружия и взрывчатых веществ, это преступление может быть простым, квалифицированным и особо опасным[6].

Хищение будет квалифицированным, если оно, согласно ч. II ст 218[1] УК РСФСР, совершено повторно, либо по предварительному сговору группой лиц, либо лицом, которому боеприпасы выданы для служебного пользования или вверены под охрану.

Особо опасным хищение оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ является в случаях совершения его путем разбойного нападения либо особо опасным рецидивистом (ч. III ст. 218[1] УК РСФСР).

В УК остальных союзных республик вопрос о квалифицированных видах хищений решается по-разному. По УК Украинской и Таджикской ССР хищения являются квалифицированными, если они совершены повторно либо по предварительному сговору группой лиц или путем разбойного нападения. Совершение хищения особо опасным рецидивистом предусмотрено в УК Украинской, Латвийской и Таджикской ССР.

УК Казахской, Грузинской и Туркменской ССР вообще не предусматривают каких-либо квалифицированных признаков хищения оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ. По УК Киргизской ССР рассматриваемое преступление является квалифицированным, если оно совершено с применением насилия. Очевидно, в этом случае имеется в виду совершение хищения путем грабежа или разбойного нападения.

УК Латвийской и Киргизской ССР предусматривают в качестве квалифицирующего признака совершение хищения в крупных размерах.

Относительно совершения хищения имущества, являющегося социалистической собственностью, в теории и судебной практике установлен количественный критерий определения размеров похищенного в зависимости от стоимости (до 50 руб. — мелкое хищение, до 2500 руб. — хищение в значительных размерах, свыше 2500 руб. — хищение в круп-

[6] П. Ф. Гришанин. В кн.: Уголовное право, часть особенная, изд. «Юридическая литература», М., 1968, стр. 507.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ных размерах, свыше 10000 руб. — хищение в особо крупных размерах)[7].

Однако мы полагаем, что такая классификация размеров похищенного не применима к рассматриваемым преступлениям. В самом деле, например, розничная цена 50 штук малокалиберных патронов валового и улучшенного производства колеблется в пределах 40—70 копеек. Даже если похищено 1000 и более таких патронов, материальный ущерб будет незначительным, соответствующим мелкому хищению, хотя общественная опасность такого хищения, совершенного даже путем простой кражи, будет чрезвычайно велика, так как создается реальная опасность для большого количества людей.

Поэтому установить какой-либо твердый количественный критерий определения размеров похищенного в данном случае нельзя. Очевидно, следует учитывать целый ряд факторов в зависимости от конкретных обстоятельств дела: вид боеприпасов и их назначение, степень их опасности для жизни и здоровья людей (например, кража 5 штук патронов или 5 ручных гранат), количество, степень распространенности и доступности этих боеприпасов и т. п.

Ю. М. Ткачевский считает, что если хищение оружия произведено в крупных и особо крупных размерах, его необходимо квалифицировать по совокупности ст. 218[1] УК РСФСР и соответствующих статей, предусматривающих ответственность за хищение социалистического имущества[8]. Однако мы полагаем, что если оценивать крупные и особо крупные размеры хищения оружия и боеприпасов так, как они оцениваются при хищении обычного имущества, то подобные случаи вряд ли могут встретиться на практике, ибо цена даже огнестрельного оружия относительно невелика.

Как следует из текста ст. 218[1] УК РСФСР, повторное хищение огнестрельного оружия (кроме гладкоствольного охотничьего), боеприпасов и взрывчатых веществ как квалифицирующий признак предполагает, что субъект не в первый раз совершает хищение именно боеприпасов, оружия или взрывчатых веществ, а не какое-либо иное хищение. Однако необязательно, чтобы каждый раз субъект похищал одни и те же предметы (например, патроны), поэтому повторность будет налицо, если субъект в первый раз похитил оружие, а затем патроны или наоборот.

Если хищение огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ является эпизодом создания вооруженной банды, квалификации его по ст. 218[1] УК РСФСР не требуется, так как оно поглощается ст. 77 УК РСФСР.

Поскольку хищение боеприпасов законом отнесено к числу тяжких преступлений (ч. II ст. 10 УК РСФСР), то **субъектом** его может быть лицо, достигшее 14-летнего возраста.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется наличием прямого умысла. Причем мотивы и цели совершения такого хищения могут быть различными. Цели могут быть преступными (например, хищение оружия и боеприпасов для совершения убийства, разбоя, браконьерства и т. п.) либо непреступными (для са-

---

[7] Ю. М. Ткачевский. Уголовная ответственность за хищение государственного и общественного имущества. М., 1962, стр. 25; П. П. Михайленко, И. А. Гельфанд. Уголовно-правовая охрана сельского хозяйства. Госюриздат, М., 1963, стр. 29; Г. А. Кригер. Борьба с хищениями социалистического имущества. Изд. «Юридическая литература», М., 1965, стр. 247; Д. О. Хан-Магомедов. В кн.: Советское уголовное право, часть особенная, М., 1965, стр. 15, 43, 45 и др.

[8] Ю. Ткачевский. Ответственность за хищение оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ. «Советская юстиция», 1968, № 7, стр. 19.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

мообороны, тренировки в стрельбе по мишеням, промысловой или спортивной охоты, наконец, просто для игры (последнее относится к подросткам и детям) и т. д.). Мотивы преступления могут быть иногда и корыстными (например, лицо предполагает впоследствии сбыть похищенные боеприпасы).

На квалификацию хищения по ст. 218[1] УК РСФСР мотивы и цели преступления не влияют, но подлежат выяснению в ходе расследования и судебного разбирательства, так как могут иметь значение смягчающих или отягчающих вину обстоятельств при определении меры наказания судом.

* * *

В УК некоторых союзных республик (Украинской, Киргизской, Узбекской, Молдавской и Армянской ССР) предусмотрена уголовная ответственность за небрежное хранение не только огнестрельного оружия, но и боеприпасов.

Опасность небрежного хранения боеприпасов заключается в том, что оно создает возможность использования их другим лицом для совершения преступления либо лицом, не умеющим правильно обращаться с ними и обеспечить надлежащие условия их хранения.

Предметом настоящего преступления могут быть любые боеприпасы, в том числе находящиеся в правомерном владении и предназначенные для гладкоствольного охотничьего оружия.

По смыслу статей УК, предусматривающих ответственность за небрежное хранение боеприпасов, последние могут быть как самостоятельным предметом преступления, так и в совокупности с огнестрельным оружием. В УК Армянской и Узбекской ССР боеприпасы прямо предусмотрены в качестве самостоятельного предмета преступления — «Небрежное хранение огнестрельного оружия или боеприпасов» (подчеркнуто нами.— Е. Т.).

Объективной стороны рассматриваемое преступление выражается в небрежном хранении оружия или боеприпасов, создавшем возможность использования их другим лицом, в результате чего наступили тяжкие последствия. Поскольку наличие тяжких последствий является обязательным признаком данного состава преступления, в каждом конкретном случае должна быть установлена причинная связь между ненадлежащими условиями хранения оружия и боеприпасов и наступившими последствиями.

Небрежное хранение боеприпасов означает хранение их в ненадлежащих условиях (в незапертом хранилище — шкафу, столе, ящике и т. п., в открытом и доступном месте — на столе, подоконнике и т. п.), то есть хранение с нарушением общепринятых мер и правил предосторожности. Одной из форм небрежного хранения является передача боеприпасов несовершеннолетним (ст. 233 УК Армянской ССР, п. «В» ст. 211 УК Узбекской ССР и ч. III ст. 230 УК Молдавской ССР). Если боеприпасы хранились в надлежащих условиях, но были похищены посторонним лицом, ответственность за небрежное хранение исключается.

Под тяжкими последствиями понимается наличие человеческих жертв, нанесение тяжких телесных повреждений, уничтожение имущества, пожар и т. п. Преступление считается оконченным, если наступило хотя бы одно из этих последствий.

Субъектом рассматриваемого преступления может быть лицо, достигшее к моменту его совершения 16-летнего возраста.

В теории является спорным вопрос о том, будет ли субъектом этого преступления лицо, незаконно и небрежно хранящее оружие и боепри-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

пасы. Одни авторы считают, что в таком случае, хотя и имеются все признаки преступления, предусмотренного ст. 219 УК РСФСР, ответственность должна наступать только по ч. 1 ст. 218 УК РСФСР, поскольку лицо хранит оружие незаконно[9]. Н. Ф. Кузнецова и П. С. Матышевский, напротив, считают, что субъектом преступления может быть любое лицо, обладающее или пользующееся огнестрельным оружием, в том числе и то, которое незаконно хранит такое оружие. В последнем случае ответственность наступает по совокупности преступлений[10]. По этому пути идет и практика Верховного Суда РСФСР. Например, по делу К., виновного в незаконном хранении пистолета, из которого в результате небрежного его хранения сыном К. было совершено неосторожное убийство, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в своем определении указала: «Суд обоснованно пришел к выводу о виновности К. в незаконном и небрежном хранении огнестрельного оружия. Действия его по ст. 218 и 219 УК РСФСР квалифицированы правильно и наказание назначено ему по закону»[11].

А отсюда — если незаконное и небрежное хранение огнестрельного оружия и боеприпасов не повлекло тяжких последствий, уголовная ответственность может наступать только по ч. I ст. 218 УК РСФСР, поскольку для квалификации содеянного по ст. 219 УК РСФСР необходимо наличие тяжких последствий. При наличии же последних ответственность должна наступать по совокупности указанных преступлений, поскольку незаконное хранение оружия (и боеприпасов) образует самостоятельное преступление, отличающееся от преступления, предусмотренного ст. 219 УК РСФСР не только по признакам объективной, но и субъективной стороны, предполагая наличие более опасной формы вины — умысла. Субъективная же сторона преступления, предусмотренного ст. 219 УК РСФСР, характеризуется по отношению к последствиям лишь неосторожностью.

Правильное определение субъекта в рассматриваемых преступлениях имеет большое значение, так как в зависимости от служебного положения лица то же самое небрежное хранение огнестрельного оружия или боеприпасов, повлекшее тяжкие последствия, может быть квалифицировано по другим статьям уголовных кодексов: в отношении должностных лиц — по ст. 172 УК РСФСР, а военнослужащих — по п. п. «г» или «д» ст. 250 УК РСФСР[12].

С субъективной стороны небрежное хранение боеприпасов характеризуется тем, что нарушение правил предосторожности при хранении может быть умышленным или неосторожным, отношение же к тяжким последствиям всегда является неосторожным.

Вопрос о субъективной стороне небрежного хранения огнестрельного оружия и боеприпасов в литературе является спорным. Так, по мнению Н. Ф. Кузнецовой, субъективная сторона данного преступления

---

[9] Н. П. Грабовская. В кн.: Советское уголовное право, часть особенная, М., 1962, стр. 400; П. Ф. Гришанин, В. А. Владимиров. Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. Изд. ВШ МООП РСФСР, М., 1962, стр. 37; Научно-практический комментарий УК РСФСР, изд. 2-е, под ред. Б. С. Никифорова, изд. «Юридическая литература», М., 1964, стр. 463 и др.

[10] П. С. Матышевский. Указанная работа, стр. 25; Н. Ф. Кузнецова. В кн.: Советское уголовное право, часть особенная, изд. МГУ, М., 1964, стр. 385.

[11] «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1962, № 9, стр. 10—11.

[12] См.: П. С. Матышевский. Указанная работа, стр. 26; И. С. Тишкевич. В кн.: «Комментарий к уголовному кодексу Белорусской ССР», колл. авторов, изд. «Беларусь», Минск, 1966, стр. 387—388.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

«выражается в небрежности: лицо не предвидит, но по обстоятельствам дела может и должно предвидеть, что вследствие нарушения им правил хранения огнестрельного оружия какое-либо другое лицо может воспользоваться этим оружием и причинить кому-либо тяжкий вред»[13]. По мнению Н. П. Грабовской, вина в отношении действия и наступивших последствий может быть в форме преступной небрежности или преступной самонадеянности[14].

Другие же авторы считают, что указание закона на небрежный характер хранения оружия (боеприпасов) характеризует не субъективную, а объективную сторону рассматриваемого преступления, и отношение субъекта к правилам хранения может быть в форме косвенного умысла либо неосторожности. Сторонники этой точки зрения полагают, что «виновный умышленно или неосторожно нарушает правила хранения оружия, относясь неосторожно или с косвенным умыслом к тому, что оружием воспользуется другое лицо и что это приведет к тяжким последствиям»[15].

П. С. Матышевский считает, что в отношении факта ненадлежащего хранения оружия может быть как прямой умысел (передача несовершеннолетнему), так и неосторожность (в форме преступной самонадеянности или небрежности). В отношении же использования такого оружия другими лицами, приведшего к тяжким последствиям, виновный всегда проявляет только неосторожность[16]. Такую же точку зрения высказал и П. Ф. Гришанин[17].

Наиболее правильной и последовательной нам представляется позиция П. С. Матышевского и П. Ф. Гришанина. Действительно, в отношении неправильного хранения оружия и боеприпасов возможен прямой или косвенный умысел (когда владелец оружия передает его другому лицу, которое совершенно не умеет с ним обращаться и т. п.), либо неосторожность в виде преступной небрежности (когда владелец не предвидел возможности завладения оружием другим лицом, но должен был это предвидеть), или преступной самонадеянности (когда владелец оружия допускает возможность завладения оружием другим лицом, но легкомысленно надеется это предотвратить).

В отношении же тяжких последствий вина субъекта может быть только в форме неосторожности, ибо если это относится к тяжким последствиям с прямым или косвенным умыслом, объектом преступления будет уже не общественная безопасность, а иной объект (например, жизнь человека и т. п.), и, следовательно, умысел его будет направлен на совершение убийства или другого преступления, за которое он как соучастник (пособник) и несет ответственность.

Указанную выше конструкцию вины, по нашему мнению, можно рассматривать и в отношении небрежного хранения боеприпасов, предусмотренного соответствующими статьями в уголовных кодексах ранее названных союзных республик (Армянской, Киргизской, Молдавской, Узбекской и Украинской ССР).

В связи с тем, что в десяти из пятнадцати республиканских уголовных кодексов не предусмотрена ответственность за небрежное хране-

[13] Н. Ф. Кузнецова. Там же.
[14] Н. П. Грабовская. Там же, стр. 399.
[15] Научно-практический комментарий УК РСФСР, изд. 2-е, под ред. Б. С. Никифорова, М., 1964, стр. 464.
[16] П. С. Матышевский. Указанная работа, стр. 25.
[17] П. Ф. Гришанин, В. А. Владимиров. Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. Изд. ВШ МООП РСФСР, М., 1962, стр. 37.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ние боеприпасов, любое деяние, выразившееся в небрежном хранении боеприпасов, создавшее условие для использования их посторонним лицом и повлекшее тяжкие последствия, в настоящее время в этих союзных республиках является ненаказуемым.

Нам это представляется серьезным пробелом в законодательстве, охраняющем общественную безопасность. Небрежное хранение боеприпасов не менее опасно, чем небрежное хранение огнестрельного оружия, тем более, что такими боеприпасами, как патроны, могут воспользоваться не одно лицо, а несколько посторонних лиц, а боеприпасы взрывного действия (гранаты, запалы и др.) могут повлечь крупные несчастные случаи либо смерть сразу многих людей. Кроме того, без боеприпасов (патронов) и само огнестрельное оружие еще не представляет серьезной общественной опасности.

Поэтому мы полагаем, что ответственность за небрежное хранение боеприпасов нужно предусмотреть в уголовных кодексах всех союзных республик, широко оповестив об этом всех лиц, хранящих огнестрельное оружие и боеприпасы, в целях предупреждения указанных преступлений, а следовательно, и других — более опасных преступлений.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 219 Серия юридическая

СОВЕТСКИЙ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

(ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ. УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ, ИЗД. САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. 1967 г., стр. 245)[1]

1. Рецензируемое пособие написано опытным коллективом работников кафедры уголовного процесса Саратовского юридического института им. Д. И. Курского. Оно явилось очень своевременным и нужным, особенно для студентов заочных юридических факультетов, до выхода в свет последних учебников по уголовному процессу.

Четкое и последовательное изложение материала, акцентирование внимания на наиболее серьезных для каждого раздела вопросах дали возможность авторам пособия, несмотря на его сравнительно небольшой объем, рассмотреть все основные вопросы особенной части советского уголовного процесса в объеме вузовской программы.

Работа состоит из двенадцати глав, соответственно озаглавленных: Возбуждение уголовного дела, Предварительное расследование, Предание суду, Судебное разбирательство, Постановление приговора, Производство в кассационной инстанции, Исполнение приговора, Производство в порядке судебного надзора, Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам, Производство по применению мер медицинского характера, Производство по делам несовершеннолетних, Производство по делам о хулиганстве.

Авторы не ограничиваются анализом уголовно-процессуального законодательства РСФСР. Они знакомят читателя и с рядом положений УПК других союзных республик, а также с соответствующими постановлениями Пленумов Верховного Суда СССР и РСФСР.

В пособии используются (правда, не во всех главах одинаково широко) материалы судебной практики. Так, касаясь спорного вопроса о пределах полномочий кассационной инстанции, авторы справедливо отмечают, что «в отдельных случаях судебная практика допускает на основе новых материалов смягчение меры наказания и даже отмену приговора с прекращением дела» (стр. 177).

Студент находит в пособии и ответы на некоторые вопросы, непосредственно в законе не регламентированные. Так, хотя действующий закон не упоминает о праве суда, рассматривающего дело в порядке судебного надзора, выносить частные определения, нельзя не согласиться с утверждением, что «требования ст. 355 УПК... относятся и к судам, пересматривающим дела в порядке судебного надзора» (стр. 215).

---

[1] Подготовлено авторским коллективом в составе: В. Я. Чеканова, А. Л. Цыпкина, Ц. М. Каз, В. А. Познанского, В. В. Назарова, Н. А. Акинча.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

2. Отдельные положения работы вызывают возражения. Трудно согласиться с утверждением, что «суд возбуждает уголовное дело: а) если при судебном разбирательстве будут установлены обстоятельства, указывающие на совершение подсудимым преступления, по которому обвинение ему не было предъявлено и новое обвинение не связано с рассматриваемым делом» (стр. 5—6). В такой редакции указанное положение противоречит тексту и смыслу части первой ст. 255 УПК РСФСР, обязывающей суд возбудить уголовное дело по новому обвинению независимо от того, связано ли оно с первоначальным. Связь нового обвинения с первоначальным имеет значение при решении вопроса не о возбуждении дела, а об их раздельном или совместном рассмотрении.

Авторы утверждают, что надзорная инстанция отменяет приговор и направляет его на новое рассмотрение «если... согласится с мотивами протеста о... необходимости усиления меры наказания, а равно применения закона о более тяжком преступлении» (стр. 212).

Выходит, что при отсутствии таких мотивов в протесте надзорная инстанция не вправе по собственной инициативе отменить приговор за мягкостью наказания или ввиду необходимости применения закона о более тяжком преступлении. Между тем в надзорном производстве суд вправе отменить приговор по любому основанию, независимо от оснований и мотивов, указанных в протесте (ст. 380 УПК РСФСР). Этим, в частности, и отличается надзорное производство от кассационного, в котором кассационная инстанция не может выйти за пределы протеста в части, касающейся отмены приговора не в пользу привлеченного к ответственности лица (ч. 2 ст. 340 УПК РСФСР).

Представляется не основанным на законе указание, что в конце резолютивной части обвинительного заключения «отмечается подсудность уголовных дел» (стр. 89). Вопрос о том, подсудно ли дело данному суду, решается судьей или судом в распорядительном заседании (ч. 3 ст. 231 УПК РСФСР). Если же авторы имели в виду лишь указание, в какой суд надлежит направить дело, то этот вопрос решается прокурором, утвердившим обвинительное заключение (ч. 1 ст. 217 УПК РСФСР).

«Законность приговора — это, по мнению авторов пособия, его соответствие требованиям материальных и процессуальных законов, а обоснованность приговора — это его соответствие фактическим обстоятельствам дела» (стр. 161).

Но если под законностью приговора понимать его соответствие всем требованиям материальных и процессуальных законов, а следовательно, и требованию его обоснованности, то в чем смысл статьи 301 УПК РСФСР, предусматривающей, чтобы приговор был не только законным, но и обоснованным?

Представляется, что в этом вопросе необходимо присоединиться к другой высказанной в процессуальной литературе точке зрения, согласно которой, говоря о законности приговора, законодатель имеет в виду лишь, что «приговор вынесен... с соблюдением установленных законом юридических форм, и в нем правильно применен закон к действиям обвиняемого»[2].

На стр. 70 читаем, что постановление о привлечении в качестве об-

[2] М. С. Строгович. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955, стр. 47.

Аналогично см.: Я. О. Мотовиловкер. Вопросы дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Томск, 1966, стр. 78.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

виняемого выносится, когда «становится возможным... сделать вывод о том, какое преступление и кем совершено». Этот вывод, однако, не должен быть «выражением убежденности следователя, оторванной от фактических данных...».

Представляется, что утверждения о выводе следователя, «какое преступление и кем совершено», а равно о его убежденности в таком выводе не согласуется с текстом закона, согласно которому лицо привлекается в качестве обвиняемого при наличии достаточных доказательств, «дающих основание для предъявления обвинения». Как может следователь быть убежден в выводе, какое преступление и кем совершено, пока следствие не закончено? Как может установка на убежденность следователя в таком виде содействовать интересам объективного продолжения следствия?

3. То обстоятельство, что работа носит характер учебного пособия, не освобождало, на наш взгляд, ее авторов от обязанности знакомить студентов в определенных пределах с достижениями советской теории уголовного процесса. Авторы же стремились обойти дискуссионные вопросы, в том числе и вопросы дальнейшего развития законодательства, ограничившись воспроизведением без каких-либо разъяснений, формулировок закона, нуждающихся в совершенствовании. Такой подход в ряде случаев себя явно не оправдал. Вот некоторые примеры.

«Гражданский истец в своей жалобе, — читаем на стр. 165, — вправе касаться обстоятельств, влияющих на судьбу гражданского иска, но не вправе ставить вопрос об отмене оправдательного приговора...». Между тем, если подсудимый оправдан, скажем, ввиду неустановления события преступления, то в удовлетворении гражданского иска отказывается именно потому, что постановлен оправдательный приговор (п. 1 ст. 310 УПК РСФСР). Как же практически гражданский истец может в одно и то же время и возражать против вывода о неустановлении события преступления, в результате чего ему отказано в удовлетворении гражданского иска, и мириться с оставлением оправдательного приговора без изменений, а следовательно, и с отказом в удовлетворении иска?

«Признав предварительное следствие законченным..,— говорится на стр. 83,— следователь производит ряд процессуальных действий, завершающих предварительное следствие (ст. ст. 200—207 УПК РСФСР)». Непонятно, как может следователь завершать то, что им уже закончено.

Воспроизводя положение части четвертой ст. 201 УПК РСФСР, авторы ограничиваются указанием на то, что «по окончании ознакомления обвиняемого и защитника с материалами дела следователь обязан выяснить, не имеют ли они ходатайства о дополнении следствия» (стр. 84). При этом, однако, упускается из виду, что согласно п. 3 ст. 202 того же Кодекса защитник обвиняемого вправе заявлять ходатайства не только о дополнении следствия, но и «по всем иным вопросам, имеющим значение для дела».

4. В работе иногда встречаются неточные, неполные формулировки, отдельные опечатки и описки. Так, на стр. 167 указывается, что «основанием для отмены или изменения приговора являются допущенные судом нарушения закона или неправильное установление фактических обстоятельств дела...». Из слов «нарушения закона или...» можно сделать вывод, будто неправильное установление фактических обстоятельств дела не есть нарушение закона. Между тем требование правильно устанавливать фактические обстоятельства дела прямо выражено в тех статьях закона, в которых речь идет о задаче исследовать обстоя-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

тельства дела всесторонне, полно и объективно, а также о необходимости вынесения обоснованного приговора.

Видимо, здесь, точно так же, как при определении понятия законности приговора, авторам следовало провести строгую грань между понятиями нарушения процессуального закона и нарушения форм судопроизводства.

Неполнота исследования дела охватывает также, по мнению авторов, «все случаи отсутствия необходимых доказательств для подтверждения определенных выводов» (стр. 168).

Это не совсем точно. В случае, например, отсутствия необходимых доказательств, подтверждающих предъявленное подсудимому обвинение, если нет оснований для производства дополнительного расследования и нового судебного рассмотрения, дело подлежит прекращению (п. 2 ст. 349 УПК РСФСР). При таких условиях не может быть речи о неполноте исследования дела. В противном случае дело не прекращалось бы, а направлялось на новое рассмотрение с той или иной стадии (ст. 343 УПК РСФСР).

На стр. 102 отмечается, что дело возвращается для дополнительного расследования, когда суд «при рассмотрении вопроса о правильности применения уголовного закона» приходит к выводу, что обвинение должно быть изменено на «существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, указанного в обвинительном заключении».

Представляется очевидным, что к такому выводу суд приходит при рассмотрении вопроса не о правильности применения уголовного закона, а о соответствии выводов следователя фактическим обстоятельствам дела.

«Если по делу не проводилось предварительное расследование, говорится на стр. 98, то решение вопроса о предании суду принимается на основании заявления лиц или организаций, непосредственно обратившихся в суд». Нам не известны случаи предания суду по заявлениям организаций.

На стр. 191 и след. дается перечень вопросов, возникающих при исполнении приговора и подлежащих разрешению судебными органами. Приведенный перечень является неполным; в нем не предусмотрены такие вопросы, как условное освобождение осужденных из мест лишения свободы с направлением на стройки народного хозяйства, а также перевод осужденных из исправительно-трудовой колонии общего, усиленного и строгого режима в колонию-поселение. Разрешение этих вопросов в настоящее время занимает значительное место в работе суда по исполнению приговора.

На стр. 104 делается ссылка на п. «б» (вместо п. 2) ст. 208 УПК РСФСР, а на стр. 195 говорится об «исправительных колониях» вместо исправительно-трудовых колоний.

Отмеченные, как и некоторые другие, недостатки касаются отдельных, частных положений и не меняют нашей общей положительной оценки рецензируемой работы как нужного и полезного учебного пособия.

О. Я. Мотовиловкер, доктор юридических наук, профессор. *Л. В. Павлухин, М. К. Свиридов, В. Г. Асташенков,* кандидаты юридических наук. *Б. С. Ибрагимов, И. Е. Карасев, Е. Н. Лифанов,* преподаватели кафедры уголовного процесса и криминалистики Томского университета.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 219 Серия юридическая

ПСИХИАТРИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

О. Я. МОТОВИЛОВКЕР

Рецензия

Юридическое издательство, 1968, стр. 400[1]

1. Особый интерес к этой книге определяетея прежде всего тем, что она написана в творческом содружестве трех виднейших представителей научной мысли ПНР в различных областях знаний: проф. Ягеллонского университета действительного члена АН ПНР В. Вольтера (уголовное право), профессора того же университета М. Цесьляка (уголовный процесс), профессора Медицинской Академии в Кракове К. Спетта (судебная психиатрия).

Мировая (включая и польскую) наука — указывается в предисловии — дала человечеству немало выдающихся исследований психиатров и юристов, помогающих установить пределы и степень уголовной ответственности при определенных психических отклонениях лица, совершившего общественно опасное деяние. Но до сих пор не была предпринята попытка решить всю совокупность возникающих в связи с этим вопросов совместными усилиями представителей медицинской и правовой науки, чего настоятельно требует принцип социалистического гуманизма (стр. 5).

Именно такую попытку предприняли авторы настоящей работы.

Книга состоит из предисловия и девяти глав, соответственно озаглавленных: Общие положения, Вопросы психиатрии с точки зрения материального уголовного права, Значение психических отклонений по польскому уголовно-процессуальному праву, Общая психопаталогия, Особенная психопаталогия, Симуляция психических расстройств, Исследование и психиатрическое заключение, Эксперт психиатр и его процессуальное положение, Частные вопросы психиатрической экспертизы как средства доказывания.

2. В главе первой («Общие положения») разграничиваются понятия психиатрии клинической, правовой, судебной, криминальной в зависимости от предмета и целей, которым она служит (например, лечение и профилактика, определение инвалидности в целях пенсионного

---

[1] M. Cieslak, K. Spett, W. Wolter, Psychiatvia w procesie karnym Wydawnictwo Prawnicre, 1968, str. 400.

Мариан Цесьляк, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса государственного университета в Кракове, известный польский процессуалист.

Кароль Спетт, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой психиатрии и психиатрической клиники Медицинской Академии в Кракове.

Владислав Вольтер, доктор юридических наук, действительный член АН ПНР, б. член кодификационной комиссии при Министерстве юстиции, известный ученый в области уголовного права.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

обеспечения, установление предпосылок уголовной ответственности и др.). Здесь же дается очерк исторического развития криминальной психиатрии (М. Цесьляк, К. Спетт).

Предметом рассмотрения во второй главе (В. Вольтер) являются вопросы невменяемости, ограниченной вменяемости несовершеннолетних, принудительных мер медицинского характера, психических отклонений лиц, на интересы которых посягает преступник.

Автор критически относится к редакции УК 1932 года, в котором вместо невменяемости употребляется термин безответственности. Отсутствие ответственности — результат невменяемости. Устраняет ответственность, однако, не только невменяемость, но и недостижение возраста, добровольный отказ от совершения преступления (стр. 20).

Так как вина — один из необходимых элементов состава преступления, а невменяемость лица исключает возможность инкриминировать ему виновное деяние, то применительно к невменяемому речь должна идти не о том, что он «не подлежит наказанию», как указано в УК 1932 года, а о том, что он не совершает преступления[2].

Невменяемость — это отрицание вменяемости. Проблемой уголовного права является невменяемость как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность, а не вменяемость, как необходимое условие этой ответственности. Поэтому и в уголовном процессе предметом исследования является не вопрос о вменяемости, а вопрос о невменяемости лица в случае, когда по поводу его вменяемости возникает сомнение (стр. 21).

В теории и практике встречаются три метода определения невменяемости: психиатрический (указание лишь на причину невменяемости), психологический (указание лишь на ее последствия) и смешанный (указание и на причины и на последствия невменяемости). Автор высказывается в пользу последнего метода, отмечая, что необходимым и достаточным условием невменяемости является причинная связь между биолого-психическим расстройством душевной деятельности и невозможностью лица отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими[3].

Особый интерес для советского читателя представляют суждения автора по вопросу об институте ограниченной вменяемости. Речь идет о состоянии лица, которое не подпадает под понятие ни полной вменяемости, ни невменяемости, то есть когда налицо известное отклонение in minus от нормального психического состояния. Это состояние отличается от состояния полной вменяемости количественно, а от состояния невменяемости — качественно, так как оно не исключает уголовной ответственности. И несмотря на неизбежные трудности, вытекающие из необходимости устанавливать в процессе состояние не только невменяемости, но и ограниченной вменяемости и степени этой ограниченности, автор высказывается в пользу института ограниченной вменяемости. После установления такого состояния лица в момент совершения преступления, суду должно быть предоставлено право чрезвычайно смягчить наказание (стр. 42)[4].

---

[2] Такова редакция § 1 ст. 25 УПК ПНР от 19 апреля 1968 года.

[3] Такова и формулировка § 1 ст. 25 УК ПНР 1969 года. Аналогично ст. 11 УК РСФСР.

[4] Такую позицию занял законодатель в § 2 ст. 25 УК 1969 года, согласно которому «если в момент совершения преступления способность лица отдавать себе отчет в значении деяния или руководить своими действиями была в значительной степени ограничена, суд может чрезвычайно смягчить наказание». Представляется, что в свете ст. 11 УПК РСФСР, в которой в качестве причин

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Что касается вопроса о психическом отклонении лица, на интересы которого посягает преступник (стр. 58), то оно в одних случаях, являясь последствием преступного посягательства, может повлиять на квалификацию деяния, в других случаях, характеризуя состояние этого лица до совершения преступления, может оказаться необходимым условием преступности деяния.

3. Психические отклонения могут иметь значение предпосылки не только уголовно-правовой ответственности, но и правильности процессуальных действий лица (глава III — М. Цесьляк). В этом случае интерес представляет вопрос о психическом отклонении лица в момент совершения им не преступления, а того или иного процессуального действия (стр. 66). Психическое заболевание обвиняемого в ходе процесса служит основанием к приостановлению расследования (стр. 72). Тот или иной недостаток в психическом состоянии обвиняемого может служить условием обязательного участия защитника (стр. 75). Назначение защитника обязательно не только после того как психический недостаток положительно установлен; достаточно обоснованного сомнения относительно недостатка у обвиняемого. Ни проведение экспертизы, ни удостоверение врачей при этом не является обязательным; могут быть использованы любые средства доказывания (справка о том, что лицо находилось на излечении, показания свидетелей о поведении лица, наблюдение органов следствия и суда и т. д.). Любые сомнения по данному вопросу должны быть истолкованы в пользу вывода об обязательности назначения защитника. Ибо рассмотрение дела без участия защитника в тех случаях, когда по закону его присутствие обязательно, служит безусловным кассационным основанием. Назначение же защитника, хотя дело могло быть рассмотрено без его участия, как справедливо подметил автор, вообще не является нарушением, которое могло повлиять на приговор (стр. 77).

Психическое состояние обвиняемого имеет значение при оценке его показаний (стр. 80) и учитывается в ходе исполнения приговора (при приведении в исполнение наказания в виде смертной казни, при решении вопроса об отсрочке исполнения наказания в виде лишения свободы и др.).

Касаясь вопроса о значении психического состояния свидетеля в процессе, автор, взвесив все аргументы за и против, приходит к выводу, что психиатрическое исследование свидетеля допустимо лишь с его согласия, если его показания имеют настолько существенное значение, что отказаться от них нельзя. При ином решении могут оказаться несправедливо ущемленными интересы лиц, осуществляющих почетную гражданскую обязанность свидетельствования в уголовном процессе (стр. 93).

Учитывая, что эксперт в отличие от свидетеля заменим, психиатрическая экспертиза на предмет установления у него психических отклонений не допустима (стр. 94).

Прежде чем перейти к вопросу о специфике процессуального положения эксперта-психиатра, автор (М. Цесьляк) высказывает ряд сооб-

---

(Окончание. Нач. сноски на стр. 186).
невменяемости указывается, в частности, слабоумие или иное болезненное состояние, вовсе не исключается такое состояние лица, которое лишь ограничивает его вменяемость.

Спор, таким образом, может идти не о том, возможно ли состояние лица, при котором оно не признается невменяемым, но его вменяемость все же ограничена, а о том, целесообразна ли специальная правовая регламентация подобного состояния.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ражений (глава VIII) по вопросу о понятии и характере деятельности эксперта вообще в польском уголовном процессе.

Различие между экспертом и свидетелем состоит в предмете их деятельности и в основании, по которому они привлекаются к участию в деле: свидетель дает показания о фактах, которые ему стали известны помимо процесса и независимо от того, какими познаниями он обладает; эксперт же должен ознакомиться с тем, что ему представляется в процессе и дать заключение, используя свои специальные познания.

И в показаниях свидетеля, и в заключении эксперта содержатся и не могут не содержаться как сведения о фактах, так и оценки и выводы. Однако оценки и выводы выдвигаются в заключении эксперта на первый план, в показаниях же свидетеля они должны быть сведены до минимума. Но главное различие состоит здесь в том, что свидетель, как лицо, обладающее сведениями об имевших место в прошлом фактах, незаменим в роли источника сведений об этих фактах; эксперта же всегда можно заменить другим экспертом (стр. 343).

Оценочная функция является общей как для эксперта, так и для судьи. И тот и другой проводит исследование, используя доказательства в процессе. Поэтому от каждого из них требуются определенные знания и подготовка, каждому может быть заявлен отвод.

Но, в отличие от судьи, эксперт применяет не установленные государством правовые нормы, а данные науки, техники, искусства или ремесла. Его заключение не носит характера нормативного акта (акта воли) и подлежит оценке с точки зрения его научной обоснованности. Поэтому заключение эксперта, в отличие от судебного решения, никогда не вступает в законную силу (стр. 344).

Эксперта (как и обвиняемого, свидетеля) автор относит к источникам доказательств, заключение же эксперта — является средством доказывания (стр. 345).

Что же следует понимать под специальными познаниями, в связи с необходимостью которых назначается экспертиза? Неточными являются встречаемые определения, согласно которым речь идет о познаниях, относящихся к определенной специальности (такими примитивными познаниями, скажем, в области медицины может обладать и не медик) или о познаниях, которыми не обладает следователь или суд. Экспертиза назначается и в случае, когда указанные лица случайно обладают такими познаниями. В противном случае стороны были бы лишены возможности участвовать в проверке с соблюдением принципа состязательности заключения эксперта, требовать назначения другого эксперта и т. д.

Говоря о специальных познаниях, закон имеет в виду познания, которые выходят за пределы познаний среднего, взрослого и нормально образованного человека, то есть познания, которых можно требовать только от специалиста (стр. 352). Применительно к эксперту-психиатру, однако, этот вопрос не приобретает особого значения, потому что для определения психического состояния лица всегда необходимо участие эксперта (стр. 353).

Автор высказывает взгляд, согласно которому в исключительных случаях интересам правосудия принесет не вред, а пользу вызов эксперта, обладающего специальными познаниями в области права (не только международного). Ссылка на принцип iuva novit curia представляется автору неубедительной, так как нельзя требовать от судьи, чтобы его познания распространялись, например, и на всякого рода редкие инструкции, касающиеся тарифов, пользования средствами связи и т. д. (стр. 354).

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Эксперт, разумеется, не должен выходить за пределы своей компетенции, заниматься моральными и общественными оценками, высказываться по вопросам о виновности, ответственности, наказании. Это требование, впрочем, должно соблюдаться не только экспертом, но и следователем и судом в их отношении с экспертом.

Автор, однако, выступает против иногда допускаемых крайностей в этом вопросе. Точно так же, как свидетель не в состоянии в своих показаниях отказаться от каких бы то ни было оценок, и эксперт фактически не в состоянии полностью абстрагироваться от правовых оценок. Это объясняется тем, что в уголовном процессе факты представляют интерес не вообще, а именно с точки зрения их правовой оценки и правовых последствий, которые они влекут. А вопросы факта и вопросы права невозможно в уголовном процессе рассматривать совершенно изолированно.

Нет ничего предосудительного, по мнению автора, в том, что эксперт-психиатр, который в принципе не должен касаться вопроса о наказании, выскажет свои соображения, например, по вопросу о том, как может сказаться тот или иной вид наказания на дальнейшем психическом состоянии подсудимого (стр. 355—357).

Однако существует определенное различие в оценке заключения эксперта в зависимости от того, содержатся ли в нем неправовые или правовые выводы. В первом случае следователь и суд, как правило, не вправе подменить вывод эксперта своим собственным выводом, не истребовав дополнительных объяснений экспертов либо не назначив новой экспертизы. Во втором же случае следователь (суд) может, соглашаясь с заключением в части содержащихся в нем неправовых оценок, отбросить данную экспертом юридическую оценку (стр. 356).

Эксперт не вправе касаться вопросов или использовать методы исследования или материалы, в части которых в постановлении о назначении экспертизы содержится прямой запрет. За этими пределами эксперт выясняет все, что, по его мнению, может содействовать наиболее полному и точному ответу на поставленный перед ним вопрос. Это необходимо потому, что в силу недостаточных познаний следователя или суда в той или иной области вопросы эксперту иногда формулируются не настолько полно, как это требуется для того, чтобы он выполнил поставленную перед ним задачу.

Возникает вопрос, каким должно быть заключение эксперта, если ему поручается исследовать психическое состояние обвиняемого «в момент совершения преступления»? К моменту представления заключения нет вступившего в законную силу приговора, устанавливающего, что лицо совершило преступление. Тем не менее эксперт-психиатр исследует вопрос о психическом состоянии обвиняемого так, как если бы лицо действительно совершило вменяемое ему деяние. Но своим заключением эксперт вовсе не предрешает вопроса о том, совершило или не совершило лицо инкриминируемое ему деяние, так как это выходит за пределы его компетенции. Следовательно, такое заключение не вступит в противоречие с оправдательным приговором, в котором устанавливается отсутствие события преступления (стр. 372—373).

Экспертизу в собственном смысле необходимо отличать от иных форм использования в уголовном процессе специальных познаний лица, которое не проводит исследований, а следовательно, и не устанавливает фактов. Это имеет место в случаях дачи ответа на абстрактно сформулированный вопрос следователя или суда. Например, «может ли психопатия служить основанием для признания лица невменяемым или ог-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

раниченно вменяемым»?, «какие последствия влечет принятие такого-то количества яда»?

В таких случаях мы говорим об абстрактном заключении, которое не перестает быть таковым и в случае, когда оно относительно конкретизировано. Например, когда следователь формулирует свой вопрос на базе определенных элементов фактического состава. И в этом случае сам эксперт не производит никакого исследования, результатом которого явилось бы установление фактов; он принимает в качестве гипотезы указанный следователем фактический состав, не имея ни возможности, ни обязанности его проверить (стр. 378).

Спорным является вопрос о том, как быть следователю и суду в случаях, когда они согласны с исследованием и установленными на его основе фактами, но не согласны с оценкой фактических обстоятельств и сделанными отсюда выводами. Автор этот вопрос решает по-разному, в зависимости от следующих двух ситуаций.

Если оценка лежит в сфере компетенции лиц, обладающих специальными познаниями, а следователь (суд) сомневается в ее правильности или с ней не согласен, то он не вправе противопоставить ей свою собственную оценку, так как это означало бы, что следователь принял на себя функции эксперта. В таком случае остается либо повторно вызвать тех же экспертов для того, чтобы рассеять неясности или сомнения, либо назначить повторную экспертизу.

Иное положение создается, когда оценка эксперта, хотя и связанная с предпосылками, для установления которых требуются специальные познания, основана на обычном житейском опыте. Например, эксперт устанавливает, что обвиняемый — психопат и в момент совершения преступления был значительно ограничен в возможности руководить своими действиями. Без нового заключения эксперта следователь (суд) не может прийти к выводу, что обвиняемый — не психопат. Но на основе данных, содержащихся в заключении относительно личности обвиняемого, и используя совокупность других доказательств по делу, следователь (суд) может прийти к выводу, что возможность обвиняемого руководить своими действиями в момент совершения преступления не была значительно ограниченной (стр. 380—382).

Автор полемизирует с Верховным Судом ПНР, высказавшим мнение, что каждый последующий эксперт обязан определить свое отношение к заключению предыдущего эксперта по тому же делу и по тому же вопросу. Такая обязанность лежит на эксперте, если того потребует следователь (суд). В противном случае эксперт может ограничиться обоснованием своей позиции. Более того, иногда следователь (суд) может и не знакомить эксперта с другими заключениями в интересах обеспечения большей объективности при даче заключения.

При наличии нескольких противоречивых заключений эксперта следователь (суд) основывает свой вывод либо на одном из имеющихся заключений, либо в той или иной части на некоторых или всех заключениях. Исключена лишь возможность не согласиться со всеми заключениями и занять позицию, не имеющую поддержки ни в одном из экспертных заключений (стр. 382—383).

Ранее действовавший УПК ПНР требовал для определения психического состояния лица назначения не менее двух экспертов-врачей, по возможности — психиатров[5]. Могут быть назначены две экспертизы (проводимые — каждая одним экспертом) и даны два отдельных за-

[5] В ст. 183 УПК ПНР 1969 года сохранена та же редакция за исключением слов «по возможности».

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ключения, но не исключается возможность назначения одной коллективной экспертизы и дачи одного общего заключения (глава IX). В первом случае гарантируется больше независимости и объективности при даче заключения; во втором — обеспечиваются лучшие условия непосредственной или другой зависимости (например, профессор и его ассистент). В судебной практике встретился случай, когда в даче заключения участвовали муж и жена, а Верховный Суд ПНР не усмотрел в этом процессуального нарушения. В литературе, однако, позиция Верховного Суда была подвергнута критике (стр. 388).

Что касается спорного вопроса о допустимости комбинированной экспертизы, то его решение, по мнению автора, не может быть однозначным. Бывают случаи, когда по делу требуется не только оценка представителей различных отраслей знаний, но и их взаимная консультация и взаимодействие в силу тесной взаимосвязи и взаимообусловленности различных сторон данного сложного явления. Примером могут служить случаи психического расстройства в связи с отравлением или смерти невменяемой женщины в связи с изнасилованием. Вполне оправданной может оказаться комбинированная экспертиза с участием психиатра и психолога или психиатра, психолога и социолога.

При отсутствии же указанного условия должны назначаться отдельные экспертизы и быть даны отдельные заключения каждым из экспертов. Тем самым лучше сохраняется индивидуальный характер экспертных заключений и не стирается индивидуальная ответственность эксперта за данное им заключение в пределах своих специальных познаний. В качестве примера неоправданной комбинированной экспертизы приводится экспертиза, в которой участвуют психиатр и специалист по автомобильному транспорту (стр. 390—392).

4. В главах IV—VIII (К. Спетт) подробно исследуются вопросы общей психопаталогии (в частности, вопросы расстройства восприятий, памяти, эмоций, мышления, сознания, волевой деятельности), особенной психопаталогии (в частности, вопросы умственного недоразвития, психопатии, половых аномалий, видов психического расстройства, отравления, вызываемого алкоголем и морфинизмом, эпилепсии, шизофрении, неврозов, реактивных психозов), симуляции психического расстройства, психиатрического обследования и психиатрического заключения.

* * *

В предисловии к работе указывается, что цель настоящего коллективного труда состоит не только в том, чтобы помочь органам, ведущим борьбу с преступностью, в решении вопроса о виновности или невиновности обвиняемого, о психической ценности лица в рамках его уголовной ответственности, о степени опасности для общества лица по характеру совершенного им деяния и своему болезненному состоянию, но и в том, чтобы сделать более тесными связи между представителями различных отраслей науки (стр. 6).

Можно с уверенностью сказать, что цель, которую авторы перед собой ставили, несомненно достигнута.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 219 Серия юридическая

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ЗА ОБЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ ПРЕДПРИЯТИЯ ПО ИТОГАМ ЗА ГОД КАК СТИМУЛ К ДОБРОСОВЕСТНОМУ ТРУДУ

В. М. ЛЕБЕДЕВ

Вознаграждение за общие результаты работы предприятия по итогам за год выплачивается рабочим и служащим, как правило, при условии дисциплинированного труда. Об этом свидетельствует изучение конкретных положений о таком вознаграждении на отдельных предприятиях, в которых прямо указывается на недопустимость начисления отдельным работникам вознаграждения при нарушении ими трудовой дисциплины. Так, на предприятиях Алтайского края, Москвы, Ульяновска и др. вознаграждение по итогам года рабочие и служащие не получают в случаях совершения ими прогула, систематического невыполнения нормы выработки или сменного задания по их вине, нарушения более двух раз технологической дисциплины, при задержании за расхищение социалистической собственности, а также за попытку пронести на территорию предприятия спиртные напитки и за нахождение на работе в нетрезвом состоянии.

Изучение оснований неначисления недисциплинированному работнику вознаграждения позволяет сделать следующие выводы: 1) положения обычно предусматривают конкретный круг нарушений трудовой дисциплины, при наличии которых работнику вознаграждение не начисляется полностью или частично по сравнению с возможным размером при дисциплинированном труде; 2) по своему характеру это самые разнообразные нарушения дисциплины труда, связанные как с режимом рабочего времени (прогулы, непроизводительное расходование рабочего времени и т. п.), так и с ненадлежащим исполнением рабочим или служащим своей трудовой функции (систематическое невыполнение норм выработки или сменных заданий по вине работника), а также все другие нарушения трудовой дисциплины, за которые трудящийся привлекался к дисциплинарной ответственности в течение данного года.

На некоторых предприятиях вознаграждение по итогам года не выплачивается и при наложении на работника приказом директора дисциплинарного взыскания (одного или двух), т. е. безотносительно к виду дисциплинарного проступка.

С позиций стимулирования дисциплинированного труда особенно важно то, что во многих заводских (фабричных) положениях о вознаграждении за общие результаты работы предприятия по итогам за год говорится не о лишении, а о *неначислении* вознаграждения работникам, допустившим указанные в положении нарушения трудовой дисциплины. Следовательно, в соответствии с этими положениями не-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

добросовестный работник не лишается субъективного права на вознаграждение, а у него вообще не возникает субъективного права на получение такого рода выплат. Приведенное правило материально заинтересовывает рабочих и служащих в добросовестном выполнении возложенных на них по трудовому договору обязанностей, укрепляет тем самым уровень дисциплины труда на предприятии.

О положительном дисциплинирующем воздействии на рабочих и служащих вознаграждения за общие результаты работы предприятия по итогам за год свидетельствует опыт его применения на многих предприятиях. Так, Московская городская конференция «Хозрасчет в условиях новой системы планирования и экономического стимулирования производства» пришла к выводу, что вознаграждение по итогам года как форма коллективного материального поощрения способствует укреплению трудовой дисциплины [1]. При обобщении опыта проведения в жизнь хозяйственной реформы в Туркменистане было установлено, что на выплату таких вознаграждений в республике расходуется более $^1/_3$ всех средств фонда материального поощрения. Размер его на многих предприятиях составил 12—14-дневный заработок. Оно способствует укреплению трудовой дисциплины на предприятиях Туркменистана [2]. По свидетельству директора Московского завода тепловой автоматики И. Куртынина в результате стимулирующего воздействия вознаграждения по итогам работы за год на этом предприятии количество прогулов уменьшилось почти на 40 процентов. Еще более существенно то, что потери рабочего времени по этой причине сократились почти в три раза [3]. К аналогическому выводу пришли, например, директор завода светотехнической аппаратуры Ю. Кротовицкий и главный экономист завода И. Мураш (г. Гусев Калининской области). «После того как было выплачено вознаграждение по итогам работы за год, положение резко изменилось: значительно сократилось число прогулов, увольняющихся, причем работники, имеющие большой стаж работы, почти не увольняются. Люди убедились, что работа вразвалочку бьет их по карману. В то время как более 1500 человек получили от 50 до 350 рублей, 43 прогульщика были лишены поощрения полностью» [4].

На предприятиях постоянно работают над совершенствованием механизма стимулирования вознаграждения за общие результаты работы предприятия по итогам за год. При подведении первых итогов его воздействия на уровень дисциплины труда рабочих и служащих было обнаружено, что установление правила, предусматривающего неначисление работнику вознаграждения хотя бы за один прогул, не способствует в должной мере его воспитанию. Совершив прогул в первом квартале, рабочий понимал, что он не получит вознаграждения по итогам работы за год и это не мешало ему совершать прогулы и другие нарушения трудовой дисциплины в последующее время. Поэтому на ряде предприятий пошли по пути установления более сложных правил. Например, на Московском заводе тепловой автоматики, Московском заводе координатно-расточных станков установили следующий порядок определения размера вознаграждения в зависимости от дисципли-

[1] «Экономическая газета», № 33, август 1967 г., стр. 12.

[2] Арзуманян Ш., М. К. Зайцев, Л. А. Курбанов, В. И. Синютин. Опыт внедрения принципов хозяйственной реформы в Туркменистане. Изд-во «Туркменистан», Ашхабад, 1968, стр. 45.

[3] И. Куртынин. Коллективная ответственность и трудовая дисциплина. «Социалистический труд», 1967, № 5, стр. 35—36.

[4] Кротовицкий и И. Мураш. Что нам дал хозрасчет. «Экономическая газета», № 36, сентябрь 1968, стр. 15.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

нированности работника. Рабочий или служащий, совершивший прогул в первом квартале, теряет 25 процентов годового вознаграждения. Если же он допустил прогул во втором квартале, то ему не выплачивается 50 процентов, а за прогул в третьем квартале — 75 процентов вознаграждения. При прогуле в последнем квартале нарушитель трудовой дисциплины совсем не получает вознаграждения за общие результаты работы предприятия по итогам за год.

Но и этот механизм нельзя признать совершенным, ибо он не использует до конца всех стимулирующих возможностей вознаграждения по итогам работы за год. Совершение, например, прогула в начале квартала влечет за собою не только неначисление вознаграждения в известной его части, но и как бы автоматически отключает механизм стимулирующего воздействия его на работника в последующие два—два с половиной месяца. Работник заранее уже знает, что он не получит вознаграждения полностью или определенной его части, что уже не сдерживает его более от повторных нарушений трудовой дисциплины.

На ряде предприятий размер вознаграждений дифференцируется в зависимости от количества нарушений дисциплины труда и их характера. Так, на Харьковском тракторном заводе при одном дне прогула вознаграждение уменьшается на 20 процентов, при прогуле до трех дней — на 50 процентов, а свыше трех дней — вознаграждение не выплачивается полностью. Аналогичная практика имеет место на Харьковском заводе «Свет шахтера», Харьковском турбинном, Киевском мотоциклетном и др. заводах[5].

На некоторых предприятиях применяется еще более сложный механизм материального стимулирования добросовестности в труде (Первый московский часовой завод, Игольно-платиновый завод и др.). В положениях о выплате вознаграждения за общие результаты работы предприятия по итогам за год на этих заводах предусматривается возможность признания за бывшим нарушителем субъективного права на получение вознаграждения при условии, если он после проступка добросовестным трудом докажет свое исправление. Обычно такое право признается путем совместного решения руководства цеха, отдела с соответствующим профсоюзным комитетом и оформляется приказом руководителя предприятия. В ряде положений предусматривается срок, в течение которого работник после совершения проступка должен своим добросовестным трудом доказать свое исправление (например, на Барнаульском комбинате химического волокна установлен шестимесячный срок), а также размер вознаграждения по сравнению с возможным при дисциплинированном труде, как правило, не более 50 процентов (Первый московский часовой завод).

Добросовестный, дисциплинированный труд в таких случаях является важнейшим элементом сложного юридического состава, необходимого для возникновения у работника субъективного права на такое вознаграждение. С правовых позиций здесь ошибочно говорить о «восстановлении» субъективного права работника на известную часть вознаграждения по итогам года. Именно этим в подобных ситуациях обусловлена и специфика механизма материального стимулирования добросовестности в труде. Поведение работника длительное время контролируется. Результат такого контроля — совместная оценка администрацией и ФЗМК профсоюза отношения рабочего и служа-

---

[5] И. Баткаева. О дифференциации вознаграждения по итогам года в машиностроении. «Социалистический труд», 1969, № 1, стр. 41.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

щего к труду — имеет определенное юридическое значение при решении вопроса о признании за ним права на вознаграждение по итогам работы за год. Это, с одной стороны, дисциплинирует самого работника — материально заинтересовывает его в надлежащем исполнении своих трудовых обязанностей, а с другой — усиливает за ним надзор, наблюдение и связанное с ним воспитательное воздействие со стороны администрации и общественных органов, в частности, профсоюзного комитета. Более того, сам порядок такого признания за работником права на вознаграждение (беседа с ним, приглашение его на заседание цехкома и т. п.) имеет большое воспитательное воздействие. Поэтому на передовых предприятиях, где хорошо поставлена воспитательная работа, не мирятся со всякого рода проявлениями бюрократизма в этом деле, со стремлением свести данный процесс к формальности, к рядовому событию, принизить его огромное мобилизующее значение в деле воспитания социалистической дисциплины труда.

Но ограничить сказанным стимулирующую роль вознаграждения за общие результаты работы предприятия по итогам за год было бы неправильно. Это метод прямого стимулирования добросовестности в труде. Наряду с этим можно говорить и о косвенном воздействии вознаграждения на дисциплину труда поощряемого работника. Если субъективное право на вознаграждение возникает у рабочего или служащего при добросовестном, дисциплинированном труде его в течение учетного года, то размер такого вознаграждения зависит от трудового вклада работника в общие итоги работы предприятия за год и непрерывного стажа работы как наиболее общего показателя трудового вклада рабочего или служащего в работу предприятия вообще. И тот, и другой показатели имеют тесную связь с уровнем дисциплинированности работника.

Вклад каждого работника в общие итоги работы предприятия в течение года есть не что иное, как специфический количественный показатель добросовестности работника. При всех прочих равных условиях такой вклад у добросовестного работника будет больше, чем у нарушителя трудовой дисциплины, что определенным образом отражается на размере вознаграждения. Отсюда видно, что для стимулирования дисциплины труда не безразлично, как понимается и определяется «личный трудовой вклад работника в общие итоги работы предприятия за год». Обычно такой вклад рабочего или служащего учитывается путем определения среднедневного заработка за год.

На некоторых предприятиях личный трудовой вклад работника в итоги работы предприятия определяется путем учета выполнения рабочим или служащим его годового плана (Черновицкий чулочный комбинат)[6].

На Втором московском часовом заводе вознаграждение ежемесячно начисляется в процентном отношении к тарифной ставке работающего.

У каждого из названных способов учета личного вклада работника в общие итоги работы предприятия за год есть свои плюсы и минусы. С позиций стимулирования труда, повседневного воспитания рабочих и служащих путем обращения к их личной материальной заинтересованности является более приемлемым последний способ. Здесь стимулирующая роль вознаграждения многократно усиливается за счет ежемесячного обращения к проблеме его начисления. Но нельзя согла-

[6] М. Долгий, Н. Ефимова, А. Крайзер. Вознаграждение по итогам года. «Экономическая газета», № 40, октябрь 1967, стр. 14.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ситься с практикой Второго московского завода в той части, где вознаграждение начисляется не в зависимости от среднемесячного заработка трудящихся, а в зависимости от тарифной ставки. Нельзя игнорировать правило ст. 32 Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 октября 1965 года за № 729 «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства», в котором прямо предусмотрено, что «выплата вознаграждения работникам предприятий за улучшение общих годовых итогов работы производится ...в соответствии с полученной ими заработной платой»[7]. Очевидно, что понятия «полученная заработная плата» и «тарифная ставка» не идентичны.

Более эффективным в таких случаях было бы вместо начисления процентов выдавать работнику специальные талоны с указанием реального размера вознаграждения в рублях или среднедневных заработках. Такая практика прошла успешную проверку на предприятиях Германской Демократической Республики. При этом премии начислялись ежеквартально. Работникам, которые заслужили поощрение, выдавались талоны, условные марки. Чем выше были показатели отдельного работника, тем большее количество таких талонов он получал. В конце года по талонам выдавались денежные суммы[8].

Величина непрерывного стажа работы на данном предприятии обычно свидетельствует об уровне зрелости работника как подлинного хозяина завода, фабрики. Новая экономическая реформа, проводимая в настоящее время, властно поставила на повестку дня проблему воспитания работника с психологией социалистического хозяина. Настоящий рабочий сегодняшнего дня — это не только работник высокой квалификации, но и высокой требовательности к себе и к окружающим его товарищам по работе, «с обостренным чувством личной пристрастности ко всему, что происходит вокруг»[9]. Такое отношение к труду, конечно, не возникает сразу, оно вырабатывается с годами. Поэтому не случайно, что среди лиц с длительным стажем работы на одном предприятии нарушения трудовой дисциплины бывают крайне редко. Психология кадрового рабочего такова, что он не может недобросовестно относиться к труду на с в о е м заводе или на с в о е й фабрике. Добросовестный труд у такого рода людей становится их внутренней потребностью. «Нет, не представляю. Чтобы утром не прийти на завод, в мой цех, к моей работе — да что вы! — сказал корреспонденту «Правды» рабочий Норильского горнометаллургического комбината Зорин. — Кто его знает, может привычка это. Все-таки — тридцать лет»[10].

Стимулирование непрерывной работы на одном предприятии связано с ростом квалификации работника, что также способствует повышению уровня соблюдения им трудовых обязанностей.

Не менее важным с точки зрения стимулирования дисциплины труда является предусмотренное рядом заводских положений правило о предоставлении возможности администрации по согласованию с

---

[7] Справочник профсоюзного работника, Профиздат, 1967, стр. 34.

[8] Н. Н. П о п о в. По пути совершенствования. Применение новой системы планирования и руководства во внешней торговле ГДР. Изд-во «Международные отношения», М., 1967, стр. 45—46.

[9] И. П е ч е р е р, инженер Горьковского машиностроительного завода им. Воробьева. Истоки творческого настроя. «Экономическая газета», № 38, сентябрь 1968, стр. 7.

[10] А. Н е ж н ы й. Рабочий Зорин в цехе и дома. «Правда», 10 октября 1968 г.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

комитетом профсоюза увеличивать размер вознаграждения по итогам работы за год отдельным работникам (Рыбинский моторостроительный завод, Барнаульский комбинат химических волокон и др.). Обычно поощряются таким образом лучшие, наиболее добросовестные работники. Так, на Барнаульском хлопчатобумажном комбинате работникам, «отличившимся при выполнении производственных планов, способствующим улучшению организации труда, технологии производства, повышению качества продукции и производительности труда» вознаграждение может быть увеличено администрацией совместно с ФЗМК профсоюза, но не более чем на 100 процентов, а на Барнаульском котельном заводе до 1,5-месячной тарифной ставки или оклада. На Подольском механическом заводе вознаграждение увеличивается работникам, которые поощрены морально. Так, при награждении орденом или медалью вознаграждение работнику увеличивается на 50 процентов; Почетной грамотой министерства — на 40 процентов; в случае занесения на Доску почета — на 30 процентов; при получении медали ВДНХ — на 20 процентов, объявление благодарности, которая отмечена в трудовой книжке, влечет за собою увеличение вознаграждения на 10 процентов[11].

Не следует забывать и о ритуале вручения поощрения, а также о размере его. Чем выше размер вознаграждения и чем теснее оно связано с моральной оценкой труда работника, тем эффективнее его стимулирующее, в том числе и дисциплинирующее, воздействие.

На большинстве предприятий выплата вознаграждения за общие результаты работы предприятия по итогам за год стала большим событием в жизни коллектива. Вопрос о кандидатах на поощрение и размер вознаграждения обсуждается на заседаниях цеховых комитетов, фабзавместкомов с привлечением непосредственных руководителей поощряемых работников. Списки лиц, которым такое вознаграждение выплачивается, с указанием размера его предварительно вывешиваются в цехах заводов и фабрик, а на территории предприятий выставляются портреты передовиков, получивших наибольшее вознаграждение[12]. Сам процесс вручения вознаграждения носит торжественный характер. Обычно это делается перед лицом всего коллектива, цеха, денежные суммы вручаются в специальных конвертах и т. п.[13]. На Купавинской тонкосуконной фабрике, по отзывам рабочих, день выплаты вознаграждения был настоящим «Днем текстильщика»[14].

В заключение необходимо отметить, что на практике нередко встречаются положения о выплате вознаграждения за общие результаты работы предприятия по итогам за год, составленные без учета конкретной обстановки, материальных возможностей предприятия и со слабым знанием всех его стимулирующих возможностей. Этим объясняется, например, использование фондов материального поощрения на ряде предприятий менее чем на половину[15]. Поэтому назрела необходимость в разработке и принятии положения о выплате вознаграждения за общие результаты работы предприятия по итогам за год. Со-

---

[11] С. И. Шкурко. Вознаграждение по итогам года. «Экономическая газета», № 38, сентябрь 1968 г., стр. 17.

[12] И. Куртынин. Ранее указ. статья, стр. 36.

[13] Д. Савков. Заинтересованность общая. «Коммунар». 28 февраля 1969 г.

[14] Г. Мельникова. Вознаграждение по итогам года: опыт, выводы, предложения. «Социалистический труд», 1967, № 12, стр. 27.

[15] «Экономическая газета», № 36, сентябрь 1968 г., стр. 10.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

стояние как практики, так и теории сегодняшнего дня дает для такого вывода достаточные основания.

Не имея возможности в рамках данной статьи дать сколько-нибудь развернутый проект такого положения в целом, мы ограничимся общими замечаниями по этому поводу. В этом положении, на наш взгляд, следовало бы предусмотреть введение, в котором четко и доступно изложить основные задачи вознаграждения по итогам года (стимулирование производительности и дисциплины труда, длительности стажа работы на одном и том же предприятии). В самостоятельном разделе следует указать на источники выплаты, порядок начисления и размер вознаграждения. Наряду с этим в самостоятельных разделах необходимо предусмотреть круг лиц, которым вознаграждение начисляется, особо подчеркнув, что право на получение такого вознаграждения возникает только у добросовестных, дисциплинированных рабочих и служащих; условия неначисления вознаграждения, а также порядок определения стажа, который учитывается при определении размера вознаграждения по итогам работы предприятия за год. В заключительной части положения надлежит предусмотреть порядок разработки и дополнения положений о выплате вознаграждения за общие результаты работы предприятия по итогам за год на отдельных предприятиях и хозяйствах, сроки введения его в действие, а также порядок рассмотрения споров, возникших между администрацией и ФЗМК профсоюза при разработке такого положения.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 219 Серия юридическая

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ СТИМУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ ТРУДА

В. М. ЛЕБЕДЕВ

Стимул к добросовестному труду — это такой целенаправленно используемый побудитель, в соответствии с которым работник добровольно выполняет свои трудовые обязанности, руководствуясь при этом личной заинтересованностью в результатах выполняемого им труда, оптимально сочетаемый при социализме с интересами производственного коллектива и всего общества в целом.

Стимулирование — это главным образом применение стимула. Оно основывается на предопределении общественно-трудового поведения работника путем использования его материального и морального интереса в результатах своего труда. Возможность удовлетворения этого интереса путем улучшения своего отношения к трудовым обязанностям и побуждает рабочего или служащего добровольно, в пределах предоставленной ему альтернативы, соблюдать дисциплину труда.

Правовые вопросы стимулирования дисциплины труда на современном этапе уже нельзя эффективно исследовать без тщательного рассмотрения правового механизма. Он является составной частью (элементом) правового механизма стимулирования труда при социализме. Стимулирование труда рабочих и служащих составляет особый «слой» в отношениях между администрацией, предприятием, учреждением, общественными организациями и их органами, с одной стороны, и работником — с другой. В той мере, в какой отношение по стимулированию регулируется правом, можно выделять совокупность прав и обязанностей по стимулированию. С этих позиций под правовым механизмом стимулирования дисциплины труда в самом общем смысле следует понимать совокупность правовых средств достижения «запрограммированного» результата стимулирования, т. е. определенного варианта общественно-трудового поведения работника. Круг этих средств и их специфику можно установить при анализе соответствующих норм права, юридических фактов, субъективных прав и юридических обязанностей.

Всякой правовой форме стимулирования соответствует юридическая норма (или их совокупность), опосредствующая стимул, условия и порядок его применения. Так, в правовом порядке закреплены правила определения размера и выплаты заработной платы (тарифная система, системы заработной платы и пр.); единовременного материального поощрения (ст. ст. 19, 20 Типовых правил внутреннего трудового распорядка для рабочих и служащих); досрочного снятия дисциплинарного взыскания (ст. 28 Типовых правил внутреннего трудового распорядка) и меры общественного воздействия, наложенной товарищеским судом

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

(ст. 20 Положения о товарищеских судах РСФСР). Такие нормы направляют общественно-трудовое поведение работника путем закрепления в его адрес предоставлений как морального, так и материального характера. Непосредственной гарантией предоставления в надлежащих случаях выступают нормы, обязывающие администрацию к определенным действиям, связанным с реальным предоставлением работнику благ материального и морального характера. Следовательно, для правового стимулирования специфичны нормы такого характера, которые устанавливают для трудящихся юридически гарантированную возможность получения известных материальных и моральных ценностей. Но в норме права указанная возможность устанавливается не персонифицированно, и она, естественно, вне связи с другими юридическими средствами не может оказать какое-либо правовое воздействие на трудовое поведение людей. Нормы объективного права образуют только основу правового стимулирования, а в «качестве главного средства, при помощи которого требования юридических норм претворяются в жизнь, воплощаются в поведении людей»[1] выступают правоотношения. Они «переводят» («переключают») общие предписания юридических норм в плоскость субъективных прав и юридических обязанностей для конкретных субъектов[2].

Необходимым звеном такого перевода, переключения общего предписания в области стимулирования являются юридические факты. Специфика их состоит в следующем. При стимулировании дисциплины труда они проявляются обычно в надлежащем или примерном (отличном) исполнении работником своей трудовой функции. Например, выполнение нормы выработки — для начисления заработной платы, соблюдение показателей и условий премирования — для выплаты премии, продолжительный и дисциплинированный труд — для получения единовременного вознаграждения по итогам работы предприятия за год. Старательное и примерное выполнение работником своих обязанностей по работе при наличии совместного или согласованного решения администрации и ФЗМК профсоюза является основанием для его поощрения в порядке ст. 20 Типовых правил внутреннего трудового распорядка для рабочих и служащих или в соответствии с заводским (фабричным) положением о премировании участников социалистического соревнования и движения за коммунистический труд. Для снятия дисциплинарного взыскания и меры общественного воздействия необходим наряду с добросовестным дисциплинированным трудом также и факт издания администрацией приказа или принятия соответствующего решения товарищеским судом. Известное значение при снятии меры общественного воздействия, вынесенной товарищеским судом, может иметь ходатайство общественной организации руководителя предприятия, заявление лица, подвергшегося такому взысканию (ст. 20 Положения о товарищеских судах РСФСР).

Юридические факты влекут за собою возникновение у субъектов стимулирования соответствующих субъективных прав и юридических обязанностей.

Стимулирование характеризуется наличием субъективного права на стороне рабочего или служащего и юридической обязанности на стороне администрации, предприятия, учреждения, соответствующих органов. Так, администрация обязана в отношениях по стимулированию установить показатели его; начислить и выплатить заработную плату и

[1] С. С. Алексеев. Общая теория социалистического права. Вып. второй, Свердловск, 1964, стр. 54.

[2] Там же, стр. 54.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

премию; принять меры к своевременному разовому поощрению отличившихся работников. Товарищеский суд обязан рассмотреть вопрос о досрочном снятии ранее наложенной меры общественного воздействия и снять ее при наличии факта исправления, перевоспитания бывшего нарушителя трудовой дисциплины и т. п.

Работник же в рамках отношений по стимулированию юридически не обязан выполнять показатели и условия материального и морального поощрения. Это он делает при стимулировании в силу личного или коллективного материального и морального интереса. Поэтому в результате стимулирования на стороне рабочего или служащего могут возникать только субъективные права, реализация которых связана с предоставлением определенных материальных и моральных благ.

Это утверждение не противоречит известным положениям о том, что в соответствии с правилами внутреннего трудового распорядка и другими нормативными актами работник обязан блюсти дисциплину труда.

Правоотношение по стимулированию составляет особый слой в трудовом правоотношении. По своему содержанию он отличается от другого слоя трудового правоотношения — дисциплинарно-правового воздействия. Побуждение работника к улучшению показателей своего труда в результате стимулирования действует наряду с побуждением, основывающимся на дисциплинарно-правовом воздействии. Именно поэтому, не впадая в противоречие, можно говорить о выполнении рабочими и служащими показателей и условий стимулирования как о субъективном праве и в то же время как о юридической обязанности работника.

Сравнение систем заработной платы и вознаграждения за общие результаты работы предприятия по итогам за год позволяет сделать вывод о том, что при материальном стимулировании у работника возникает качественно различное по содержанию субъективное право на заработную плату и указанное вознаграждение. Для систем заработной платы характерно безусловное субъективное право в том смысле, что администрация не может отказать работнику полностью или частично в реализации своего права, например, приостановить ее выплату или уменьшить размер вознаграждения за труд. Для вознаграждения за общие результаты работы предприятия по итогам за год специфично условное субъективное право, возможности осуществления которого зависят от материальных возможностей предприятия, например, от размера той части фонда материального поощрения, которая фактически выделена на выплату вознаграждения за общие результаты предприятия по итогам за год и в известной мере от усмотрения администрации и фабзавместкома, от их совместной оценки труда работника, а также от решения вышестоящей организации, согласованного с соответствующим комитетом профсоюза[3].

Конечным пунктом действия правового механизма стимулирования в каждом конкретном случае служит факт предоставления рабочему или служащему обещанных материальных и моральных благ. Указан-

[3] См. выписку из протокола № 143 заседания Междуведомственной комиссии при Госплане СССР по вопросам перевода промышленных предприятий на новую систему планирования и экономического стимулирования от 10 октября 1968 года «О размерах вознаграждений по итогам года на предприятиях, не выполнивших показателей годового плана» («Бюллетень Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы», № 7, 1969, стр. 5).

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ный процесс опосредствуется путем определенных юридических актов индивидуального значения. При материальном стимулировании это связано с изданием приказа, начислением и выплатой заработной платы, премии. Моральное поощрение реализуется путем объявления приказа, фактом оказания общественно-трудового почета и вручением специальных знаков отличия.

Отношения по стимулированию дисциплинированного труда в жизни намного сложнее предложенной выше схемы.

Это, в первую очередь, связано с участием фабзавместкома профсоюза в поощрении рабочих и служащих. Так, отношения по стимулированию усложняются за счет отношений ФЗМК профсоюза с предприятием (администрацией) и с рабочими и служащими по отбору кандидатов на отличие, определению вида (меры) поощрения, вручению лучшим работникам определенных знаков отличия. Субъективное право у рабочего или служащего в ряде случаев возникает только при наличии совместного или согласованного решения администрации и фабзавместкома.

В отношениях по стимулированию ФЗМК профсоюза не выступает обязанной стороной. Специфика его правового положения обусловлена интересами всесторонней защиты не только определенного интереса конкретного работника, но и всего трудового коллектива. Этим, собственно, и объясняются факты расхождения мнения фабзавместкома и отдельного работника, например, в тех случаях, когда ФЗМК не дает согласия на поощрение того или иного рабочего или служащего в порядке ст.ст. 19, 20 Типовых правил внутреннего трудового распорядка или при депремировании. Но такое расхождение мнения не означает противопоставления интересов по существу.

Для изучения прав и обязанностей по стимулированию дисциплины труда важно иметь в виду также и то, что они находятся в тесной связи с целым рядом общественных отношений, непосредственно направленных на повышение уровня дисциплины рабочих и служащих в трудовом коллективе. Эта связь очень важна для правильного определения эффективности правового механизма при коллективном стимулировании. В таких случаях работники, побуждаемые общей материальной и моральной заинтересованностью, обычно принимают к недисциплинированным членам своего коллектива меры общественно - морального воздействия. Без всестороннего исследования и учета этих отношений, наряду с правовыми, невозможно правильно оценить эффективность тех или иных стимулов, определить «коэффициент их полезного действия».

Таким образом, к средствам стимулирования дисциплины труда можно отнести нормы права и нормативные акты как форму выражения объективного права, юридические факты, субъективные права и юридические обязанности, а также юридические акты индивидуального значения.

Но правовой механизм стимулирования должен быть определен несколько уже, чем совокупность всех перечисленных выше юридических средств воздействия на общественно-трудовое поведение людей. Механизм правового стимулирования — это не арифметическая совокупность всевозможных юридических средств, а необходимое сочетание (последовательная система) только таких правовых инструментов, которые способны подводить под правило, заключающееся в норме объективного права, поведение участников трудовых отношений, подчиняя тем самым эти отношения должному порядку, ставя их в известные рамки. Случайная комбинация этих правовых средств или выключение из их единства того или иного средства делает правовой механизм не пригод-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ным для обеспечения требуемого законодателем образца поведения, заложенного в норме права.

Норма права, нормативные акты не являются элементами содержания правового механизма, его составными частями. Этот вывод вытекает из следующих положений. Как известно, право действует на общественно-трудовые отношения исключительно через отдельные нормы, которые неразрывно, тесно, органически связаны с другими нормами, регулирующими те или иные стороны одного и того же общественного отношения или их совокупности. Поэтому механизм правового стимулирования, его содержание определяются в конечном счете механизмом отдельной нормы. Но при таком положении включение нормы права в правовой механизм будет противоречить известным требованиям логики. Случайная комбинация этих правовых средств или выключение из их мы, вне учета ее специфики и формы выражения, а также органической связи с другими нормами. Исходя из вышеизложенного, правовую норму в отношениях по стимулированию следует понимать как бы в качестве «источника правовой энергии», «двигателя» механизма правового стимулирования.

Итак, механизм правового стимулирования дисциплины труда составляет последовательная система таких правовых средств, как юридические факты, субъективное право и юридическая обязанность, индивидуальные акты.

Всякий раз к установлению конкретного содержания правового механизма стимулирования необходимо подходить с учетом характера стимула, условий и способов проведения его в жизнь.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 219 Серия юридическая

ПОСТОЯННЫЕ КОМИССИИ ГОРОДСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ СОВЕТОВ ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ф. М. БОНДАРЬ

Одним из важных органов национальных Советов всех ступеней являются постоянные комиссии, которые ими образуются и полностью им подотчетны и подконтрольны в своей практической деятельности.

На основании действующего законодательства постоянные комиссии образуются на первой сессии Национальных Советов нового созыва из числа депутатов и недепутатов, однако число последних не может превышать половины состава каждой комиссии.

Постановление Государственного Совета от 1 февраля 1958 г. «О видах и количественном составе постоянных комиссий Национальных Советов»[1], дает только примерный их перечень и указывает, что Национальные Советы могут, но не обязаны придерживаться этого перечня. Однако, согласно этому Постановлению, городские Национальные Советы городов центрального и воеводского подчинения обязаны были создавать не менее восьми постоянных комиссий, а городские Национальные Советы городов уездного подчинения, городских районов и городских поселков не менее 6 постоянных комиссий. Правда, данное Постановление перечисляло сферы деятельности Национальных Советов, для которых должны создаваться постоянные комиссии, но не давало их конкретных названий. Национальные Советы всех ступеней сами определяют точное количество и наименование постоянных комиссий и их количественный состав, учитывая при этом местные условия и потребности.

Так, на первой сессии Варшавского городского Национального Совета в 1965 году были образованы следующие шестнадцать постоянных комиссий: 1) бюджета, финансов и плана, 2) торговли, 3) коммунального хозяйства, 4) транспорта и связи, 5) культуры, 6) физической культуры и туризма, 7) жилищная, 8) науки и просвещения, 9) общественного порядка и безопасности, 10) промышленности и бытовых услуг, 11) земледелия и лесоводства, 12) общественной самодеятельности и управления, 13) городского строительства, 14) распределения трудовых ресурсов, 15) здравоохранения и социального обеспечения, 16) мандатно-регламентная[2]. Постоянные комиссии создаются на весь срок полномочий городского Национального Совета.

В связи с тем, что некоторые Национальные Советы[3] практиковали создание непомерно большого числа постоянных комиссий, секретарь

[1] «Монитор Польски», 1958, № 7, поз. 37.

[2] «Биулеын информацыйны президиум Рады Народовей м. ст. Варшавы», 1965, №46--47, стр. 16—21.

[3] «Рада Народова», 1962, № 15.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Государственного Совета в своем письме от 17 мая 1965 года[4], направленном президиумом Национальных Советов воеводской ступени, предлагал им не увлекаться созданием большого количества постоянных комиссий, так как это приводило к распылению общественного актива Национальных Советов, а практиковать создание подкомиссий в постоянных комиссиях по тем или иным сферам деятельности, и указывал примерный перечень постоянных комиссий для Национальных Советов различных звеньев[5].

Каждый член городского Национального Совета должен входить в состав одной из постоянных комиссий. При подборе кандидатов в состав постоянных комиссий закон обязывает руководствоваться их профессиональной подготовкой, опытом и навыками общественной работы и мнением общественных организаций и органов общественной самодеятельности населения.

Такой принцип формирования постоянных комиссий дает возможность Национальным Советам увязывать их деятельность с работой соответствующих общественных организаций, расширять сферу общественной деятельности комиссий, увеличивает возможности выполнения контрольных функций постоянными комиссиями. Непрерывный рост координационных функций Советов, особенно городов центрального подчинения, требует включения в состав постоянных комиссий лиц, знающих состояние хозяйственной деятельности крупных предприятий, особенно на подведомственных Национальному Совету, координацию деятельности которых осуществляет Национальный Совет.

Регламенты большинства городских Национальных Советов запрещают избирать в состав постоянных комиссий руководителей предприятий, учреждений, организаций и отделов национального Совета, деятельность которых контролируется постоянными комиссиями[6].

На основании ст. 41 закона от 25.1.1958 г. постоянные комиссии городских Национальных Советов наделены следующими полномочиями:

— поддержание постоянной связи с трудящимися массами, привлечение их к сотрудничеству с органами государственной власти, стимулирование и использование инициативы общественности, рассмотрение и внесение в Национальный Совет или его органы предложений и замечаний, исходящих от общественных организаций и граждан;

— внесение своих рекомендаций и заключений в Национальный Совет и его органы;

— изучение и рассмотрение вопросов, порученных Национальным Советом или его президиумом;

— осуществление контроля над правильным и точным выполнением решений и указаний Национального Совета, его президиума и вышестоящих органов, предприятиями, учреждениями и гражданами;

---

[4] «Монитор Польски», 1965, № 26, поз. 67.

[5] «Трыбуна Люду» (вкладка), от 17.III.1965 г.

Для городских Национальных Советов, городов центрального подчинения предлагалось образование 11 постоянных комиссий; кроме мандатно-регламентной, следующих: хозяйственного плана, бюджета и финансов; охраны общественного порядка и безопасности; сельского, лесного и водного хозяйства строительства и коммунального хозяйства; науки и просвещения; культуры и искусства; физической культуры и туризма; снабжения населения; здравоохранения и социального обеспечения; распределения трудовых ресурсов; транспорта и связи. Для городских Национальных Советов в городах воеводского подчинения — 8 постоянных комиссий, для городов уездного подчинения и городских поселков — 6 постоянных комиссий.

[6] «Дзенник Устав», 1963, № 29, поз. 17.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

— контроль за деятельностью отделов, предприятий и учреждений, подведомственных Национальному Совету;

— осуществление общественного контроля над деятельностью предприятий и учреждений, не подведомственных Совету[7].

Поддерживая и развивая связь с трудящимися массами, постоянные комиссии, каждая в своей сфере деятельности, с одной стороны, путем непосредственных контактов с населением разъясняют цели и задачи органов государственной власти, способ выполнения решений и постановлений Национального Совета и его президиума, через общественный актив привлекают население к выполнению этих решений и постановлений, организуют общественные работы для реализации хозяйственных и других задач Национальных Советов, с другой стороны, они создают населению постоянную возможность оказывать влияние на деятельность Национального Совета и его органов путем принятия и направления в Национальный Совет и его органы предложения и замечаний населения.

При осуществлении функций контроля постоянные комиссии городских Национальных Советов сотрудничают с органами верховной контрольной палаты. Городской Национальный Совет может предложить делегатуре провести обследование с участием представителей комиссии или выделить представителя делегатуры для участия в обследовании, проводимом комиссией. Со своей стороны делегатура может обратиться через президиум с предложением выделить представителя комиссии для участия в проверке, проводимой делегатурой.

Осуществляя контроль, комиссии имеют право принимать предложения, имеющие целью улучшить деятельность контролируемых органов, учреждений и предприятий. При этом, как вспомогательные органы, комиссии не могут сами давать распоряжений ни исполнительным органам совета, ни другим государственным и общественным учреждениям.

Постановление VIII Пленума Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии 1961 года наметило ряд конкретных мер в направлении дальнейшего расширения прав и круга деятельности постоянных комиссий Национальных Советов.

В частности, предусмотрено было предоставить комиссиям:

право принятия постановлений, содержащих рекомендации в адрес соответствующего отдела, конкретизирующие решения и указания Совета и обязывающие соответствующие отделы устранять выявленные недостатки;

право принятия, в определенных границах, имеющих обязательную силу заключений по вопросам, решение которых входит в компетенцию соответствующего отдела;

возможность выражать свое мнение при персональных изменениях на руководящих должностях в данной отрасли управления[8].

Предусмотрено также, что на вносимые отделами и президиумом Совета предложения по вопросам изменения бюджета в рамках данной отрасли управления должно быть получено заключение соответствующей комиссии, а предложения комиссий по контролируемой ею отрасли управления должны направляться непосредственно руководителю соответствующего отдела, который обязан информировать комиссию о ходе выполнения этих предложений.

Правовой формой реализации решений VIII Пленума ЦК ПОРП

[7] «Нове Дроги», 1961 г. № 8, стр. 41.
[8] «Монитор Польски», 1964, № 39, поз. 183.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

было принятие в 1963 году дополнений к Закону ст. 25. 1. 1958 года «О Национальных Советах» и Постановления Совета Министров ПНР № 158 от 6 июня 1964 года «Об обязательных рекомендациях и заключениях комиссий для руководителей отделов Президиумов Национальных Советов».[9]

На основании этих законодательных актов постоянные комиссии городских Национальных Советов получили право давать обязательные рекомендации и заключения отделам Президиума Национальных Советов по следующим вопросам:

а) улучшение работы отделов и подчиненных им учреждений;

б) участие в подготовке сессий;

в) изыскание способа удовлетворения жалоб и заявлений;

г) ликвидация волокиты и бюрократизма при разрешении нужд населения;

д) популяризация достижений и планов Национальных Советов;

е) реализация наказов и предложений избирателей, при определении способа их выполнения;

ж) использование инициативы общественных организаций и сотрудничества с ними;

з) организация общественных работ для выполнения хозяйственных, социально-культурных и других задач Национальных Советов[10].

Эти же законодательные акты возложили обязанность на заведующих отделами выяснять мнение соответствующих постоянных комиссий при решении следующих вопросов:

1) конкретизации основных заданий хозяйственного плана и бюджета и при разработке мероприятий, связанных с реализацией перспективных планов и бюджетов;

2) перемещение финансовых ассигнований с одного объекта на другой;

3) организация и финансирование общественных работ;

4) косрдинация капиталовложений определенного ведомства;

5) развитие кустарной промышленности и ремесла;

6) распределение промышленных товаров, полученных от предприятий и ведомств центрального подчинения в порядке нормированного снабжения;

7) развитие сельскохозяйственной продукции;

8) развитие физической культуры и туризма;

9) строительство и реконструкция коммунальных предприятий, предприятий и учреждений бытового обслуживания, транспорта и связи;

10) планирование массовых культурно-просветительных мероприятий;

11) распределение средств на ремонт жилых зданий и определение очередности ремонта.

Все эти предписания Совета Министров ПНР в отношении обязательных рекомендаций и заключений постоянных комиссий, а также обязанности отделов запрашивать мнение комиссий осуществляются в том случае, если они будут предусмотрены регламентами работы Национального Совета и его постоянных комиссий.

Таким образом, Совет Министров предоставляет право Национальным Советам и их президиумам точно определять предмет обязательных рекомендаций и заключений и еще более его конкретизировать.

---

[9] «Монитор Польски», 1964, № 39, поз. 183.

[10] «Проблемы Рад Народовых», 1968, № 12, стр. 35.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Анализ практики постоянных комиссий городских Национальных Советов показывает, что в большинстве регламентов Национальных Советов и их комиссий предметный перечень обязательных рекомендаций и заключений аналогичен перечню, изложенному в Постановлении Совета Министров № 158 от 6 июня 1964 г[11].

По предметам ведения обязательные рекомендации постоянных комиссий городских Национальных Советов можно подразделить на две группы: а) обязательные рекомендации, касающиеся деятельности Национального Совета, б) обязательные рекомендации по улучшению работы отделов.

В вопросах, связанных с деятельностью Национального Совета, постоянные комиссии дают обязательные заключения отделам по сбору и обработке материалов на сессию, подготовке проектов решений, реализации решений сессии и постановлений президиума, реализации плана и бюджета, оказания помощи депутатам и членам постоянных комиссий в организации контроля, встреч с избирателями, организационно-технической помощи, способу реализации отделами решений комиссии и др.

В вопросах улучшения работы отделов постоянные комиссии дают обязательные рекомендации, связанные с улучшением организации приема граждан и разрешением их нужд, поднятием уровня культуры работников отделов, устранением бюрократизма, повышением квалификации работников отделов, оценкой деятельности всех административных органов и др.

Свои обязательные рекомендации постоянные комиссии могут давать любому отделу президиума и органам, работающим на правах отделов, а конкретное содержание обязательных рекомендаций зависит от специфики, хозяйственной, административно-территориальной и других особенностей Национального Совета.

Так, соответствующие комиссии Национальных Советов в городах уездного и воеводского подчинения и в городских районах, кроме вышеперечисленных предметов ведения обязательных рекомендаций, могут давать обязательные рекомендации и по таким, имеющим важное значение вопросам, как исполнение текущих задач коммунального хозяйства, освещение улиц и площадей, нормальное содержание улиц, тротуаров, мостов, поддержание чистоты и порядка в городе, обеспечение населения водой, улучшение содержания парков, скверов и мест отдыха, деятельность предприятий обслуживания и ремесла, городского транспорта, использование местных сырьевых ресурсов и др[12].

Анализ постановления Совета Министров от 6 июня 1964 года и ряда постановлений президиумов городских Национальных Советов и практики выполнения этих постановлений позволяет сделать вывод о том, что обязательные рекомендации постоянных комиссий затрагивают различные формы и методы работы отделов президиумов Национальных Советов, а обязательные заключения выносятся постоянными комиссиями по проблемным вопросам, имеющим важное хозяйственное или общественное значение.

Так, постановление президиума Национального Совета в городе Жешуве обязывает заведующих соответствующими отделами руководствоваться обязательными заключениями постоянных комиссий по следующим вопросам: производство кирпича и других строительных материалов, определение объема жилищного строительства, распределение

[11] «Проблемы Рад Народовых», 1968, № 12, стр. 36.
[12] «Проблемы Рад Народовых», № 12, 1968, стр. 40.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

товаров между торгующими организациями, определение путей улучшения и модернизации торговли, программы подготовки к туристическому сезону, мероприятия по улучшению уличного движения, проекты годичных репертуарных планов театров и клубов, строительство школ, клубов, интернатов и всех дошкольных учреждений, развитие предприятий обслуживания и ремесла, годичные планы, строительство учреждений здравоохранения и др[13].

Предоставление постоянным комиссиям таких широких правовых средств для воздействия на работу городских органов государственного управления привело к возникновению и укреплению особой системы контроля за деятельностью отделов, осуществляемого постоянными комиссиями Национального Совета. Обязательные рекомендации и заключения постоянных комиссий носят властный характер и подлежат выполнению заведующими отделами. Таким образом, полномочия постоянных комиссий пополнились еще и функцией надзора за деятельностью отделов. Согласно действующему законодательству постоянная комиссия обязана на запрос отдела дать свое заключение в течение четырнадцати дней.

Реализация постоянными комиссиями своих полномочий в области обязательных рекомендаций и заключений приводит к улучшению работы отделов и их более тесному взаимодействию с постоянными комиссиями.

Так, если в 1962 году в 102 заседаниях постоянных комиссий Национального Совета города Жешува приняло участие 42 члена президиума и 66 заведующих отделами, то в 1966 году в 126 заседаниях приняло участие 76 членов президиума и 117 заведующих отделами[14].

Осуществление этих мероприятий привело к укреплению позиций постоянных комиссий как вспомогательных органов Национальных Советов.

В тех случаях, когда постоянные комиссии дают обязательные рекомендации и заключения, они действуют как самостоятельные органы государственной власти. Однако такое правовое положение постоянных комиссий не только не изменяет их характера как вспомогательных органов Советов, а наоборот, позволяет им более эффективно оказывать помощь Национальным Советам в осуществлении их хозяйственных и социально-культурных задач, значительно усиливает роль общественного фактора в организации и деятельности Национальных Советов и является важным элементом в процессе дальнейшего развития социалистической демократии. Организацию и порядок работы каждой постоянной комиссии городских Национальных Советов регулирует специально разрабатываемый регламент работы.

Регламент работы комиссии определяет функции каждого ее члена, основные задачи и формы их осуществления.

Регламенты работы комиссий определяют их главные функции. Так, регламент работы постоянной комиссии бюджета, финансов и плана Национального Совета района Мокатов в Варшаве указывает, что комиссия обязана все внимание сосредоточить на контроле за правильной разработкой и выполнением хозяйственного плана капиталовложений и финансирования, использованием местных ресурсов, созданием

[13] «Рада Народова», 1967, № 14, стр. 8.
[14] «Биулетын информацыйны президиум Рады Народовей м. ст. Варшавы». 1967, № 67, стр. 22.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

местного резерва, определением очередности обеспечения всех объектов необходимым сырьем, оборудованием и рабочей силой[15].

Регламент работы комиссии науки и просвещения указывает, что все вопросы образования, строительство новых и реконструкция существующих школ и дошкольных учреждений, вопросы дошкольного воспитания являются объектом деятельности постоянной комиссии[16].

Регламент работы любой постоянной комиссии указывает, с какими другими комиссиями Национального Совета должна она сотрудничать при реализации своих задач.

Согласно своему регламенту работы постоянная комиссия физической культуры и туризма Национального Совета города Кракова при реализации своих задач сотрудничает с комиссией торговли по вопросам организации торговых точек для обслуживания спортсменов и туристов; с комиссией транспорта и связи по вопросам обеспечения спортсменов и туристов необходимыми средствами транспорта; с комиссией коммунального хозяйства и бытового обслуживания по вопросам размещения туристов и спортсменов в гостиницах, туристических базах и базах отдыха и т. д.[17].

Постоянные комиссии в своих отраслях деятельности готовят материалы и предложения городскому Национальному Совету, дают заключения по соответствующим частям хозяйственного плана и бюджета и заботятся об их исполнении, дают заключения на запросы о переводе бюджетных средств из одной отрасли народного хозяйства в другую, вносят свои предложения и проекты, следят за исполнением решений Национального Совета, его президиума и вышестоящих органов; контролируют деятельность отделов и подчиненных им предприятий, учреждений и организаций.

Свою работу постоянные комиссии осуществляют согласно плану, который является частью их регламентов. План работы определяет конкретные задачи сферы деятельности комиссии, способ их реализации, предусматривает привлечение к их реализации общественного актива, сроки исполнения и персональную ответственность за их выполнение. План работы комиссии утверждается на ее заседании.

Результаты работы постоянных комиссий городских Национальных Советов зависят от профессиональной подготовки членов, их активности и умения привлечь для выполнения своих задач, а следовательно, задач Национальных Советов, общественный актив и массы трудящихся. Постоянные комиссии многих городских Национальных Советов, умело планируя свою работу, добились существенных успехов.

Так, постоянная комиссия транспорта и общественного порядка Национального Совета в городе Рацыборе, осуществляя контроль за состоянием дорог и улиц, совместно с отделом гражданской милиции разработала перспективный план обеспечения безопасности движения транспорта в городе. Основными вопросами плана являются модернизация улиц, перекрестков, твердое покрытие поверхности улиц, тротуаров, устранение помех движению транспорта и пешеходов, установка дорожных и уличных знаков, улучшение освещения и др.

Этот план был рассмотрен на сессии городского Национального Совета и начал претворяться в жизнь. В целях осуществления контроля за исполнением этого плана после новых выборов в 1969 году по-

---

[15] «Биулетын информацыйны президиум Рады Народовей м. ст. Варшавы», № 67, стр. 22.

[16] «Рада Народова», 1966, № 14, стр. 11.

[17] «Рада Народова», 1968, № 39, стр. 14.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

стоянная комиссия готовит общественный актив для нового состава Национального Совета и его постоянной комиссии транспорта и безопасности движения[18].

Практика подготовки постоянными комиссиями общественного актива для нового состава Национальных Советов получила широкое распространение.

---

[18] «Рада Народова», 1968, № 36, стр. 8, № 43, стр. 11 и др.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 219 Серия юридическая

ПРАВО КАССАЦИОННОГО ОБЖАЛОВАНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВООТНОШЕНИЯ

А. С. ГРИЦАНОВ

1. Право лица, обратившегося за судебной защитой, не исчерпывается правом получения судебного решения в результате рассмотрения дела судом первой инстанции.

Закон предоставляет сторонам и другим лицам, участвовавшим в деле, возможность обжаловать (опротестовать) судебное решение в суд второй инстанции. Возможность обжаловать (опротестовать) судебное решение называется правом кассационного обжалования и опротестования решения (ст.ст. 44 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик[1], 282 ГПК РСФСР).

Лица, участвовавшие в деле, сами решают вопрос о том, реализовать или нет предоставленное им законом право на обжалование (опротестование) судебного решения.

В науке гражданского процессуального права такая обеспеченная законом возможность в одностороннем порядке совершать различные процессуальные действия (предъявить иск, обжаловать решение, заявить в процессе ходатайство и т. д.) получила наименование правомочий на собственное действие, имеющее правообразовательное значение, или правомочий на одностороннее волеизъявление[2].

В науке гражданского процессуального права вопрос о юридической природе правомочий на одностороннее волеизъявление является спорным.

Сущность спора состоит в том, что одни ученые рассматривают правомочия на одностороннее волеизъявление как субъективные гражданские процессуальные права[3], другие — считают их только средством, способом приобретения субъективных гражданских процессуальных прав[4].

---

[1] Далее — Основы.

[2] См.: М. А. Гурвич. К вопросу о предмете науки советского гражданского процесса, «Ученые записки ВИЮН», вып. 4, Госюриздат, 1955, стр. 44.

[3] См.: М. А. Гурвич. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия, «Труды ВЮЗИ», Вопросы гражданского процессуального, гражданского и трудового права, т. 3, 1965, стр. 67; М. К. Воробьев. Право на судебную защиту по гражданским делам, «Проблемы правоведения». Новосибирск, 1967, стр. 113—114; А. А. Мельников. Правовое положение личности в советском гражданском процессе, изд-во «Наука», М., 1969, стр. 61; и др.

[4] См.: С. Н. Абрамов. Советский гражданский процесс. М., 1952, стр. 8; М. П. Ринг. К вопросу о гражданских процессуальных отношениях. «Ученые записки ВИЮН», вып. 16, 1968, стр. 60; А. А. Добровольский. Исковая форма защиты права, изд-во МГУ, 1965, стр. 122—123; В. Н. Щеглов. Гражданское процессуальное

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

В основе указанных разногласий лежит различное определение учеными понятия субъективного гражданского процессуального права.

Ученые, придерживающиеся первой точки зрения, рассматривают субъективное процессуальное право как правомочие на собственное поведение, как готовую к реализации возможность участника процесса действовать определенным образом. По их мнению, субъективное гражданское процессуальное право существует вне процессуального правоотношения и поэтому не является его элементом [5]. Другие ученые хотя и соглашаются с тем, что субъективное право не может существовать вне правоотношения, в то же время допускают существование таких правоотношений, в которых субъективному праву противостоит якобы не обязанность, а лишь связанность другого субъекта правоотношения, в данном случае суда [6].

Указанная концепция существования субъективных гражданских процессуальных прав без корреспондирующих этим правам обязанностей была подвергнута справедливой критике противниками этой точки зрения.

В самом деле, субъективное гражданское процессуальное право — это право требовать от другого лица определенного юридического поведения. Поэтому трудно представить себе его существование без корреспондирующей этому праву конкретной юридической обязанности другого лица или лиц.

Содержанием субъективного процессуального права является мера возможного поведения управомоченного лица и требования должного поведения от обязанного лица, обеспеченные процессуальным законом для достижения процессуальных интересов управомоченного лица [7].

Исходя из такого единственно верного, по нашему мнению, понятия субъективного гражданского процессуального права, правомочия на одностороннее волеизъявление не могут рассматриваться как субъективные процессуальные права.

Правомочие на одностороннее волеизъявление, когда оно реализовано, лишь порождает субъективное процессуальное право, ибо только с момента его реализации у суда возникает встречная обязанность на совершение определенных процессуальных действий.

Так, с подачей жалобы (протеста) и принятия ее судом у подавшего ее лица возникает субъективное право на получение кассационного определения, а у кассационного суда возникает обязанность проверить законность и обоснованность решения и постановить определение.

Как справедливо указывает А. А. Добровольский, «...пока иск не предъявлен, нет и конкретного процессуального правоотношения между истцом и судом, нет конкретных прав и обязанностей; пока не подана кассационная жалоба, нет и процессуального правоотношения между кассационным судом и жалобщиком и т. д. ...нужно различать объективное право и субъективные права и обязанности в конкретном пра-

---

правоотношение, изд-во «Юридическая литература», М., 1966, стр. 61—63, 118; О. В. Иванов. Право на судебную защиту. «Советское государство и право», № 7, 1970, стр. 41; и др.

[5] См.: А. А. Мельников. Правовое положение личности в советском гражданском процессе, стр. 64—65.

[6] См.: М. А. Гурвич. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия, стр. 64—66.

[7] См.: М. П. Ринг. К вопросу о гражданских процессуальных отношениях, стр. 89.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

воотношении. Но ведь само процессуальное правоотношение возникает в результате конкретных действий. Нет этих действий — нет и конкретных, субъективных процессуальных прав и процессуальных обязанностей»[8].

Сторонники точки зрения, согласно которой право кассационного обжалования (опротестования) решения является субъективным процессуальным правом, не в состоянии объяснить, чья правовая обязанность противостоит этому субъективному праву и в чем она выражается. Объяснение этому нельзя дать потому, что в действительности праву лица на кассационное обжалование (опротестование) ничьей обязанности не противостоит.

В связи с очевидной уязвимостью концепции существования субъективных гражданских или гражданско-процессуальных прав вне правоотношений, в науке высказана и третья точка зрения относительно понятия субъективного права. Согласно этой точке зрения субъективные права хотя и не могут существовать вне правоотношения, однако возможно существование таких правоотношений, в основе которых не лежит никакого юридического факта. Так, П. М. Филиппов, справедливо не соглашаясь с точкой зрения О. В. Смирнова, утверждающего, что возможно существование субъективных прав вне правоотношений[9], в то же самое время как и О. В. Смирнов считает, что конституционные права наших граждан (право на труд, на образование и др.) являются субъективными правами, утверждая при этом, что указанные права всегда находятся в рамках правоотношения[10], хотя автор не указывает, какие же юридические обязанности и какого органа противостоят субъективным правам в этом правоотношении.

Необходимо отметить, что субъективное гражданское процессуальное право лица на получение кассационного определения существенно отличается от иных гражданских процессуальных, а также и от гражданских материальных субъективных прав. Эта особенность состоит прежде всего в круге юридических фактов, лежащих в основе возникновения указанного субъективного права.

Так, если для возникновения у лица субъективного права на получение судебного решения достаточно одного юридического факта — предъявления иска с соблюдением установленных условий, а для возникновения, например, субъективного гражданского права собственности на конкретное имущество также достаточно одного юридического факта — приобретения лицом этого имущества в собственность одним из указанных в законе способов, то для возникновения субъективного права на получение кассационного определения наряду с подачей жалобы (протеста) и принятия ее судом, необходимо наличие второго юридического факта, каким является факт вынесения судебного решения, не вступившего в законную силу. Поскольку общепринятым является мнение, что субъективное право возникает при наличии юридического факта, а им в данном случае является судебное решение, то не опровергает ли это нашего утверждения о том, что право на кассационное обжалование (опротестование) решения не является субъективным процессуальным правом? Нет, не опровергает.

---

[8] См.: А. А. Добровольский. Исковая форма защиты права; стр. 122—123.

[9] См.: О. В. Смирнов. Природа и сущность права на труд в СССР, М., Изд-во «Юридическая литература», 1964, стр. 13—14.

[10] См.: П. М. Филиппов. Согласительный порядок рассмотрения трудовых споров в СССР. Автореферат диссертации на соискание уч. степ. канд. юрид. наук, Л., 1970, стр. 3.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

В составе единого и сложного процессуального правоотношения по делу, возникающего с момента принятия судом иска и оканчивающегося исполнением судебного решения [11], кассационное производство как правоотношение является второй стадией (после производства в суде первой инстанции) или ступенью в развитии процесса по делу.

Другими стадиями являются: надзорное производство, производство по вновь открывшимся обстоятельствам, исполнительное. Каждая из этих стадий представляет собой относительно самостоятельное процессуальное отношение. Эта самостоятельность выражается в специфике круга субъектов, в конкретной цели правоотношения, особенностях объекта. Самостоятельность может быть подчеркнута и тем, что каждая из указанных стадий единого правоотношения вовсе не является обязательным этапом в защите права.

Так, стороны могут не обжаловать решение суда, поскольку они с ним согласны; должник может его добровольно выполнить и в этом случае не понадобится также и стадии принудительного исполнения решения.

Однако самостоятельность частей правоотношения, понятая в его единстве, заключается и в другом, а именно в том, что юридический факт, прекращающий одно правоотношение, является одновременно предпосылкой для возникновения последующего, хотя в состав самого нового правоотношения он не входит. Поэтому и наличие такой предпосылки (юридического факта), как судебное решение, само по себе еще не вызывает возникновение у лица субъективного права на получение кассационного определения по делу. Необходим еще один юридический факт, который непосредственно повлечет возникновение кассационного правоотношения, а с ним и субъективных процессуальных прав на принятие жалобы (протеста), проверку решения в кассационном порядке и получение кассационного определения.

Возбудив кассационное правоотношение, лицо в дальнейшем само определяет меру, степень осуществления возникших у нее субъективных процессуальных прав: участвовать или нет в рассмотрении дела, заявлять ли ходатайства, давать объяснения, представлять ли дополнительные материалы, отказаться или нет от кассационной жалобы (протеста) и т. д.

Однако реализация каждого из указанных субъективных прав достигается через совершение лицом конкретных процессуальных действий, приводящих в каждом случае к возникновению элементарных правоотношений между судом и лицом, участвующим в деле, и порождая у лица субъективное процессуальное право, а у суда — субъективную обязанность (рассмотреть ходатайство, разъяснить процессуальные права, представить возможность для дачи объяснений и т. д.).

В науке гражданского процессуального права высказано справедливое мнение о том, что право лица на судебную защиту (правовая возможность) своего субъективного права или охраняемого законом интереса, является самостоятельным правомочием, представляющим собой особый вид правоспособности — охранительную правоспособность [12]. Если учесть, что право кассационного обжалования (опротестования) судебного решения является составной частью права на су-

---

[11] См.: В. Н. Щеглов. Гражданское процессуальное отношение, изд-во «Юридическая литература», М., 1965, стр. 32.

[12] См.: О. В. Иванов. Право на судебную защиту, «Советское государство и право», № 7, 1970, стр. 40—48.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

дебную защиту, то, следовательно, по своей юридической природе, оно представляет собой вид охранительной правоспособности.

3. Право кассационного обжалования (опротестования) решения влечет возникновение субъективных гражданских процессуальных прав только в случае, когда лицо обладает этим правом, и если оно реализовано с соблюдением условий, установленных законом. Таким образом, правоотношение по проверке судебного решения в кассационном порядке возникает лишь при наличии определенного юридического состава [13], состоящего из предпосылок самого права на обжалование (опротестование), условий его реализации и юридических фактов.

Право на обжалование (опротестование) судебного решения в кассационном порядке имеет место при наличии трех предпосылок:

1. Правоспособности (ст. 31 ГПК РСФСР).
2. Принадлежности участника процесса к категории лиц, участвующих в деле (ст.ст. 29, 282 ГПК РСФСР).
3. Соблюдения срока для подачи жалобы или протеста (ст. 284 ГПК РСФСР).

Ст. 31 ГПК РСФСР определяет гражданскую процессуальную правоспособность, как способность иметь гражданские процессуальные права и обязанности.

Ею обладают все граждане, государственные учреждения и предприятия, колхозы и иные кооперативные и общественные организации, пользующиеся правами юридического лица. В юридической литературе сущность гражданской процессуальной правоспособности определяют по-разному. Большинство процессуалистов считает, что содержанием ее является способность лица (гражданина или юридического лица) иметь гражданские процессуальные права и обязанности [14], однако некоторые определяют ее и как способность быть стороной в процессе по своему делу [15].

Правильной, по нашему мнению, является первая точка зрения. Ее справедливость подтверждается и действующим законодательством (ст. 31 ГПК РСФСР).

В соответствии со ст. 44 Основ. правом обжалования (опротестования) решения пользуются только лица, участвующие в деле.

Лицам, участвующим в деле, посвящен раздел II Основ, к ним относятся: а) стороны (ст. 24); б) третьи лица (ст. 27), представители (ст. 28), прокурор (ст. 29), органы государственного управления, профсоюзы, учреждения, предприятия, организации и отдельные граждане, защищающие права других лиц (ст. 30). Хотя наиболее существенными особенностями лиц, участвующих в деле, как субъектов процесса являются:

а) их заинтересованность в результатах процесса [16];

б) возбуждение процесса от своего имени либо от имени других

---

[13] См.: О. П. Красавчиков. Юридические факты в советском гражданском праве, М., Госюриздат, 1958, стр. 67.

[14] См.: «Гражданский процесс» под ред. С. Н. Абрамова, Юриздат, 1948, стр. 86; А. Ф. Клейман. Советский гражданский процесс, изд. МГУ, 1954, стр. 94 (а также 1964, стр. 42); А. Ф. Козлов. Советское гражданское процессуальное право, М., Изд. «Юридическая литература», 1964, стр. 67; «Советский гражданский процесс» под ред. проф. М. А. Гурвича, изд. «Высшая школа», М., 1967, стр. 63—64; «Гражданский процесс», изд. «Юридическая литература», М., 1968, стр. 65.

[15] См.: М. А. Гурвич. Право на иск, М.—Л., изд. АН СССР, 1949, стр. 65.

[16] См.: В. К. Пучинский. Основные вопросы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик в сб.: «Новое в гражданском и гражданско-процессуальном законодательстве СССР и союзных республик», М., ВИЮН, 1962, стр. 46—47.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

лиц, тем не менее в ГПК союзных республик по-разному определен состав лиц, участвующих в деле.

До принятия Основ в юридической литературе высказывались различные точки зрения по вопросу о том, относятся ли представители сторон и третьих лиц к лицам, участвующим в деле[17], поскольку содержание понятия «лица, участвующего в деле», определено было не четко.

Поэтому хотя Основы и определили круг субъектов, относящихся к лицам, участвующим в деле, в числе которых названы и представители, тем не менее, дискуссия о правомерности отнесения их к лицам, участвующим в деле, не прекратилась[18].

Результатом теоретических разногласий явилось и различное разрешение этого вопроса в законодательстве союзных республик. Так, по ГПК РСФСР, Узбекской, Туркменской, Киргизской, Армянской, Азербайджанской, Грузинской, Казахской ССР представители сторон и третьих лиц не входят в состав участвующих в деле лиц; по ГПК УССР, БССР, Латвийской, Литовской, Эстонской, Таджикской, Молдавской ССР — наоборот.

Определяя правовое положение представителя, нельзя согласиться с С. Н. Абрамовым, полагающим, что ст. 28 Основ устанавливает лишь право стороны на ведение дела через представителя, но сам, якобы представитель, не имея к делу юридического интереса, не может быть отнесен к категории лиц, участвующих в деле[19]. Однако независимо от того, относятся ли представители сторон и третьих лиц к участвующим в деле лицам по ГПК той или иной республики, характер совершаемых ими процессуальных действий одинаков. Все они, в частности, вправе обжаловать судебное решение (см., например, ст. 46 ГПК РСФСР и ст. 115 ГПК УССР).

Третьей предпосылкой права на обжалование (опротестование) решения является соблюдение срока для подачи жалобы или протеста (ст. 284 ГПК РСФСР).

Установление кассационного срока имеет своей целью обеспечить, с одной стороны, быстрое рассмотрение дела судом второй инстанции, а с другой — дать возможность лицам, участвующим в деле, ознакомиться с материалами дела и в случае несогласия с решением изложить свои возражения в кассационной жалобе или протесте[20].

Осуществление права на обжалование в значительной мере зависит от своевременности получения сторонами, а также другими участвующими лицами копий решения суда, в особенности, когда кто-либо из них проживает в другой местности.

---

[17] См.: М. А. Гурвич. Лекции по советскому гражданскому процессу, ВЮЗИ, 1950, стр. 47; С. Н. Абрамов. Советский гражданский процесс, Госюриздат, 1952, стр. 83; Д. М. Чечот. Участники гражданского процесса, Госюриздат, 1960, стр. 12—13; В. П. Мозолин. О гражданско-процессуальном правоотношении, «Советское государство и право», 1955, № 6.

[18] См.: С. Н. Абрамов. Некоторые вопросы советской кассации в Основах гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, «Правоведение», 1964, № 2, стр. 76; М. А. Кабакова. Роль кассационной инстанции в обеспечении законности и обоснованности судебных решений, Вестник ЛГУ, серия экономики, философии и права, 1964, № 11, вып. 2, стр. 105; И. М. Ильинская, Л. Ф. Лесницкая. Судебное представительство в гражданском процессе, изд-во «Юридическая литература», М., 1964, стр. 13—15 и др. При этом, говоря о представителях, мы имеем в виду договорных представителей, ибо законные представители (родители, усыновители, опекуны, попечители) по действующему ГПК РСФСР не ограничены в праве кассационного обжалования.

[19] См.: С. Н. Абрамов. Указанная работа, стр. 76.

[20] См.: Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР, изд. «Юридическая литература», М., 1965, стр. 330.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Гражданское процессуальное законодательство РСФСР предусматривает высылку копий решения суда в обязательном порядке лишь в случае, если сторона или другое участвующее лицо не явилось в судебное заседание. Суд в этом случае обязан выслать копию решения или определения в трехдневный срок со дня их вынесения (ст. 213 ГПК РСФСР).

Если же сторона или иное участвующее в деле лицо явилось в судебное заседание, то на суд не возлагаются законом обязанности по высылке копии решения (определения).

Указанные положения закона требуют, по нашему мнению, изменения, так как представляется неоправданным положение, когда сторона или иное участвующее в деле лицо, не явившееся в судебное заседание, в ряде случаев становится в более привилегированное положение при осуществлении своего права на дальнейшую судебную защиту, нежели лицо, явившееся в процессе. Ведь ст. 213 ГПК РСФСР обязывает суд в трехдневный срок выслать копию решения стороне, независимо от причин ее неявки.

Поэтому представляется целесообразным ст. 213 ГПК РСФСР дополнить текстом следующего содержания: «... за исключением случаев, когда о причинах неявки сведений не имеется либо причины неявки признаны судом неуважительными».

Вместе с тем, учитывая, что в гражданском процессуальном кодексе РСФСР отсутствует норма, закрепляющая право сторон и других участвующих в деле лиц, на получение копий решения, представляется важным дополнить ст. 213 ГПК РСФСР частью второй следующего содержания: «По просьбе сторон и других лиц, участвующих в деле, явившихся в судебное заседание, суд должен выдать либо выслать почтой копию решения или определения во всяком случае не позднее пяти дней со дня их вынесения».

4. Как уже указывалось, десятидневный срок, установленный законом для обжалования (опротестования) решения, имеет целью обеспечить быстроту кассационного судопроизводства. Между тем отсутствие в Основах и гражданско-процессуальных кодексах союзных республик норм, устанавливающих сроки рассмотрения дел судами второй инстанции, не способствует осуществлению этого важного принципа[21].

Отсутствие правовой регламентации сроков судопроизводства гражданских дел в судах второй инстанции не может быть оправдано никакими соображениями. Тем более, что законодатель счел необходимым регламентировать срок кассационного производства по уголовным делам (ст. 333 УПК РСФСР).

В соответствии с общей нормой гражданского процессуального права, регламентирующей последствия пропуска сроков (ст. 102 ГПК РСФСР), в ст. 284 ГПК установлено правило, согласно которому кассационная жалоба (протест), поданная с нарушением десятидневного срока, оставляется без рассмотрения и возвращается лицу, ее подавшему.

По нашему мнению, выражение в ст. 284 ГПК РСФСР «оставление жалобы (протеста) без рассмотрения» не соответствует характеру совершаемого процессуального действия — отказу в возбуждении касса-

[21] Так, например, в 1969 г. из 333 кассационных дел, рассмотренных Алтайским краевым судом, которые поступили лишь из народных судов, расположенных непосредственно в г. Барнауле, в срок до одного месяца рассмотрено 88,6 процента дел, а в срок свыше месяца — 11,4 процента обжалованных (опротестованных) дел. (См. наряд с кассационными определениями судебной коллегии по гражданским делам Алтайского краевого суда за 1969 г.).

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ционного производства в связи с пропуском срока и поэтому должна быть изменена.

Введенный в новое гражданское процессуальное законодательство, институт оставления иска без рассмотрения является одной из форм окончания производства по делу в суде первой инстанции. Представляется, что поскольку объектом кассационного производства является жалоба (протест), то употребляемый термин «оставление без рассмотрения» должен иметь такое же значение, т. е. как форма окончания только уже кассационного производства по делу.

В этом смысле терминология ст. 284 ГПК РСФСР критики не выдерживает, так как при подаче кассационной жалобы (протеста) с пропуском срока кассационное производство по делу не должно возникать, поэтому и встречным действием судьи должно быть не оставление жалобы (протеста) без рассмотрения, а отказ в ее приеме.

Это ни в коей мере не ущемит права участвующих в деле лиц на подачу заявлений о восстановлении кассационного срока в соответствии с нормой ст. 105 ГПК РСФСР.

Указанные нами предпосылки на обжалование (опротестование) решения суда сами по себе не влекут возникновения кассационного правоотношения, поскольку для этого необходимо осуществление этого права (подача жалобы (протеста) и принятие ее судом с соблюдением установленных законом условий. Однако указанные предпосылки права на обжалование (опротестование) решения являются необходимыми элементами сложного юридического состава, лежащего в основе процессуального отношения по проверке законности и обоснованности судебного решения в кассационном порядке.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

П. М. Михайлов. К вопросу о товарном обращении между государством и колхозами 3
А. И. Ореховский. В. И. Ленин об ответственности личности . . 11
А. П. Власов. Некоторые вопросы правового положения автономной области 18
В. В. Тихонова. Выдвижение кандидатов в депутаты — важнейший этап избирательного процесса в ПНР 26
И. В. Федоров. Хозяйственный договор — особый вид гражданско-правового договора 36
И. В. Федоров. О правовой природе обязательств, возникающих из факта принятия сторонами к исполнению наряда 72
Л. В. Тен. О содержании и природе правоотношений, возникающих на основании планового акта распределения продукции 81
Р. П. Мананкова. К вопросу об объектах правоотношения общей долевой собственности граждан 92
В. И. Сухинин. К вопросу о правовой природе договора на эксплуатацию железнодорожного подъездного пути 99
П. С. Дружков. Актуальные вопросы подведомственности гражданских дел (по материалам Алтайского края) 111
П. С. Дружков. Порядок предварительного внесудебного разрешения спора 120
В. Г. Асташенков. Порядок ознакомления обвиняемого и защитника с материалами дела при окончании предварительного следствия . . . 130
А. И. Данилюк. К вопросу о гарантиях всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела при производстве предварительного расследования 138
И. И. Круковский. Некоторые вопросы изменения обвинения в советском уголовном процессе 146
Б. С. Ибрагимов. К вопросу о существенном нарушении уголовно-процессуальной формы 151
Б. С. Ибрагимов, О. Я. Мотовиловкер. Некоторые вопросы уголовно-процессуальной терминологии 157
Е. Н. Лифанов. К вопросу о мотивировке постановления о привлечении в качестве обвиняемого 166
Е. Н. Тихонов. Некоторые вопросы уголовной ответственности за хищение и небрежное хранение боеприпасов 173
О. Я. Мотовиловкер, Л. В. Павлухин, М. К. Свиридов, В. Г. Асташенков, Б. С. Ибрагимов, И. Е. Карасев, Е. Н. Лифанов. Советский уголовный процесс. (Рецензия). . . . 181
О. Я. Мотовиловкер. Психиатрия в уголовном процессе. . . 185
В. М. Лебедев. Вознаграждение за общие результаты работы предприятия по итогам за год как стимул к добросовестному труду . . 192
В. М. Лебедев. Правовой механизм стимулирования социалистической дисциплины труда. 199
Ф. М. Бондарь. Постоянные комиссии городских Национальных Советов Польской Народной Республики. 204
А. С. Грицанов. Право кассационного обжалования как основание возникновения правоотношения. 212

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

ТРУДЫ ТГУ, Т. 219.
Томск. Изд. ТГУ, 1971 г., 220 с.

Старший редактор **Л. Г. Мордовина.**
Технический редактор **Р. М. Подгорбунская.**
Редактор **А. Е. Гирсова.**
Корректоры **Е. В. Лукина, Т. К. Кюрс.**

Сдано в набор 14/V-1970 г. Подписано к печати 17/IX-1971 г.
Формат 70×108 1/16, п. л. 13,6; бум. л. 6,8; уч-изд. л. 18,6.
Заказ 4170. Тираж 500. Цена 1 руб. 86 коп. К302136.

Издательство ТГУ. Томск-10, проспект им. Ленина, 36.

Типография «Советская Сибирь».

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

Томский госуниверситет 1878
Научная библиотека 00758385

Цена 1 руб. 86 коп.